

Annotation

Предлагаемые читателям романы не публиковались в России многие годы. Они полны мелодраматизма, местами в них присутствуют и элементы мистики.

Герои романа «Две судьбы» с детства любят друг друга, но злой рок на долгие годы разлучает их. Сумев в чистоте сохранить чувства, влюбленные, пройдя через все испытания, наконец соединяют свои жизни.

- [Уилки КОЛЛИНЗ](#)
 - [ВВЕДЕНИЕ](#)
 - [ДЖОРДЖ ДЖЕРМЕНЬ ОПИСЫВАЕТ ИСТОРИЮ СВОЕЙ ЛЮБВИ](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Глава XV](#)
 - [Глава XVI](#)
 - [Глава XVII](#)
 - [Глава XVIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава XX](#)
 - [Глава XXI](#)
 - [Глава XXII](#)

- [Глава XXIII](#)
 - [Глава XXIV](#)
 - [Глава XXV](#)
 - [Глава XXVI](#)
 - [Глава XXVII](#)
 - [Глава XXVIII](#)
 - [Глава XXIX](#)
 - [Глава XXX](#)
 - [Глава XXXI](#)
 - [Глава XXXII](#)
 - [Глава XXXIII](#)
 - [Глава XXXIV](#)
 - [Глава XXXV](#)
 - [Глава XXXVI](#)
 - [Глава XXXVII](#)
 - [Глава XXXVIII](#)
 - [ФИНАЛ](#)
-

Уилки КОЛЛИНЗ
ДВЕ СУДЬБЫ

Печатается по
изданию 1879 года

ВВЕДЕНИЕ

ГОСТЬ ОПИСЫВАЕТ ИСТОРИЮ

ОДНОГО ОБЕДА

Много лет миновало с тех пор, как мы с женой в первый раз приехали в Англию из Соединенных Штатов.

Разумеется, нас снабдили рекомендательными письмами. Между прочим, одно было написано женой моего брата. Оно представляло нас английскому дворянину, который занимал почетное место в списке его старых и дорогих друзей.

— Вы познакомитесь с мистером Джорджем Джерменем в самый интересный период его жизни, — сказал брат, когда мы прощались. — В своем последнем письме он сообщает мне, что женился. Я не знаю ничего о его жене или о тех обстоятельствах, при которых он с ней познакомился. Но в одном я уверен: холостой или женатый, Джермен окажет радушный прием из чувства дружбы ко мне.

На другой день по прибытии в Лондон мы оставили наше рекомендательное письмо в доме мистера Джерменя.

На следующее утро мы отправились посмотреть на главный предмет интереса для американцев в столице Англии — «Большой Бен». Граждане Соединенных Штатов находят, что этот остаток доброго старого времени полезно действует на повышение в национальной оценке достоинства республиканских учреждений. По возвращении в гостиницу мы нашли карточки мистера и мистрис Джермень, свидетельствовавшие, что они уже ответили на наш визит. В тот же вечер мы получили от новобрачных приглашение на обед. Оно заключалось в записочке мистрис Джермень к моей жене, в которой она предупреждала, что мы не встретим у них большого собрания.

«Это наш первый обед после возвращения из свадебной поездки (писала она), и вы познакомитесь только с немногими из старых друзей моего мужа».

В Америке и на европейском материке (как я слышал), когда хозяин приглашает на обед в назначенный час, гости проявляют

вежливость и являются ровно в определенное время. Только в Англии существует непонятный и неучтивый обычай заставлять ждать и хозяина, и обед добрых полчаса, если не больше — без всякой видимой причины и с одним формальным извинением: «Досадно, что опоздал».

Приехав к Джерменям в назначенное время, мы имели повод порадоваться своей невежливой точности, которая привела нас в гостиную получасом раньше других гостей.

Во-первых, столько было сердечности и так мало церемоний в их приеме, что мы почувствовали себя почти в родном краю. Во-вторых, и муж, и жена расположили нас к себе с первого взгляда. Особенно пленила нас жена, хотя, строго говоря, ее нельзя было назвать красавицей. В ее лице и обращении была безыскусственная прелесть, в ее движениях естественная грация, в ее тихом голосе приятная мелодичность, которые для нас, американцев, оказывались просто неотразимы. И наконец, было явно (и так приятно), что тут, по крайней мере, пред нашими глазами счастливый брак! Эти двое людей имели все сообща, дорогие надежды, желания, сочувствия — они, казалось, если я могу позволить себе это выражение, рождены быть мужем и женою. К тому времени, когда миновали модные полчаса опоздания, мы беседовали так же свободно и доверчиво, как будто все четверо были старые друзья.

Пробило восемь часов, появился первый гость-англичанин.

Забыв фамилию этого господина, я попрошу позволения обозначить его буквой. Пусть он будет мистер А. Когда он вошел в комнату один, и хозяин, и хозяйка вздрогнули, изумление выразилось на их лицах. Очевидно, они ожидали, что с ним будет кто-то еще. Джермень полюбопытствовал спросить:

— Где ваша жена?

Мистер А, объяснил отсутствие этой дамы приличным маленьким оправданием в следующих выражениях:

— Она сильно простудилась. Ей очень жаль. Она просила меня извиниться перед вами.

Едва он успел передать это поручение, как появился другой господин, и также один. Возвращаясь к азбуке, я назову его мистером Б. Опять я заметил, что хозяин и хозяйка вздрогнули, увидев, что гость входит в комнату один. Признаться, я с некоторым изумлением

услышал, что Джермень повторяет новому гостю свой пытливый вопрос:

— Где ваша жена?

Ответ, с небольшими изменениями, состоял из того же приличного маленького оправдания мистера А. повторенного мистером Б.

— Мне очень жаль. Мистрис Б, страдает сильной головной болью. Она подвержена головным болям. Она просила меня извиниться перед вами.

Мистер и мистрис Джермень переглянулись. На лице мужа ясно выразилось подозрение, которое возникло в его уме при втором извинении. Жена была тверда и спокойна. Прошел промежуток времени — безмолвный промежуток. Мистер А, и мистер Б. как виновные, удалились в угол. Мы с женою рассматривали картины.

Избавила нас от неприятного молчания мистрис Джермень. Повидимому, недоставало двух гостей для полного состава общества.

— Сейчас подавать обед, Джордж, — спросила она мужа, — или нам подождать мистера и мистрис В. ?

— Мы подождем пять минут, — ответил он коротко, не сводя глаз с гг. А, и Б. остававшихся в углу и осознающих свою вину.

Дверь гостиной отворилась. Все мы знали, что ожидается третья дама, все мы с тайной надеждой устремили глаза на дверь. Наши безмолвные упования возлагались на возможное появление мистрис В. Спасет ли нас эта восхитительная, хотя неизвестная женщина фактом своего присутствия? Я содрогаюсь, когда пишу это. Мистер В, вошел в гостиную.., и вошел один. Встречая нового гостя, Джермень вдруг изменил свой традиционный вопрос.

— Ваша жена больна? — сказал он.

Мистер В, был человек пожилой. Он принадлежал (судя по наружности) к тому времени, когда старомодные правила вежливости имели еще полную силу. Он увидел двух женатых собратьев в их углу без жен, понял все и извинился за свою жену с видом человека, который искренно стыдится этого.

— Мистрис В, так огорчена! Она сильно простудилась. Она очень жалела, что не смогла приехать со мной.

При этом третьем извинении гнев Джерменя вырвался наружу, проявившись в следующих словах:

— Две сильные простуды и одна сильная головная боль, — сказал он с иронической вежливостью. — Не знаю, господа, как ваши жены согласуются, когда здоровы. Но когда они больны, их единодушие удивительно!

Едва он успел договорить эти резкие слова, как доложили, что обед подан.

Я имел честь вести к столу мистрис Джермень. Сознание обиды, нанесенной ей женами приятелей мужа, только проявлялось в дрожании, чуть заметном дрожании руки, которая опиралась на мою руку. Мое сочувствие к ней усилилось вдесятеро. Только женщина, привыкшая страдать, способная владеть собой, могла так выносить нравственную пытку, которой подвергали ее эти люди от начала вечера до конца.

Прибегаю ли я к преувеличению, когда пишу о хозяйке дома в этих выражениях? Взгляните на обстоятельства в том свете, в каком они представились таким двум посторонним лицам, как мы с женой.

Новобрачные давали первый обед. Три женатых приятеля Джерменя были приглашены со своими женами приветствовать молодую жену Джерменя и, очевидно, приняли приглашение без задней мысли. Но кто мог сказать, что произошло между приглашением и днем обеда? Одно было ясно, именно, что в этот промежуток три жены договорились поручить мужьям заменить их на обеде мистрис Джермень, и, что всего было изумительнее, мужья настолько одобрили этот грубо-оскорбительный образ действия, что согласились передать в высшей степени обидно-пошлые предлоги для их отсутствия. Можно ли было нанести более жестокое оскорбление женщине в самом начале ее брачной жизни перед лицом мужа и в присутствии двух посторонних иностранцев? Разве «пытка» слишком сильное слово, чтобы передать страдание чувствительной женщины, сделавшейся жертвой подобного обращения? Я не думаю этого.

Мы сели за стол. Не требуйте, чтобы я описывал самое мучительное и убийственное собрание, самое тяжкое и печальное из человеческих пиршеств. И того довольно, право, чтобы не вспоминать о нем!

Мы с женой приложили все старания, чтобы разговор принял самый свободный и безобидный оборот, какой только был возможен. Я могу сказать, что мы трудились изо всех сил. Однако тем не менее нам

не сопутствовал успех. Как мы ни старались оставлять их без внимания, три пустые места трех отсутствующих женщин говорили сами за себя. Как мы с этим ни боролись, однако все сознавали единственный печальный вывод, который эти пустые места упорно навязывали нам. Очевидно, какая-то страшная людская молва, касающаяся доброго имени несчастной женщины, сидевшей за столом хозяйкой, внезапно распространилась и нанесла ей роковой удар в мнении приятелей мужа. После извинений, принесенных в гостиную, в виду пустых мест за столом, что могли сделать самые дружелюбные гости, чтобы помочь мужу и жене в их горестной и внезапной беде? Только проститься при первом удобном случае и соответственно предоставить супругам остаться наедине.

Надо сказать к чести трех господ, обозначенных на этих страницах буквами А.

Б, и В. что они стыдились за себя и за своих жен и потому ушли первые. Через несколько минут и мы встали, чтобы последовать их примеру. Мистрис Джермень убедительно просила нас остаться еще немного.

— Подождите минуту, — шепнула она нам, бросив взгляд на мужа. — Мне надо сказать вам кое-что, прежде чем вы уйдете.

Она отошла от нас и, взяв Джерменя под руку, увела его на противоположный конец комнаты. Они провели вполголоса маленькое совещание между собой. Муж заключил его тем, что поднес к губам руку жены.

— Делай, как знаешь, моя душа, — сказал он ей. — Я предоставляю это исключительно твоему решению.

Он сел и погрузился в грустное раздумье. Мистрис Джермень отперла письменный стол на дальнем конце комнаты и возвратилась к нам одна с маленьким портфелем в руках.

— Не могу выразить словами, как я признательна за вашу доброту, — сказала она совершенно просто, но в то же время с большим достоинством. — При крайне тягостных обстоятельствах вы оказали мне сочувствие и сострадание, как старому другу. Одно, чем могу отплатить вам, это полнейшим доверием предоставив вам самим судить, заслуживаю ли я обращения, которому подверглась сегодня.

Ее глаза наполнились слезами. Она остановилась, чтобы овладеть собой. Мы с женой стали просить ее не говорить ничего больше. Муж

ее, который подошел в это время, присоединил свои уговоры к нашим. Она поблагодарила нас, но тем не менее настояла на своем. Подобно большей части впечатлительных женщин, она была тверда, когда считала это необходимым.

— Мне остается прибавить только несколько слов, — продолжала она, обращаясь к моей жене. — Единственная замужняя женщина на нашем маленьком обеде были вы. Явное отсутствие других жен объясняется само собой. Не мне решать, правы они или не правы, отказываясь сидеть за нашим столом. Мой дорогой муж, которому вся моя жизнь так же известна, как мне самой, выразил желание, чтобы мы пригласили этих дам. Он ошибочно предполагал, что его оценка меня будет принята его приятелями, и, ни он, ни я, мы не ожидали, чтобы несчастье моего прошлого было изобличено лицом, которому оно знакомо и которого коварство нам еще предстоит раскрыть. Самое меньшее, что я могу сделать в благодарность за вашу доброту, — это поставить вас в такое положение относительно меня, в каком находятся другие дамы. Обстоятельства, при которых я стала женой мистера Джермена, замечательны в некоторых отношениях. Они изложены без пропусков или ограничений в маленьком рассказе, который мой муж написал перед нашей свадьбой для одного из своих отсутствующих родственников, добрым мнением которого он дорожил. Рукопись в этом портфеле. После того, что произошло, я прошу вас обоих как о милости, чтобы вы прочли ее. Вам предоставляю решить, когда вы все узнаете, прилично или нет честной женщине водить со мною знакомство.

С кроткой и грустной улыбкой она протянула нам руку на прощание. Жена поцеловала ее, забыв по свойственной ей горячности надлежащий этикет. При этом небольшом изъявлении родственного сочувствия твердость, которая все время поддерживала бедную женщину, вдруг изменила ей. Она залилась слезами.

Я сочувствовал ей и жалел ее не менее моей жены. Но (к несчастью) я не мог воспользоваться преимуществом моей жены поцеловать ее. Спускаясь вниз, я нашел случай сказать утешительное слово ее мужу, который проводил нас до дверей.

— Прежде чем открою это, — заметил я, указывая на портфель, который нес под мышкой, — мое мнение составлено, сэр,

относительно одного. Не будь я женат, осмелюсь доложить, я пожелал бы себе в спутницы жизни вашу жену.

Он указал в свою очередь на портфель.

— Прочтите, что тут написано, — сказал он, — и вы поймете, что эти ложные друзья заставили меня выстрадать.

На другое утро мы открыли с женой портфель и прочли странную историю женитьбы Джорджа Джермена.

ДЖОРДЖ ДЖЕРМЕНЬ ОПИСЫВАЕТ ИСТОРИЮ СВОЕЙ ЛЮБВИ

Глава I

ОЗЕРО ЗЕЛЕННЫХ ВОД

Оглянись назад, моя память, сквозь туманный лабиринт прошедшего, сквозь череду радостей и горя двадцати лет. Восстаньте вновь, дни моего детства на извилистых, зеленых берегах маленького озера. Вернись ко мне опять, моя ребяческая любовь в невинную красоту твоих первых десяти лет жизни. Будем снова жить, мой ангел, как жили в нашем первом раю, прежде чем грех и горе подняли свои пламенеющие мечи и выгнали нас в свет.

На дворе стоял март. Последние дикие утки, зимовавшие здесь в это время года, плавали на озере, называемом на нашем суффолкском наречии озером Зеленых Вод.

Куда бы ни загибалось оно, зеленые берега и нависшие над нами деревья отражались в его водах нежным зеленым цветом, от которого оно и получило свое название. Лодки стояли в бухточке на южной оконечности — моя собственная хорошенькая парусная лодочка имела отдельную крошечную гавань. В бухте на северном конце была устроена большая западня (называемая Приманкой) для ловли диких птиц, которые каждую зиму прилетали тысячами на озеро Зеленых Вод.

Моя маленькая Мери и я вышли вместе, рука в руку, посмотреть, как последние зимние птицы попадают в Приманку.

Наружная часть странной западни для птиц поднималась из воды в виде ряда круглых арок из согнутых гибких ветвей, накрытых тонкими сетями, которые образовали крышу. Мало-помалу уменьшаясь в объеме, арки с их сетями опускались за тайными изгибами бухты вглубь воды до самого ее дна. Вокруг арок со стороны берега тянулся частокол, достаточно высокий, чтобы скрывать от птиц на озере человека, припавшего за ним на колени. Местами в частоколе было отверстие, достаточно большое, чтобы в него прошла такса или собака испанской породы. Тут начинался и кончался простой, однако весьма сносный механизм Приманки.

В это время мне было тринадцать, Мери десять лет. На нашем пути к озеру нас сопровождал, как спутник и проводник, отец Мери.

Добрый человек служил управляющим в имении моего отца. Кроме того, он был мастер заманивать уток. Собака, его помощница (мы в Суффолке не использовали ручных уток для приманки), была маленькая черная такса — также мастерица в своем роде, существо, наделенное в одинаковой мере завидными преимуществами безупречного доброго нрава и безупречного здравого смысла.

Собака следовала за управляющим, мы следовали за собакой.

Дойдя до частокола, которым окружалась Приманка, собака села ждать, пока ее потребуют. Управляющий и мы, дети, припали за частокол, посмотреть в самое крайнее снаружи отверстие, откуда вид открывался на все озеро. День был совершенно тихий, ни малейшей ряби не пробегало по воде, мягкие серые облака заволокли все небо и скрывали солнце.

Мы выглянули в отверстие частокола. Вот стая диких уток, собравшихся на небольшом расстоянии от Приманки, спокойно чистила свои перья на тихой поверхности озера.

Управляющий посмотрел на собаку и сделал знак. Собака посмотрела на управляющего, тихо подошла, пролезла в отверстие частокола встала неподвижно на узкой полосе земли, которая от частокола шла покато к озеру.

Сперва одна утка, потом другая, а там с полдюжины в одно время увидели собаку.

Новый предмет, показавшийся на пустынной местности, внезапно превратился в цель жадного любопытства уток. Крайние медленно поплыли к странной четвероногой твари, неподвижной на берегу. Главный корпус любопытных птиц последовал по двое и по трое за авангардом. Подплывая все ближе и ближе к собаке, осторожные утки, однако, вдруг остановились и, держась устойчиво на воде, созерцали на безопасной дистанции феномен на берегу.

Управляющий наклонился за частоколом и шепнул:

— Трим!

Услышав свое имя, такса повернула назад, пролезла сквозь отверстие и утки потеряли ее из вида. Неподвижные на воде, птицы дивились и ждали. Через минуту собака обежала вокруг и показалась в следующем отверстии частокола, пробитом дальше внутрь, там, где озеро входило в очередные изгибы бухты.

Второе появление таксы мгновенно вызвало новый прилив любопытства между утками. Они дружно поплыли опять вперед, чтобы вторично и ближе посмотреть на собаку, но опять рассудив, какое расстояние для них безопасно, они остановились на этот раз под наружной аркой Приманки. Собака исчезла вновь, и озадаченные утки ждали. Миновал промежуток времени — и третье появление Трима произошло через третье отверстие в частоколе, пробитое еще глубже внутрь бухты. В третий раз неудержимое любопытство побудило птиц продвигаться вперед все дальше и дальше внутрь роковых сводов Приманки. Четвертый и пятый раз повторилась та же проделка, пока собака завлекла птиц от места к месту в самую глубину западни. Тут Трим появился в последний раз. В последний раз также подвинулись вперед утки и остановились осторожно на расстоянии. Управляющий дернул веревку. Сети с гирями упали вертикально в воду и закрыли западню. И вот несколько десятков птиц оказались пойманными в ней из-за собственного любопытства с помощью одной только маленькой собаки для приманки. Через несколько часов все утки находились на пути в Лондон на рынок.

Когда последнее действие любопытной комедии в Приманке подошло к концу, маленькая Мери положила руку на мое плечо и, приподнявшись на цыпочки, шепнула мне на ухо:

— Джордж! Пойдем со мной домой. Что я покажу тебе! Лучше, чем смотреть на уток.

— Что это?

— Сюрприз. Не скажу.

— А поцелуешь меня?

Прелестное маленькое создание обвило тоненькими загорелыми ручками мою шею и ответило:

— Сколько хочешь, Джордж.

Это было сказано совершенно невинно с ее стороны.

Невинно также поступал и я. Добрый, снисходительный управляющий, отвернувшись в эту минуту от своих уток, захватил нас врасплох среди изъявления нашей детской любви в объятиях друг друга. Он погрозил нам своим толстым указательным пальцем и с грустной, отчасти и недоумевающей улыбкой.

— О, мистер Джордж, мистер Джордж! — сказал он. — Разве одобрит батюшка, когда вернется, чтобы его сын и наследник целовал

дочь управляющего?

— Когда приедет домой отец, — ответил я с большим достоинством, — я скажу ему правду. Я скажу ему, что женюсь на вашей дочери.

Управляющий захохотал и снова перевел взор на уток.

— Ладно, ладно! — услышали мы, как он говорил сам с собой. — Они просто дети. Нет еще надобности разлучать их, бедняжек, на время.

Мы с Мери очень не любили, чтобы нас называли детьми. Собственно говоря, Мери была девица десяти лет, а я — молодой человек тринадцати. Мы ушли от доброго управляющего в негодовании и вдвоем направились рука в руку к коттеджу.

Глава II

ДВА МОЛОДЫХ СЕРДЦА

— Он растет очень быстро, — сказал доктор моей матери, — и становится чересчур учен для мальчика его лет. Возьмите его из школы, сударыня, на добрых полгода. Пусть он бегает дома, на чистом воздухе. А если вы найдете у него книгу в руках, отнимите тотчас. Возьмите мои рекомендации.

Эти слова решили судьбу всей моей жизни.

Вследствие совета доктора меня оставили праздным, без братьев, сестер или товарищей моих лет, бродить по полям и лугам нашего уединенного поместья. Дочь управляющего была, подобно мне, единственным ребенком и так же, как я, не имела товарищей для игр. Мы встретились в наших странствованиях на пустынных берегах озера. Начав с того, что были неразлучными товарищами, мы созрели и развились в настоящих влюбленных. Наш первый период любви закончился (до моего возвращения в школу) тем, что мы решили, не ожидая, когда повзрослеем, стать мужем и женой.

Я пишу не в шутку. Как нелепо ни покажется это «людям рассудительным», мы, двое детей, страстно любили друг друга — если когда-либо существовала любовь.

Мы не имели понятия ни о каких удовольствиях, кроме вполне невинного удовольствия, которое находили в обществе друг друга. Мы ненавидели ночь, потому что она разлучала нас. Мы умоляли родителей, каждый со своей стороны, позволить нам спать в одной комнате. Я сердился на мать, а Мери была огорчена отцом, когда они смеялись над нами и спрашивали, что мы еще выдумаем. Переносясь мысленно от тех детских дней к дням моей возмужалости, я живо припоминаю все счастливые часы, какие выпали мне на долю. Но я не запомню наслаждения в эту позднейшую эпоху, которое могло бы сравниться с тем безграничным, не притупляющимся удовольствием, которым преисполнялось мое юное существо, когда я гулял с Мери в лесу, когда катался с Мери по озеру в моей лодочке, когда встречал Мери после жестокой разлуки на ночь и бросался в ее ответные объятия, точно мы были в разлуке долгие месяцы.

Что влекло нас так сильно друг к другу в том возрасте, когда половые чувства еще не пробуждались ни в ней, ни во мне?

Мы не знали этого и не доискивались. Мы повиновались побуждению любить друг друга, как птица повинуется побуждению летать.

Пускай не подумают, что мы владели какими-либо особенными врожденными способностями или преимуществами, которые выделяли бы нас из общего уровня поражающим несходством с другими детьми нашего возраста. Ничего такого в нас не было. Меня называли способным мальчиком в школе, но тысячи мальчиков в тысячах других школ оказывались первыми в своих классах и заслуживали награды, подобно мне. Лично я ничем не был замечателен — разве только, выражаясь обычной фразой, тем, что был «высок ростом для своих лет». Со своей стороны и Мери не отличалась особенной привлекательностью. Она была слабенький ребенок с добрыми, серыми глазами и бледным цветом лица, удивительно сдержанный, удивительно дикий и молчаливый, за исключением того времени, когда она оставалась со мной наедине. Вся ее красота в те далекие дни детства состояла в какой-то безыскусственной чистоте и нежности выражения лица и в чудном красноватом оттенке темных волос, которые красиво переливались разными цветами. По-видимому, двое совершенно обыкновенных детей были таинственно соединены какой-то родственной духовной связью, которая не только не могла быть осознана нашими юными головами, но еще скрывалась так глубоко, что ускользала от внимания лиц гораздо старше и опытнее нас.

Вы, естественно, спросите себя, что сделали старшие, чтобы умерить нашу преждевременную любовь, пока она еще была невинной привязанностью между мальчиком и девочкой.

Отец ничего не сделал, по той простой причине, что находился в отъезде.

Он был человек ума беспокойного и спекулянт. Получив в наследство имение, обремененное долгами, он задался честолюбивой целью увеличить собственными усилиями небольшой получаемый им доход, поселиться в Лондоне в собственном доме и подниматься к политическим высотам по ступеням парламента. Старый друг, который переселился в Америку, предложил ему спекуляцию землей в одном из западных штатов, которая должна была обогатить их обоих.

Причудливая фантазия моего отца пленилась этой мыслью. Более года он оставался вдали от нас в Соединенных Штатах, и мы только знали о нем (по его письмам), что вскоре он должен возвратиться в завидном положении одного из богатейших людей в Англии.

А моя бедная мать, самая кроткая женщина и с самым нежным сердцем, ничего больше не желала, как видеть меня счастливым.

Маленький роман двух детей забавлял ее и внушал ей сочувствие. Она шутила с отцом Мери насчет союза двух семейств, ни разу серьезно не подумав о будущем — даже не подозревая, что может произойти, когда приедет отец. "На всякий день довольно своего зла (или добра) ", — говаривала матушка и держалась этого правила всю жизнь. Она соглашалась со спокойной философией управляющего, уже выраженной на этих страницах словами: «Они просто дети. Нет еще надобности разлучать их, бедняжек, на время».

Однако один член семейства взглянул на этот вопрос серьезно и рассудительно.

Брат моего отца навестил нас в нашем уединении — увидел, что происходит между мной и Мери, — и сначала, разумеется, скорее был расположен посмеяться над нами. Но, взглядевшись пристальнее, он изменил свое мнение. Он убедился, что моя мать поступает как дура, что управляющий (самый верный слуга, какой бывал на свете) искусно блюдет свои интересы при помощи дочери и что я идиот, развивший врожденные задатки глупости в необычайно ранний период моего существования. Говоря с моей матерью под влиянием этих сильных впечатлений, дядя предложил взять меня с собой в Лондон и продержать у себя, пока я не опомнюсь от сумасшествия, в обществе его собственных детей и под тщательным надзором в его доме.

Мать колебалась, принять предложение или нет, она имела то преимущество над дядей, что знала мой характер. Пока она оставалась в недоумении, пока дядя с нетерпением ждал ее ответа, я решил вопрос за старших тем, что убежал.

Я оставил письмо, в котором объявлял, что никакая человеческая власть не разлучит меня с Мери, и обещал вернуться испросить прощение моей матери, как только дядя уедет из нашего дома. Меня старательно разыскивали, однако не нашли ни малейшего указания на мое убежище. Дядя уехал обратно в Лондон, предсказывая, что я буду

позором для семейства, и грозя сообщить свое мнение обо мне отцу с первой же почтой.

Тайну убежища, где я успел укрыться от всяких преследований, объяснить легко.

Я скрывался (без ведома управляющего) в спальне его матери. А знала ли об этом мать управляющего, спросите вы. На что я отвечу: она-то и сделала это. Более того, она гордилась тем, что сделала, — заметьте, однако, не как враждебное действие против моих родных, но просто по долгу совести.

Какой же была эта изумительная старушка?

Пусть она представится и заговорит сама за себя — странная и мудрая бабушка кроткой маленькой Мери, сивилла <Сивилла — у древних греков и римлян — прорицательница, женщина, предсказывающая будущее.> новейшего времени, известная во всем нашем крае в Суффолке под именем бабушки Дермоди.

Принимаясь писать, я, как теперь, вижу ее сидящую в чистой комнате хорошенького коттеджа сына, у самого окна, так что свет падал на ее плечо, пока она вязала или читала. Бабушка Дермоди была сухощавая, мускулистая старуха — с огненными черными глазами под кустистыми белыми бровями, высоким, морщинистым лбом и густыми белыми волосами, опрятно подобранными под чепчик простолоюдинки старинного фасона. Украдкой говорили (и говорили справедливо), что она была благородного происхождения и образованная женщина, но добровольно отказалась от своих надежд в жизни потому, что вышла за человека, стоявшего гораздо ниже ее по общественному положению. Какого бы мнения ни была ее родня об этом браке, она сама никогда не раскаивалась. Она дорожила памятью мужа, как святыней, его дух был ангелом-хранителем, бодрствовавшим над ней наяву и во сне, днем и ночью.

Питая эту веру, она вовсе не была под влиянием материальных понятий новейшего происхождения, соединяющих присутствие духов с грубыми фокусами и прыжками мартышек вокруг столов и стульев. Суеверие бабушки Дермоди, свойства возвышеннее, составляло существенную часть ее религиозных убеждений — убеждений, давно уже нашедших себе любимый приют в мистических доктринах Эммануила Сведенборга <Эммануил Сведенборг (29. I. 1688 — 29. III. 1772) — шведский мистик и теософ. В 1745 году создал мистическую

теософскую систему.>. Единственные книги, какие она читала, это были сочинения шведского мистика. Она соединяла учения Сведенборга об ангелах и духах умерших, о любви к ближнему и чистоте жизни с собственными фантазиями и близкими к мистике верованиями, и проповедовала мечтательную религиозную систему, образовавшуюся таким образом, — не только в доме сына, но и в экспедициях по всему краю, с целью прозелитизма <Прозелитизм — 1) стремление обратить других в свою веру; 2) горячая преданность вновь принятому учению, новым убеждениям.> в домах скромных соседей.

Под кровлею сына — после смерти его жены — она владела верховной властью, равно гордясь тщательным соблюдением домашних обязанностей и привилегированным сообщением с ангелами и духами. Она вела продолжительные беседы с духом своего умершего мужа при ком бы то ни было, кто случайно при этом присутствовал. Эти беседы поражали простодушных зрителей безмолвным ужасом. По ее мистическому взгляду, союз любви между Мери и мной был нечто такое священное и такое прекрасное, что его нельзя было судить по низкой и пошлой мерке, установленной обществом. Она писала для нас образцы коротеньких молитв и хвалы Богу, чтобы мы читали их ежедневно при встрече и когда расставались. Она торжественно увещевала сына смотреть на нас как на двух посвященных существ, идущих бессознательно по собственной небесной стезе, которой начало на земле, но блистательный конец между ангелами в лучшей жизни.

Представьте себе, что я явился пред такой женщиной и со слезами отчаяния уверял, что решил скорее умереть, чем позволить дяде разлучить меня с маленькой Мери, разумеется, вы не станете более удивляться, что мне гостеприимно открылось святилище собственной комнаты бабушки Дермоди.

Когда я мог выйти из моего тайного приюта, не подвергаясь опасности, я сделал большую ошибку. Благодаря старуху в ту минуту, когда расставался с ней, я сказал (с понятием мальчика о чести):

— Я вас не выдам, бабушка, мама не узнает, что вы спрятали меня в вашей спальне.

Сивилла положила свою сухую, костлявую руку на мое плечо и толкнула меня назад на стул, с которого я было поднялся.

— Дитя! — вскричала она, пронизывая меня насквозь своими огромными черными глазами. — Как ты смеешь думать, чтобы я когда-либо сделала то, чего могу стыдиться? Ты воображаешь, что я стыжусь того, что теперь сделала? Подожди тут. Твоя, мать, пожалуй, также не поймет мена. Я напишу твоей матери.

Она надела свои большие круглые очки в черепаховой оправе и села писать. Как только мысли ее затормаживались, как только она затруднялась подыскать нужное выражение, то немедленно оглядывалась через плечо, точно будто какое-то видимое существо стояло за ней, следя за тем, что она пишет, советовалась с духом мужа так точно, как советовалась бы с живым человеком, — слегка улыбалась про себя — и продолжала писать.

— Вот! — сказала она, подавая мне написанное с царским движением помилования. — Его мнение и мое мнение выражены тут. Ступай, дитя. Я прощаю тебя. Передай мое письмо твоей матери.

Так она всегда говорила торжественно и с соблюдением достоинства в обращении и речах.

Я отдал письмо моей матери. Мы прочли его и вместе дивились ему. По внушению неразлучного с ней духа ее мужа, бабушка Дермоди написала следующее:

"Милостивая государыня!

Я взяла большую смелость написать вам, в зависимости от того, как вы сможете взглянуть на это. Я помогла вашему сыну Джорджу восстать против власти дяди. Я одобрила решение вашего сына Джорджа остаться верным моей внучке Мери Дермоди в этой жизни и в будущей.

Считаю долгом по отношению к вам и к себе высказать, чем я руководилась, поступая таким образом.

Я такого убеждения, что всякая истинная любовь предопределена свыше и освящена на небесах. Духи, предназначенные соединиться в лучшем мире по божественному велению, должны отыскать друг друга и заключить свой союз еще на земле. Единственные счастливые браки те, когда два предопределенных духа успели встретиться в этой сфере жизни.

Когда родственные духи однажды встретились, никакая человеческая власть уже не в состоянии разлучить их на самом деле.

Рано или поздно они, по божественному закону, снова отыщут друг друга и снова соединятся в духе. Мирская мудрость, пожалуй, вынудит их ступить на совершенно разные, далекие один от другого пути жизни, мирская мудрость может увлечь их или самих заставить увлечься земным и ложным союзом. Все равно. Непременно настанет время, когда этот союз окажется только земным и ложным, и два разъединенных духа, отыскав друг друга, опять соединятся здесь для высшего мира — соединятся, говорю вам, наперекор всем человеческим законам и всем человеческим понятиям о том, что справедливо и что нет.

Вот мое убеждение. Я доказала его собственной жизнью. Я оставалась ему верна девушкой, женой и вдовой и никогда не обманывалась в нем.

Родилась я, милостивая государыня, в том общественном сословии, к которому принадлежите вы. Я получила то низкое и материальное образование, которое в светском понятии соответствует требованиям воспитания. Благодарение Богу, родственный мне дух сошелся с моим духом, пока я была еще молода. Я познала истинную любовь и истинный союз, не достигнув еще двадцати лет. Я вышла, милостивая государыня, за человека того сословия, из которого Спаситель избрал своих учеников, — я вышла за пахаря. Нельзя выразить на языке людей мое счастье, пока мы жили в земном союзе. Его смерть не разлучила нас. Он помог мне написать это письмо. Когда пробьет мой последний час, я увижу его среди сонма ангелов, ожидающего меня на берегах сияющей реки. Теперь вы поймете мой взгляд на связь, соединяющую молодые души наших детей при счастливом начале их жизни.

Поверьте, то, что предложил вам деверь, просто святотатство и осквернение. Я сознаюсь откровенно, что смотрю на сделанное мной, чтобы помешать этому, как на подвиг добродетели. Вы не можете требовать, чтобы я находила препятствием союзу, предопределенному на небесах, то обстоятельство, что ваш сын наследник сквайра <Сквайр в Англии — титул, присоединяемый к фамилии земельного собственника.>, а моя внучка только дочь управляющего. Отрешитесь, умоляю вас, от недостойных и нехристианских сословных убеждений. Разве не все мы равны перед Богом? Разве не все мы равны (даже в этом мире) в болезни и

смерти? Обратите внимание на мои слова. Не только одно счастье вашего сына, но и ваш собственный душевный мир зависят от этого. Предупреждаю вас, милостивая государыня, вы не можете помешать предопределенному союзу этих двух детских духов в позднейшие годы как мужа и жены. Разлучите их теперь — и вы будете ответственны за жертвы, унижения и страдания, через которые ваш Джордж и моя Мери будут вынуждены пройти на обратном пути друг к другу позднее в жизни.

Теперь у меня камень свалился с души. Я высказала все.

Если я говорила слишком смело или иным способом невольно оскорбила вас, прошу простить меня и остаюсь, милостивая государыня, вашей преданной слугой и доброжелательницей.

Елена Дермоди".

Так кончалось письмо.

Для меня это более чем любопытный образец эпистолярного произведения. Я вижу в нем пророчество, удивительным образом сбывшееся в позднейшую эпоху событий в жизни Мери и моей, которые будут изложены на следующих страницах.

Матушка решила оставить письмо без ответа. Подобно многим из беднейших своих соседей, она немного побаивалась бабушки Дермоди и, кроме того, вообще не любила вступать в прения о тайнах духовной жизни. Меня пожурили, прочли мне наставление и простили — тем это и кончилось.

— Еще несколько счастливых недель провели мы с Мери без помех или перерывов нашего старого дружного товарищества. Однако конец настал, когда мы ожидали менее всего. Матушка в одно утро была перепугана письмом от моего отца, в котором он извещал, что ему внезапно пришлось отправиться обратно в Англию, что он прибыл в Лондон и остается там по делу, не терпящему отлагательства, и что мы должны ждать его возвращения со дня на день — как только он освободится.

Эта весть вызвала у моей матери тревожные сомнения насчет надежности земельной спекуляции отца в Америке. Внезапный отъезд из Соединенных Штатов и таинственная задержка в Лондоне предвещали, по ее мнению, бедствие. Я пишу теперь о старых временах, о прошедшем, когда железные дороги и электрические

телеграфы были еще одной мечтой в умах изобретателей. Быстрая связь с отцом (даже если бы он пожелал посвятить нас в свои дела) была невозможна. Нам ничего больше не оставалось, как ждать и надеяться.

Грустные дни проходили одни за другими — и все еще короткие письма отца говорили, что он задержан делами. Настало утро, когда мы с Мери и управляющим Дермоди пошли поглядеть на последних диких уток, заманенных в Приманку, а все еще приветливый дом ожидал хозяина, и ожидал напрасно.

Глава III

СВЕДЕНБОРГ И СИВИЛЛА

Мой рассказ будет продолжаться с того места, на котором он был прерван в конце первой главы.

Мы с Мери (как вы, вероятно, помните) оставили управляющего одного у Приманки и вместе направились к его коттеджу.

Когда мы подходили к садовым воротам, я увидел ожидающего там слугу из нашего дома. Он имел поручение от моей матери — именно ко мне.

— Барыня просит вас скорее домой, мистер Джордж. Пришло письмо по почте. Барин приедет на почтовых из — Лондона и прислал извещение, чтобы ждали его сегодня.

Милое личико Мери опечалилось при этих словах.

— Неужели ты в самом деле должен уйти, Джордж, — шепнула она мне, — не увидев того, что я приготовила для тебя дома?

Я вспомнил обещанный ею «сюрприз», тайну которого мне следовало открыть только тогда, когда мы придем в коттедж. Мог ли я обмануть ее ожидание? Моя бедная маленькая возлюбленная казалась готова была расплакаться от одной этой мысли. Я отослал лакея, чтобы выиграть время.

— Кланяйся маме — скажи, что через полчаса я буду дома.

Мы вошли в коттедж.

Бабушка Дермоди сидела, как обыкновенно, в кресле у окна, с одной из мистических книг Эммануила Сведенборга, лежащей открытой на коленях. Она торжественно подняла руку, когда мы вошли, сделав нам знак занять свой обычный уголок и не заговаривать с ней. Помешать чтению сивиллы было преступлением против ее домашнего величества. Мы тихо прокрались на наши места. Мери выждала, пока не увидела, что седая голова бабки склонилась над книгой и ее густые брови, нахмурились от сосредоточенного чтения. Тогда, только тогда, осторожная девочка встала на цыпочки и без малейшего шума пробралась к спальне и скрылась там, но тотчас же появилась опять, неся что-то тщательно завернутое в свой самый лучший кембриковый платок.

— Это сюрприз? — спросил я шепотом.

— Отгадай, что это? — шепнула она мне в ответ.

— Для меня?

— Да. Отгадывай же. Что это?

Я отгадывал три раза — и каждый раз ошибался. Мери решилась помочь мне намеком.

— Говори азбуку, — предложила она, — и продолжай, пока я не остановлю тебя.

Я начал.

Она остановила меня на букве А.

— Это название вещи, — сказала она. — И начинается на Ф.

Я стал перебирать «Фиалка», «Флакон», «Флейта».., тут моя изобретательность иссякла.

Мери вздохнула и покачала головой.

— Ты не стараешься, — заметила она. — Ведь ты на целых три года старше меня. После всех моих трудов, чтобы доставить тебе удовольствие, ты, пожалуй, уже такой взрослый, что мой подарок не порадует тебя, когда ты увидишь его. Угадывай еще.

— Не могу отгадать.

— Должен!

— Я отказываюсь.

Мери не соглашалась с моим отказом. Она помогла мне другим намеком.

— Что ты сказал мне раз, чего хотел бы для своей лодки? — спросила она.

— Давно? — осведомился я, не находя ответа.

— Давно, очень давно! Еще до зимы. Когда листья падали и ты катал меня один раз в своей лодочке. Ах! Джордж, ты забыл!

К сожалению, это было справедливо как относительно меня, так и братьев моих, старых и молодых. Мы, хотя только дети, однако представляли собой типы мужчины и женщины.

Мери потеряла терпение. Забыв про грозное присутствие бабки, она вскочила и выдернула из платка таинственный предмет.

— Вот, — вскричала она с живостью, — теперь ты знаешь, что это?

Наконец я вспомнил. Я хотел для своей лодки уже много, много месяцев новый флаг. И вот оказывался флаг, изготовленный для меня

втайне собственными руками Мери! На поле из зеленой шелковой материи был вышит белый голубок с неизменной оливковой веткой в носике, вышитой золотом. Работа была проделана неискусными и нетвердыми пальчиками ребенка. Но как помнила моя возлюбленная крошка о моем желании, как терпеливо старалась вывести иглой нарисованный узор, как трудилась в скучные зимние дни, и все для меня! Какими словами изобразить мою гордость, мою признательность, мое блаженство? И я, забыв о присутствии сивиллы, склоненной над ее книгой, схватил маленькую работницу в объятия и целовал ее до тех пор, пока совсем не задохнулся и не в силах был целовать больше.

— Мери! — воскликнул я в пылу восторга. — Мой отец приезжает сегодня. Я поговорю с ним в этот же вечер. Завтра я женюсь на тебе.

— Дитя! — произнес бабушкин голос на другом конце — комнаты. — Подойди сюда.

Мистическая книга бабушки Дермоди была закрыта, а пронзительные черные глаза бабушки Дермоди наблюдали за нами в нашем уголке. Я подошел к ней. Мери робко ступала за мной шаг за шагом.

Сивилла взяла меня за руку с ласковой нежностью, которая была для меня новым явлением в ней.

— Ценишь ты эту игрушку? — спросила она, глядя на флаг. — Спрячь скорее! — вскричала она прежде, чем я успел ответить. — Спрячь, иначе ее отнимут у тебя.

— Зачем мне прятать? Я подниму флаг на верхушку мачты моей лодки.

— Никогда ты не поднимешь его на мачту твоей лодки!

С этим словами она взяла у меня флаг и нетерпеливо сунула его в боковой карман моей куртки.

— Не сомните, бабушка, — жалобно запротестовала Мери.

Я спросил опять:

— Почему я никогда не подниму его на мачту моей лодки?

Бабушка Дермоди положила руку на закрытый том сочинений Сведенборга, лежавший на ее коленях.

— Три раза я раскрывала эту книгу сегодня утром, — сказала она. — Три раза слова пророка предостерегали меня, что горе близко.

Дети! Это горе постигнет вас. Я смотрю туда, — продолжала она, указывая на место, где солнечный свет наклонно вливался в комнату, — и вижу моего мужа в его небесном сиянии. Он грустно склоняет голову и указывает на вас рукой, которая никогда не ошибается. Джордж и Мери, вы предназначены друг для друга. Будьте всегда достойны вашего предназначения, будьте всегда достойны самих себя.

Она приостановилась. Ей изменил голос. Она смотрела на нас ласковым взором, как смотрят те, которые с грустью видят приближение разлуки.

— Станьте на колени! — сказала она тихо с выражением страха и горя. — Быть может, я в последний раз благословлю, в последний раз помолюсь над вами в этом доме. Станьте на колени!

Мы стали на колени у самых ее ног. Я чувствовал, как билось сердце Мери, когда она прижималась к моему плечу все ближе и ближе. Я слышал ускоренное биение моего собственного сердца от непонятного страха.

— Боже, благослови и храни Джорджа и Мери ныне и вовеки! Господи, пошли в будущем союз, predeterminedный мудрым Провидением. Аминь. Да будет так. Аминь!

Едва она произнесла последние слова, как дверь коттеджа распахнулась настежь. Отец, а за ним управляющий вошли в комнату.

Бабушка Дермоди медленно поднялась на ноги и посмотрела на отца с суровой пытливостью.

— Настало? — пробормотала она про себя. — Оно глядит глазами, оно заговорит голосом этого человека.

Последовавшее за тем молчание прервал мой отец, обратившись к управляющему.

— Видите, Дермоди, — сказал он, — вот мой сын у вас в коттедже., когда ему следует быть в моем доме.

Он обернулся и поглядел на меня. Я стоял, обняв маленькую Мери и терпеливо выжидая своей очереди говорить.

— Джордж, — сказал отец с суровой улыбкой, свойственной ему, когда он сердился и хотел скрыть это, — ты дурачишься. Оставь этого ребенка и ступай со мной.

Теперь или никогда настало время для меня высказаться. Судя по моей наружности, я был еще ребенком. Судя по моим собственным

чувствам, я мгновенно превратился в мужчину.

— Папа, я рад, что вижу вас опять дома, — сказа/ я. — Это Мери Дермоди. Я люблю ее, и она любит меня. Я хочу жениться на ней, когда это будет удобно для мамыши и для вас.

Отец расхохотался. Но я не успел разинуть рта, как его настроение снова изменилось. Он заметил, что Дермоди также позволил себе посмеяться. Внезапно он пришел в неопишемую ярость.

— Мне говорили про это проклятое дурачество, — сказал он. — Только я не верил до сих пор. Кто вскружил глупую голову этого мальчугана? Кто поощрил его стоять обнявшись с этой девочкой? Если это вы, Дермоди, то хуже такой работы вы не дельвали в жизни.

Он обернулся ко мне прежде, чем управляющий мог сказать что-либо в свое оправдание.

— Слышишь, что я говорю? Я приказываю тебе выпустить из рук девочку Дермоди и идти домой за мной.

— Хорошо, папа, — ответил я. — Но позвольте мне потом вернуться к Мери.

Несмотря на свой гнев, отец буквально оторопел от моей смелости.

— Твоя дерзость превышает всякое вероятие, юный идиот! — вскричал он. — Вот я тебе что скажу.., ты никогда более не переступишь порога этого дома! Здесь тебя научили не повиноваться мне. Тебе вбили здесь в голову то, что не следует знать мальчишке твоих лет.., скажу более, что порядочные люди не допустили бы тебе узнать.

— Прошу извинения, сэр, — вмешался Дермоди очень почтительно, но очень твердо в то же время. — Много есть такого, что хозяин в горячности имеет право сказать человеку, который ему служит. Но вы зашли за пределы ваших прав. Вы стыдили меня, сэр, в присутствии моей матери, при моем ребенке.

Мой отец прервал его.

— Можете избавить меня от остального, — сказал он. — Я вам уже не хозяин, вы мне не слуга. Когда мой сын вертелся около вашего коттеджа, чтобы амурничать с вашей дочерью, долг предписывал вам запереть дверь перед его носом. Вы не выполнили вашей обязанности.

Я уже не имею к вам доверия. Я даю вам месяц срока, Дермоди. Вы должны оставить это место.

— Позвольте отказаться от месячного срока, сэр, — ответил он. — Вы не будете иметь случая повторить то, что сейчас сказали мне. Я пришлю вам мои отчеты сегодня вечером. Завтра я оставлю службу у вас.

— В одном мы согласны, — возразил отец. — Чем скорее, тем лучше.

Он прошел через комнату и опустил руку на мое плечо.

— Слушай, — сказал он, с трудом пытаясь владеть собой. — Я не хочу тебя бранить в присутствии слуги, которому отказано. Надо положить конец этому безумию. Оставь этих людей, не мешай им собраться и уехать.., а сам ступай со мной в дом.

Его тяжелая рука, налегая на мое плечо, будто вытесняла из меня дух сопротивления. Я поддался настолько, что попробовал смягчить его просьбами.

— О, папа! Папа, — вскричал я, — не разлучайте меня с Мери! Посмотрите, как она хороша и добра! Она сделала мне флаг для моей лодки. Позвольте мне приходить сюда и видеться с ней время от времени. Я не могу жить без нее.

Я не имел возможности сказать более. Моя бедненькая Мери зарыдала. И ее слезы, и мои мольбы не оказали никакого влияния на моего отца.

— Выбирай одно из двух, — сказал он. — Если добровольно не пойдешь со мной, то вынудишь меня увести тебя силой. Я намерен разлучить тебя с девочкой Дермоди.

— Ни вы, ни кто-либо из людей не в состоянии разлучить их, — произнес голос позади нас. — Отрешитесь от этой мысли, господин, пока еще не поздно.

Отец быстро оглянулся и увидел бабушку Дермоди, глядевшую на него при ярком свете окна. В начале спора она отступила назад в угол за очагом. Там она и оставалась, выжидая время, чтобы заговорить, пока последняя угроза отца не вызвала ее из тайного убежища.

Они глядели с минуту друг на друга. Отец, по-видимому, считал ниже своего достоинства возражать ей. Он продолжал говорить мне.

— — Я медленно стану считать до трех, — начал он. — Прежде чем я скажу три, ты должен решиться исполнить мою волю или

подвергнуться позору, когда тебя уведут силой.

— Ведите его куда хотите, — вмешалась бабушка Дермоди, — он все-таки на пути к браку с моей внучкой.

— А я где буду, с вашего позволения? — не выдержал, чтобы не возразить отец, задетый за живое.

Ответ последовал мгновенно и в следующих страшных словах:

— Бы будете на пути к разорению и смерти!

Отец отвернулся от прорицательницы с улыбкой презрения.

— Раз! — начал он считать.

Я стиснул зубы и обвил Мери обеими руками. Я наследовал отчасти его нрав, и ему предстояло теперь удостовериться в этом.

— Два! — продолжал отец, подождав немного.

Мери приложила дрожащие губы к моему уху и шепнула:

— Пусти меня, Джордж! Я не могу видеть этого. О! Посмотри, как он хмурится! Я знаю, он будет бить тебя!

Отец поднял указательный палец для предварительного предостережения перед тем, как произнес: три!

— Пойдите! — вскричала бабушка Дермоди. Отец оглянулся на нее с насмешливым изумлением.

— Позвольте узнать..., вы что-нибудь особенное желаете сообщить мне? — спросил он.

— Человек! — возразила сивилла. — Ты говоришь легкомысленно! Разве я говорю с тобой шутя? Предупреждаю тебя, преклони свою нечестивую волю перед волею могущественнее твоей. Духи этих детей родственны. Они соединены в этой жизни и навек. Пусть их разделят земля и море — они все-таки останутся вместе, они будут сообщаться видениями, они будут открываться друг другу в снах. Сколько ни связывать их земными узами, хотя бы женить со временем твоего сына на другой и выдать мою внучку за другого, все будет напрасно! Говорю тебе, все будет напрасно! Можешь осудить их на страдание, можешь вынудить к греху — все равно, день их союза предопределен на небесах. Он настанет! Он настанет! Покорись, пока в твоей власти покориться. Ты человек осужденный. Я вижу тень бедствия, вижу печать смерти на твоем челе. Пусть эти посвященные вместе идут по мрачным стезям мира сего, сильные своей невинностью, освященные своей любовью. Иди..., и да простит тебя Бог!

Отец невольно был поражен неодолимой силой убеждения, которое внушали эти слова. Мать управляющего произвела на него такое впечатление, как трагическая актриса на сцене. Она остановила насмешливое возражение, готовое сорваться с его губ, но она не поколебала его железной воли. Его лицо было суровее чем когда-либо в ту минуту, когда он снова обратился ко мне.

— Последняя льгота, Джордж, — сказал он и произнес последнее число:

— Три!

Я не ответил и не пошевелился.

— Ты, видно, хочешь этого? — сказал он, схватив меня за руку.

Я крепче обвил руками Мери и шепнул ей:

— Не оставлю тебя!

Она как будто не слышала. Она дрожала всем телом в моих объятиях. Слабый крик ужаса сорвался с ее губ. Дермоди тотчас подошел к нам. Мой отец еще не успел оторвать меня от нее силой, как он сказал мне на ухо:

— Вы можете отдать ее мне, мистер Джордж, — и высвободил дочь из моих объятий.

Она с любовью протянула мне свои худенькие ручки, когда отец заключил ее в свои объятия.

— Прощай, дорогой! — едва слышно проговорила она. Я увидел, что ее головка упала на грудь отца, и меня потащили к двери. В моей бессильной ярости и моем несчастье, я из всех оставшихся сил боролся с жестокими руками, которые овладели мной. Я кричал ей:

— Я люблю тебя, Мери! Я вернусь к тебе, Мери! Я ни на ком не женюсь, кроме тебя, Мери!

Шаг за шагом меня увлекали все дальше. При последнем взгляде на мою возлюбленную я видел, что ее головка еще лежит на груди отца. Бабушка стояла возле., она грозила моему отцу сморщенными руками., и выкрикивала свои страшные пророчества в истерическом исступлении, которое овладело ею, когда она увидела, что разлука совершилась.

— Ступай!.. Ты идешь на свою гибель! Ты идешь на смерть!

Пока ее голос еще раздавался в моих ушах, дверь коттеджа отворилась и затворилась вновь. Все было кончено. Скромный мир моей детской любви и моих детских радостей исчез, как сновидение.

Пустынная степь вне его был мир моего отца, открывшийся перед мной без любви, без радостей. Прости мне, Бог... Как ненавидел я отца в эту минуту!

Глава IV

ЗАНАВЕС ОПУСКАЕТСЯ

Весь остаток дня и всю ночь я был пленником в моей комнате под охраной слуги, па верность которого отец полагался.

На другое утро я хотел бежать, но был схвачен, еще не успев выбраться из дома. Опять засаженный в комнату, я ухитрился написать к Мери и сунуть мою записочку в добрую руку горничной, которая мне прислуживала. Напрасно все! Бдительность моего сторожа была неусыпна. Женщину заподозрили, последовали за ней и письмецо отняли. Отец разорвал его собственными руками. Позднее в этот день матушке было позволено видеться со мной.

Бедная душа совсем была неспособна заступиться за меня или чем-нибудь помочь моему положению. Отец буквально сразил ее, объявив, что жена и сын последуют за ним в Америку, когда он отправится туда обратно.

— Все, что он имеет на свете, до последнего фартинга, — говорила матушка, — должно пойти на эту ненавистную спекуляцию. Он занял денег в Лондоне, он сдал в аренду наше поместье какому-то богатому купцу на семь лет, он продал серебро и бриллианты, доставшиеся мне от его матери. Все поглощает земля в Америке. У нас нет более дома, Джордж, ничего нам не остается больше, как ехать с ним.

Часом позднее почтовая коляска стояла у наших дверей.

Сам отец повел меня к экипажу. Я вырвался от него с отчаянием, которому не могло помешать даже его упорство. Я бежал, я мчался по дорожке к коттеджу Дермоди. Дверь стояла открытой, гостиная была пуста. Я бросился в кухню, потом наверх. Везде пустота. Управляющий выехал, с ним уехали его мать и дочь. Ни друга, ни соседа не оказалось поблизости с поручением ко мне. Нигде не лежало письма в ожидании, что я приду за ним. Никакого даже намека мне не было оставлено на то, в какую сторону они направились. После оскорбительных слов своего господина Дермоди из гордости не хотел оставить за собой никаких следов, считая что мой отец может подумать, что следы оставлены нарочно с целью соединить меня и

Мери. Я не имел альбома, который говорил бы мне об утраченной милой у меня, был только один флаг, вышитый собственными ее руками. Мебель все еще стояла в коттедже. Я сел в нашем обычном уголке возле пустого стула Мери, взглянул опять на бесценный для меня зеленый флаг и горько зарыдал.

Я очнулся от легкого прикосновения. Отец смягчился настолько, что разрешил матери привести меня назад к дорожному экипажу.

— Мы не найдем здесь Мери, Джордж, — сказала она кротко. — А в Лондоне мы можем услышать что-нибудь о ней. Пойдем со мной.

Я встал и молча подал ей руку. Что-то на чистом, белом пороге двери бросилось мне в глаза, когда мы проходили. Я наклонился и увидел карандашом написанные слова. Вглядевшись пристальнее, я узнал почерк Мери. Не правильными, детскими буквами был начертан последний прощальный привет:

«Прости, дорогой. Не забудь Мери!»

Я упал на колени и поцеловал эти слова. Они утешили меня — точно последнее прикосновение руки моей Мери. Я спокойно пошел за матерью.

К ночи мы прибыли в Лондон.

Моя добрая мать сделала все, что самое нежное сострадание могло сделать (в ее положении), чтобы утешить меня. Она втайне написала к поверенным ее семейства, приложив описание Дермоди, его матери и дочери и прося навести справки в разных лондонских конторах дилижансов. Она также поручала поверенным обратиться к двум родственникам Дермоди, жившим в городе, которые могли знать, что он предпринял после того, как оставил моего отца. Исполнив это, она сделала все, что было в ее силах. Ни она, ни я не имели достаточно денег для объявления в газетах.

Спустя неделю мы отправились в Соединенные Штаты. Дважды в этот промежуток я виделся с поверенными и дважды получил от них ответ, что все справки не привели ни к чему.

На этом оканчивается первая часть истории моей любви.

Затем целых долгих десять лет я не виделся с моей маленькой Мери. Я даже не слышал, дожила ли она до того времени, чтобы стать взрослой женщиной, или — нет. У меня хранился еще зеленый флаг с вышитым голубком. Но вообще волны забвения сомкнулись над детскими золотыми днями на берегах озера Зеленых Вод.

Глава V

МОЯ ИСТОРИЯ

Вы меня видели в последний раз тринадцатилетним мальчиком. Теперь вы видите меня молодым человеком двадцати трех лет.

Историю моей жизни в промежуток между этими двумя возрастами я и собираюсь рассказать.

Сперва поведу речь об отце. Его ожидал именно такой конец, какой предвещала ему бабушка Дермоди. Мы года не прожили в Америке, когда спекуляция с землей скандально рухнула и повлекла за собой его смерть. Нас постигло полное разорение. Не будь у моей матери маленького собственного дохода (закрепленного за ней брачным контрактом), мы остались бы без всяких средств, брошенные на произвол судьбы.

Между сердечными и радушными жителями Соединенных Штатов мы нашли немало добрых друзей, с которыми искренно жалели расстаться. Но были причины, которые побуждали нас вернуться в Англию после смерти отца, — и мы возвратились на родину.

Кроме деверя (уже упомянутого в этом рассказе), у моей матери был родственник — двоюродный брат, по имени Джермень, на помощь которого она главным образом рассчитывала, чтобы поставить меня на ноги, когда придет время выбирать мне карьеру. Я помню как семейное предание, что мистер Джермень просил руки моей матери, когда они оба были молоды, но получил отказ. Он так и остался холостяком. В позднейшие годы ему досталось прекрасное состояние после смерти бездетного старшего брата. Однако богатство ничего не изменило в его привычках. Когда мы с матерью вернулись в Англию, он жил одиноким стариком, удалившись от всех родственников. Мне стоило понравиться мистеру Джерменю, чтобы считать (в некоторой степени, по крайней мере) будущность свою обеспеченной.

Это было одно соображение, которое повлияло на наш отъезд из Америки. Но было и другое, собственно ко мне относящееся, которое влекло меня к уединенным берегам озера Зеленых Вод.

Моя единственная надежда напасть на след Мери заключалась в том, чтобы собрать сведения в коттеджах, расположенных поблизости от моего прежнего дома. Доброго управляющего сердечно любили и уважали в местах, ограниченных его сферой деятельности. Во всяком случае представлялось вполне вероятным, чтобы некоторые из суффолкских приятелей разыскали его в течение тех лет, которые мы провели в Америке. Когда мне снилась Мери, а снилась она мне постоянно, озеро и его лесистые берега составляли обычное окружение призрачному образу моей утраченной подруги. К берегам озера меня тянуло по естественному суевию, как к пути, который приведет меня обратно к единственной жизни, где я найду счастье, — к жизни с Мери.

По прибытии в Лондон, я отправился в Суффолк один — по желанию моей матери. В ее года было вполне естественно уклоняться от посещения мест, где прежде она была хозяйкой, а теперь там поселились чужие люди.

О, как заныло у меня сердце (при всей моей молодости), когда я увидел опять зеленоватую воду знакомого озера! Был вечер. Первая бросилась мне в глаза ярко раскрашенная лодочка, прежде бывшая моей, в которой мы так часто катались с Мери. Люди, занимавшие наш дом, катались по озеру. Их веселый смех громко доносился до меня по водной глади. Их флаг развевался наверху маленькой мачты, где флаг моей Мери никогда не развевало легким ветерком. Я отвел глаза от лодочки — мне было больно глядеть на нее. Несколько шагов вперед привели меня на мыс, откуда открывались темные своды Приманки на противоположном берегу. Вот низенький частокол, за которым мы, бывало, припадали на колени, чтобы видеть, как заманивают уток. А вот еще сохранилось и то отверстие, в которое пролезал Трим, умная таска, чтобы возбудить глупое любопытство диких уток. Вот виднеется местами между деревьев извилистая тропинка в лесу, по которой мы с Мери шли к коттеджу Дермоди в тот день, когда безжалостная рука отца оторвала нас друг от друга. Как умно поступила матушка, что не захотела увидеть вновь дорогие сердцу знакомые места!

Я повернулся спиной к озеру, чтобы успокоиться в тенистом уединении леса.

Час ходьбы вокруг извилистого берега привел меня к коттеджу, который некогда был жилищем Мери.

Дверь отворила женщина мне незнакомая. Она пригласила меня в гостиную. Я довольно уже настрадался, поэтому приступил к расспросам, стоя на пороге. Они продлились недолго. Женщина оказалась не из нашей части Суффолка; ни она, ни муж не слышали даже имени Дермоди.

Я продолжал свои розыски между крестьян, переходя от одного коттеджа к другому. Смеркалось, взошел месяц, огни стали погасать за решетчатыми окнами, а все я не прекращал своего тяжелого странствования, и везде, куда бы ни пошел, получал один и тот же ответ на мои вопросы. Никто ничего не знал о Дермоди, все спрашивали меня, не сообщу ли я о нем известий. Даже теперь не могу вспомнить без душевной боли, до какой степени страшно безуспешны были все мои усилия в тот бедственный вечер. Я переночевал в одном из коттеджей и возвратился в Лондон на следующий день, убитый потерянной надеждой, равнодушный уже ко всему, что бы ни делать или куда бы ни ехать.

Однако мы не совсем расстались с Мери. Я видел ее во сне, как предсказывала бабушка Дермоди.

Она снилась мне иногда с зеленым флагом в руке, в это время повторяющей последние свои слова на прощанье: «Не забывай Мери». Иногда она вела меня в наш знакомый уголок в чистой комнате коттеджа и развертывала лист бумаги, на котором ее бабушка написала для нас молитвы, мы опять молились вместе и гимны пели вместе, как будто вернулось старое доброе время. Раз она явилась мне со слезами на глазах и сказала: «Мы должны ждать, мой дорогой, наше время еще не пришло». Два раза она приснилась мне охваченная мучительными мыслями, и дважды я слышал, как она говорила мне: «Живи с терпением, живи невинно, Джордж, ради меня».

Мы поселились в Лондоне, где за мое образование взялся приглашенный наставник. Недолго прожили мы в этом новом доме, когда в нашей жизни случилась неожиданная перемена. К изумлению моей матери, ей было сделано предложение (письменно) мистером Джерменем.

«Умоляю вас не пугаться моего предложения (писал старик). Едва ли вы могли забыть, что я вас любил в то время, когда мы оба были молоды и оба бедны. Возврат к чувствам, связанным с теми

годами, теперь невозможен. В мои года я только могу просить вас быть подругой последних лет моей жизни и уделить мне отчасти отцовское право способствовать будущему благосостоянию вашего сына. Подумайте об этом, моя дорогая, и ответьте мне, согласны ли занять пустое кресло у камина одинокого старика».

Моя мать (почти так же сконфузившись, бедняжка, как будто снова стала молодой девушкой) взвалила на плечи сына всю ответственность относительно принятия решения. А я не долго ломал голову. Выразив согласие, она принимала руку человека достойного и честного, который был ей предан всю свою жизнь! Она опять будет пользоваться благами жизни, роскошью, общественным положением и покоем, которых лишилась из-за беспечности моего отца. Прибавьте к этому, что я любил мистера Джермена, и он любил меня. При всех этих условиях, зачем бы моей матери отказывать? Она не могла дать мне удовлетворительного ответа, когда я задал ей такой вопрос. Естественным последствием этого события было то, что в надлежащий срок она стала мистрис Джермень. Прибавлю только, что до конца своей жизни моя добрая мать не имела повода раскаиваться в том, что приняла (в этом случае, по крайней мере) совет своего сына.

Годы проходили, а мы все с Мери оставались в разлуке — виделись только во сне. Годы проходили, и настало для меня опасное время, которое наступает в жизни каждого. Я достиг возраста, когда самая сильная из страстей овладевает чувствами и устанавливает свое господство как над духом, так и над телом.

До сих пор я пассивно выносил крушение моих первых и самых дорогих надежд, я жил с терпением, жил невинно, ради Мери. Теперь терпение оставило меня, невинность отошла в разряд того, что утрачено в прошлом. Мои дни, правда, еще посвящались занятиям по назначению наставника. Зато ночью я втайне предавался безграничному распутству, на которое (при моем теперешнем образе мыслей) я оглядываюсь с отвращением и ужасом. Воспоминание о Мери я осквернил в обществе женщин, впавших в самую глубокую степень разврата. Я говорил себе нечестиво:

«Достаточно времени я жаждал увидеть ее, достаточно долго я прождал ее, мне осталось теперь одно — пользоваться молодостью и забыть ее».

С той минуты, когда я впал в это состояние, Мери приходила мне иногда на память с чувством сожаления, особенно утром, когда преимущественно трезвые мысли вызывают раскаяние, но уже во сне она не являлась более. Теперь настала разлука в самом полном значении этого слова. Чистый дух Мери не мог сообщаться с моим — чистый дух Мери улетел от меня.

Излишне говорить, что мне не удалось скрыть от матери свое распутство. Ее горе произвело на меня первое отрезвляющее действие. Я обуздал себя в некоторой степени, сделал усилие, чтобы вернуться к образу жизни более достойному.

Хотя я обманул надежды мистера Джермена, он был человек настолько справедливый, что не отказался от меня, как от пропащего. Он посоветовал мне, чтобы окончательно перебороть себя, избрать профессию и заниматься настойчивее, чем я вообще занимался до тех пор.

Я помирился с этим добрым другом и вторым отцом, не только последовав его совету, но еще избрав профессию, которой он сам жил, пока не получил состояния, — профессию врача. Мистер Джермень был доктором, и я принял решение быть тем же.

Вступив ранее обыкновенного на эту новую стезю, я должен отдать себе справедливость, что работал усиленно. Я приобрел и сохранил расположение своих профессоров. Но, с другой стороны, нельзя было отвергать, что мое исправление, в нравственном плане, было далеко не полным. Я трудился, но делал все эгоистично, с горечью и ожесточением в сердце. Относительно религии и правил нравственности я усвоил себе взгляды товарища — материалиста, человека истасканного и вдвое меня старше. Я ничему не верил, кроме того, что мог видеть, пробовать или осязать. Я утратил всякую веру в человека. За исключением моей матери, я не уважал ни одной женщины. Мои воспоминания о Мери становились все слабее, пока не приняли характер почти утраченного звена в цепи прошедшего. Я все еще хранил зеленый флаг, но скорее по привычке и не носил его больше при себе — он лежал забытый в ящике моей конторки. По временам у меня шевельнется в глубине души благотворное сомнение, не веду ли я образ жизни совершенно недостойный. Но это сомнение недолго присутствовало в моих мыслях. Презируя других, я должен

был, по законам логики, доводить мои заключения до горького конца и сообразно тому презирать себя самого.

Настал срок моего совершеннолетия. Мне минул двадцать один год, а мечты молодости уже исчезли для меня бесследно.

Ни мать, ни отчим не могли пожаловаться на мое поведение в чем-либо существенном. Однако оба были сильно озабочены насчет меня. Тщательно обдумав все, мой отчим пришел к одному выводу. Он решил, что единственное средство вернуть меня к лучшим и более чистым убеждениям было попробовать животворное действие жизни среди новых людей и новой обстановки.

В период, к которому относится мой настоящий рассказ, английское правительство решило отправить посольство с особой дипломатической миссией к туземному правителю отдаленной провинции в Индии. При беспокойном состоянии края в то время, посольство, по прибытии в Индию, должно было сопровождаться военным конвоем. Доктор при посольстве был старый друг мистера Джермена и нуждался в помощнике, на профессиональное мастерство которого он мог полагаться вполне. Благодаря ходатайству моего отчима, это место предложили мне. Я принял его не колеблясь. Единственная гордость, которую я сохранил, была жалкая гордость равнодушия. Мне было абсолютно безразлично, куда бы ни назначили исполнять свои обязанности.

Долго мы не могли убедить мою мать даже выслушать, что имелось для меня в виду. Когда же она дала наконец свое согласие, то очень неохотно. Сознаюсь, я простился с ней со слезами на глазах — первые слезы, пролитые мной после долгих лет.

История нашей экспедиции относится к истории английских владений в Индии, ей не место в нашем рассказе.

Говоря лично обо мне, я должен сообщить, что стал неспособным исполнять свои обязанности спустя неделю после того, как посольство достигло место назначения. Мы стояли лагерем за чертой города. Воспользовавшись темнотой, на нас совершили нападение туземные изуверы. Их отбросили без большого труда и с ничтожными потерями с нашей стороны. Я был в числе раненых. В меня попал дротик или копье, когда я переходил из одной палатки в другую.

Нанесенная европейским оружием, моя рана не имела бы серьезных последствий. Но кончик в индийском копье был отравлен. Я

избежал смертельной опасности столбняка, но по какой-то особенности в свойстве яда или его действии на мой организм (вопрос и теперь для меня неясный) моя рана никак не хотела заживать.

Я был уволен по болезни и отправлен в Калькутту, где мог воспользоваться советами лучших врачей. В Калькутте рана зажила, по-видимому, потом опять открылась. Это повторялось два раза, доктора пришли к заключению, что лучше всего отправить меня обратно в Англию. Они рассчитывали на живительное действие путешествия морем, а в случае, если бы это не принесло желаемого результата, на благотворное влияние родного воздуха.

В климате Индии я был объявлен неизлечимым.

За два дня до отплытия корабля, я получил письмо от матери с ошеломляющими известиями. Моя жизнь, если мне предстояло жить, — обращалась на новую колею. Мистер Джермень скоропостижно скончался от разрыва сердца. В его завещании, написанном в то время, когда я уехал из Англии, моей матери был отказан пожизненный доход, а мне все его состояние целиком, с одним условием, чтобы я принял его фамилию. Разумеется, я согласился на это условие и стал Джорджем Джерменем.

Через три месяца мы с матерью встретились вновь.

Кроме того, что мне приходилось еще возиться с моей раной, свет видел во мне теперь наиболее достойного зависти, из смертных, богатого владельца домом в Лондоне и поместьем в Пертшире, однако тем не менее я в двадцать три года был несчастнейшим человеком в мире.

А Мери?

Что стало с ней за эти десять лет, что стало с Мери?

Вы слышали мою историю. Прочтите следующие страницы, и вы узнаете, что было с ней.

Глава VI

ЕЕ ИСТОРИЯ

То, что я расскажу вам теперь о Мери, дошло до моего сведения многими годами позднее какого-либо времени, о котором я до сих пор вел речь. Прошу запомнить это.

Управляющий Дермоди имел родственников в Лондоне, о которых иногда упоминал, и в Шотландии у него была родня, но о ней он не упоминал вовсе. Мой отец питал сильное предубеждение против шотландцев. Дермоди хорошо знал своего господина и понимал, что предубеждение распространится даже на него, если он заговорит о своих шотландских родственниках. Он был человек осторожный и никогда не упоминал о них.

Оставив службу у моего отца, он поехал в Глазго частью по суше, частью по морю; в Глазго жила его родня. С высокими душевными качествами и опытностью Дермоди, он был неоценимой находкой для каждого хозяина, кому бы посчастливилось выйти на него. Его друзья не оставались в бездействии. Не прошло шести недель, как он уже управлял имением на восточном берегу Шотландии и удобно устроился с матерью и дочерью в своем новом жилище Оскорбление, нанесенное ему моим отцом, глубоко запало в душу Дермоди. Он втайне написал к своим родственникам в Лондоне, что нашел себе хорошее место, но по некоторым причинам не желает на первое время давать им своего адреса.

Таким-то образом он положил преграду розыскам поверенных моей матери, которые (не находя нигде его следов по другим направлениям) обратились с запросом к его лондонским друзьям. Задетый за живое упреками бывшего господина, Дермоди пожертвовал своей дочерью и пожертвовал мной — отчасти чувству уважения к самому себе, отчасти убеждению, что сословное расстояние между нами ставит ему в обязанность прервать всякое дальнейшее общение прежде, чем будет уже поздно принимать меры.

Живя в уединении отдаленной части Шотландии, это маленькое семейство оставалось скрыто от меня, скрыто от света.

Я видел и слышал Мери в моих снах. Во сне же и Мери видела и слышала меня. Невинные стремления и желания, которыми сердце мое переполнялось, когда я был еще мальчиком, ей передавало таинство сонных грез. Ее бабушка, твердо веруя в predetermined союз между нами, поддерживала в девочке бодрость духа и вселяла отраду в ее сердце. Она могла слушать отца, который говорил (как говорил и мой отец), что мы разлучены навек, и мечтать про себя в блаженных снах, которые говорили ей о существовании другой будущности. Итак, она жила со мною духом — и жила надеждой.

Первое горе, постигшее маленькое семейство, была смерть бабушки, которая умерла от слабости в глубокой старости. В последние минуты сознания она сказала Мери:

— Никогда не забывай, что вы с Джорджем духи, посвященные друг другу. Жди с полным убеждением, что никакая человеческая власть не может помешать вашему союзу в дальнейшем.

Пока эти слова еще живо хранились в душе Мери, наши свидания в сонных грезах внезапно были прерваны с ее стороны так точно, как и с моей. С первых дней моего самоунижения я перестал видеть Мери. Как раз в то же время Мери перестала видеть меня.

Впечатлительная натура девочки изнемогла под этим ударом. Теперь не было при ней женщины постарше, чтобы утешать ее и советовать ей, она жила одна с отцом, который всегда прерывал разговор, если она заводила речь о старом времени. Тайное горе, которое равно гнетет и тело, и душу, легло на нее тяжелым гнетом. Простуда в холодное время года перешла в горячку. Много недель жизнь ее находилась в опасности. Когда же она стала поправляться, то, по предписанию доктора, уже лишилась своих роскошных волос. Эта жертва была необходима, чтобы спасти ей жизнь. В одном отношении жертва оказалось жестокой — ее волосы уже более не были так густы, как прежде. Когда они отросли опять, то совершенно утратили прелестные отливы от красноватого цвета к темному; теперь они были однообразной светло-каштановой окраски. С первого взгляда шотландские знакомые Мери почти не могли узнать ее.

Но природа вознаградила девушку за утрату волос тем, что выиграла лицо и фигура.

В год после ее болезни слабенький ребенок прежних дней на берегах озера Зеленых Вод под влиянием укрепляющего воздуха

Шотландии и при здоровом образе жизни превратился в красивую молодую девушку. Ее черты, как и в детстве, не отличались правильными формами, но тем не менее перемена в ней была поразительная. Худенькое личико пополнилось, бледный цвет сменился румянцем. Что же касалось фигуры, то ее изящество вызвало удивление даже окружавших ее простых людей. Ничего не обещая с детства, фигура ее теперь приняла женственную полноту, стройность и грацию — она была в строгом смысле слова поразительно красиво сложена.

Случалось в этот период ее жизни, что сам отец не узнавал своей дочери и нравственно, и физически. Она утратила живость детства — свою тихую, ровную веселость. Молча и погруженная в себя, она терпеливо исполняла свои ежедневные обязанности. Надежда встретиться со мной опять в то время уже казалась в безнадежной, горе от этого глубоко запало ей в сердце. Она не жаловалась. Физические силы, приобретенные ей в последние годы, имели соответственное влияние на твердость духа. Когда отец раз или два попробовал спросить ее, думает ли она еще обо мне, она ответила ему спокойно, что убедилась в справедливости его взгляда на этот вопрос. Она не сомневалась, что я давным-давно перестал о ней думать. Даже останься я верен, она теперь уже была в таких летах, чтобы понимать, как невозможен наш союз посредством брака при различии в общественном положении. Лучше всего (думала она) не вспоминать более о прошлом — лучше ей забыть меня, как я забыл ее. Так говорила она теперь. Так, по-видимому, не осуществилось предсказание бабушки Дермоди о нашей судьбе, и несмотря на твердую ее уверенность, предсказание это вошло в разряд тех, которые не сбываются.

Следующее замечательное событие в семейной хронике после болезни Мери совершилось, когда ей минуло девятнадцать лет. Даже теперь, приступая к критическому периоду моего рассказа, до которого дошел, я духом робею и твердость изменяет мне, хотя миновало тому уже сколько лет.

Необычно сильная буря разразилась у восточных берегов Шотландии. В числе кораблей, потерпевших крушение, находилось голландское судно, которое разбилось о скалистый берег недалеко от места жительства Дермоди. Подавая пример во всех добрых

начинаниях, управляющий стал во главе тех, которые бросились спасать пассажиров и экипаж погибшего корабля. Он уже вынес на берег одного утопающего и поплыл обратно к судну, когда два громадных вала, быстро нахлынув один за другим, отбросили его назад и ударили о прибрежный утес. Соседи спасли его с опасностью для жизни. После осмотра врача стало ясно, что у него оказался перелом конечности, кроме того сильные ушибы и разрывы наружных покровов. Все это было излечимо. Но по прошествии некоторого времени обнаружили у пациента признаки опасного внутреннего повреждения. По мнению доктора, он не мог уже более вернуться к своему прежнему деятельному образу жизни. Он оставался человеком больным — калекой до конца своих дней.

При этих грустных обстоятельствах хозяин Дермоди делал все, что можно было потребовать от него. Он нанял ему помощника для надзора за полевыми работами и позволил Дермоди оставаться в занимаемом им коттедже еще на три месяца. Это снисхождение дало бедняку время набраться сил, насколько он мог их иметь еще, и посоветоваться со своими друзьями в Глазго насчет трудного вопроса о предстоя — щей ему будущности.

Вопрос был не шуточный. Дермоди оказался совершенно неспособным для какой-либо сидячей работы, а небольшие накопленные им деньги не составляли достаточного обеспечения для него и дочери. Его шотландские друзья были готовы помочь ему со всем участием, но сами они были обременены семействами, а лишних денег не имелось ни у кого.

В этом затруднительном положении пассажир с разбитого судна (тот самый, жизнь которого была спасена управляющим) явился с предложением совершенно неожиданным как для дочери, так и для отца. Он просил руки Мери и настаивал (если она согласится выйти за него), чтобы отец жил у нее в доме до самой смерти.

Человек, обратившийся таким образом к семейству Дермоди в минуту постигшего их несчастья, был голландец по имени Эрнест Ван-Брандт. Он владел участком для рыбной ловли на берегах Зейдерзе (Эйселмер), и цель его приезда была завязать сношения с рыбными артелями на севере Шотландии. Мери произвела на него сильное впечатление с первой встречи. Он промедлил с отъездом и жил в окрестностях, побуждаемый надеждой снискать ее

благоклонное внимание. Он был человек красивый, в расцвете жизни и имел достаточно средств, чтобы жениться. Сделав предложение, он указал на лица с высоким положением в Голландии, которые могли ручаться за его поведение и общественное положение.

Мери долго думала, как ей лучше поступить в интересах беспомощного отца и ее самой.

Надежда выйти за меня уже давно была утрачена Мери. Добровольно посвящать себя безотрадной жизни старой девы неестественно для женщины. Представляя себе будущее, Мери, разумеется, видела себя в качестве жены. Могла ли она по всей справедливости ожидать предложения привлекательнее того, которое теперь ей было сделано? Ван-Брандт имел все личные преимущества, какие женщина только может пожелать: он был страстно влюблен в нее и к отцу ее он испытывал чрезвычайную признательность, как к человеку, спасшему его жизнь. Не имея другой надежды в сердце, не имея другой будущности впереди — она ничего не могла сделать лучше, как выйти за Ван-Брандта.

После всех этих раздумий она решилась произнести роковое слово. Она дала согласие.

Вместе с тем, однако, она призналась Ван-Брандту откровенно и без малейшей утайки, что в мыслях имела другую будущность, чем та, которая теперь предстояла ей. Она не скрала, что в ее сердце схоронена старая любовь и что полюбить вновь зависело не от нее. Уважение, признательность и преданность она могла предложить со всей честностью, а со временем, может быть, придет и любовь. Впрочем, она давно уже отрешилась от этого прошлого и окончательно отказалась от всякой надежды, всяких желаний, относящихся к нему. Спокойствие для отца и тихое счастье для нее самой составляли все благо, которого она испрашивала теперь у судьбы. И то, и другое она могла найти под кровлей благородного человека, который любил и уважал ее. Со своей стороны она давала слово быть ему верной и доброй женой, если большего не могла обещать. Она предоставляла Ван-Брандту решить, может ли он быть счастлив, женись на ней при этих условиях.

Он принял их без минуты колебания.

Свадьба состоялась бы немедленно, если бы в здоровье Дермоди не произошла перемена к худшему, которая вызвала сильные опасения.

Появились симптомы, которых доктор, как он откровенно сознался, не ожидал, определяя свое мнение о состоянии пациента. Он предупредил Мери, что конец может быть близок. Ван-Брандт на свой счет вызвал доктора из Эдинбурга. Столичный медик подтвердил мнение своего провинциального собрата. Добрый управляющий прожил еще немного дней. В последнее утро он соединил руку дочери с рукой Ван-Брандта.

— Составьте ее счастье, сэр, — сказал он со свойственной ему простотой, — и вы сквитаетесь со мной за спасение вашей жизни.

В тот же день он тихо умер на руках дочери.

Участь Мери теперь вполне была во власти ее жениха. Родственники, жившие в Глазго, имели собственных дочерей на руках. Родственники лондонские сердились на Дермоди за то, что он отстранился от них. Уважая ее горе, Ван-Брандт деликатно выждал, чтобы первые порывы его несколько стихли, а потом обратился с мольбой дать ему право мужа утешать ее.

Время их брака в Шотландии было то самое, когда я возвращался из Индии. Мери достигла тогда двадцатилетнего возраста.

История нашей десятилетней разлуки теперь окончена. Рассказ останавливается на том, когда и я, и она начали новый образ жизни.

Я живу с матерью, начиная свое поприще помещика в Пертшире, получив в наследство имение отчима. Мери живет с мужем, пользуясь своими новыми преимуществами, ознакамливаясь с новыми обязанностями жены. Она также находится в Шотландии — находится, по роковому предопределению, недалеко от моего поместья. Я не подозреваю, что она так близко от меня, имя госпожи Ван-Брандт (даже если бы я слышал его) не вызывает во мне никаких знакомых воспоминаний. Родственные духи все еще остаются в разлуке. Все еще не было мысли ни с ее, ни с моей стороны, чтобы мы когда-либо сошлись опять.

Глава VII

ЖЕНЩИНА НА МОСТУ

Матушка заглянула в дверь библиотеки и отвлекла меня от моих книг.

— Я повесила небольшую картину в моей комнате, — сказала она. — Пойдем наверх, мой друг, и скажи мне свое мнение о ней.

Я встал и последовал за ней. Она указала мне на миниатюрный портрет, повешенный над камином.

— Узнаешь ли ты, кто это? — спросила она полугрустно, полушутливо. — Джордж! Неужели ты не узнаешь себя мальчиком тринадцати лет?

Как мне было узнать? Изнуренный болезнью и горем, смуглый от загара за время продолжительного плавания домой, с поредевшими на маковке волосами, с привычным уже грустным и томным взглядом, что имел я общего с белокурым, полным мальчиком, голова которого вся была в завитках и бойкие, веселые глаза глядели на меня с миниатюры? Однако взгляд на этот портрет произвел на меня самое удивительное действие. Он повеял на меня непреодолимой грустью, он наполнил меня чувством отчаяния, до того ужасного, что мне стало невыносимо тяжело. Извинившись перед матерью, как умел, я поспешил, выйти из комнаты. Минутой позже я уже вышел из дома.

Я прошел парк и оставил за спиной собственные владения. Шагая проселком, я вскоре достиг берега нашей реки — такой красивой и, кроме того, вместе славящейся между удильщиками форели по всей Шотландии. Пора рыбной ловли еще не настала. Ни души не было видно вокруг, когда я сел на берегу. Старый каменный мост через реку находился в ста ярдах от меня, заходящее солнце еще окрашивало своим красноватым меркнувшим светом быстрые струи, уходившие под арки.

Меня все преследовало лицо мальчика в миниатюрном портрете. Портрет все как будто упрекал меня, говоря на своем беспощадном языке: «Посмотри, каким ты был прежде, — подумай, кто ты теперь!»

Я прилег лицом в мягкую, душистую траву. Я вспоминал прошедшие десять лет моей жизни между тринадцатилетним

возрастом и настоящим.

Чем это кончится? Какая будущность ожидает меня, если я проживу обычный человеческий век?

Любовь? Женитьба? Я расхохотался при одной этой мысли. После невинно счастливых дней моего детства любовь мне была так же чужда, как насекомому, которое ползло теперь по моей руке, лежавшей в траве. Разумеется, за мои деньги я куплю жену, но будет ли она дорога мне за мои деньги — дорога, как была некогда Мери в то золотое время, когда был написан мой портрет?

Мери! Жива ли она? Замужем ли? Узнал бы я ее, если бы встретил?

Нелепость! Я не видал ее с десятилетнего возраста. Теперь она женщина, а я мужчина.

Узнает ли она меня, если бы мы встретились. Портрет, неотступно преследовавший меня, ответил на вопрос: «Посмотри, кем ты был прежде, — подумай, кто ты теперь».

Я встал и ходил взад и вперед, стараясь придать своим мыслям другое направление.

Невозможно? После многих лет разлуки Мери снова овладела моей душой. Я опять сел на берег. Солнце быстро уходило за небосклон. Мрачные тени носились под арками старого каменного моста. Исчез красноватый отблеск на быстрых волнах; они приняли однообразный свинцовый цвет. Первые звезды мирно глядели с безоблачного неба. Первые порывы ночного ветерка зашелестели листвою деревьев, зарябили там и сям мелкие места реки. Однако чем темнее становилось, тем упорнее мой портрет увлекал меня к прошлому — тем живее давно забытый образ Мери, еще ребенком, представлялся моему мысленному взору.

Предвещало ли это, что она вернется ко мне во сне — зрелой женщиной в первой поре молодости?

Это возможно.

Теперь я уже не был так недостоин ее, как прежде.

Действие, произведенное на меня видом моего портрета, было последствием перемены к лучшему во мне, которая постепенно шла своим ходом с того времени, когда рана свалила меня беспомощным на госпитальную койку среди чужих в чужом краю. Болезнь, бывшая наставницей и другом многих, стала и моей наставницей, и моим

другом. Я оглянулся с отвращением на пороки моей юности, на последующие за ним бесплодные дни, когда безбожно отвергал все, что возвышенно, что наиболее утешает в человеческой жизни. Освященный горем, очищенный раскаянием, разве я тщетно надеялся, что ее дух и мой могут соединиться вновь? Кто мог сказать это?

Я опять встал. К чему теперь оставаться до ночи на берегу реки? Вышел я из дома, побуждаемый взволнованным состоянием духа, который ищет убежища в движении и перемене мест. Средство не сработало: я был странно смущен, сильнее прежнего. Лучше пойти домой и составить партию моей доброй матери в ее любимый пикет <Пикет — старинная игра в карты.>.

Я повернул к дороге, чтобы идти назад, — и остановился, пораженный мирной красотой последнего отблеска заката, сиявшего из-за черной черты, образованной перилами на мосту.

Величественно спускались на землю ночные тени, один среди глубокого затишья умирающего дня я следил взором за меркнувшими лучами.

Вдруг в окружавшей меня картине произошла перемена. Живое существо тихо вступило на мост. Оно скользило за черной линией перил в последних длинных лучах закатившегося солнца. Оно прошло мост. Потом остановилось, оно повернуло назад и дошло опять до середины моста. Тут оно стало неподвижно. Проходила минута за минутой... Фигура все стояла неподвижным черным предметом за черными перилами моста.

Я пошел вперед и приблизился настолько, чтобы лучше рассмотреть одежду загадочной фигуры. По платью я понял, что одинокое существо — женщина.

Она не замечала меня, я был в тени, бросаемой деревьями на берега. Она стояла скрестив руки под мантильей и глядя на реку, становившуюся все темнее.

Зачем она стояла там в поздний вечер и одна?

Едва я задался этим вопросом, как увидел, что ее голова шевельнулась. Она поглядела сперва в одну сторону, потом в другую сторону моста. Разве она ждала кого-нибудь? Или она опасалась слежки и хотела удостовериться, что действительно одна?

Мгновенное подозрение о цели ее прихода в это уединенное место, внезапное недоверие к пустынному мосту и быстрой реке,

заставили мое сердце забиться усиленно и тотчас побудили меня к действию. Я торопливо взошел на подъем, который вел от берега к мосту, с твердым намерением заговорить с ней, пока было еще не поздно.

Она не видела и не слышала меня, пока я не подошел совсем близко. Неодолимое смятение овладело мной, я не знал, как она примет то, что я заговариваю с ней. Однако едва она повернулась ко мне, как я тотчас успокоился. Точь-в-точь будто ожидая увидеть незнакомку, я неожиданно сошелся с другом.

А между тем она была мне незнакома. Никогда я не видывал этого грустного и благородного лица, этого величественного стана, которого изящную грацию и стройность не могла скрывать вполне даже длинная мантилья. Нельзя бы назвать ее красавицей. В ней были недостатки настолько заметные, что бросались в глаза даже в вечернем полусвете. Ее волосы, например, видневшиеся из-под большой садовой шляпы, казались не длиннее мужских, и цвет их был тот тусклый каштановый цвет, который часто встречается у простолюдинок в Англии. Однако наперекор всему в выражении ее лица была затаенная прелесть, в ее обращении — естественное обаяние, которое мгновенно привлекло мое сочувствие и возбудило мой восторг. Я пленился ею с первого взгляда.

— Позвольте узнать, не сбились ли вы с дороги? — спросил я.

Она устремила мне в лицо странный пытливый взор. По-видимому, ее не изумляло и не смущало, что я осмелился заговорить с ней.

— Эта местность мне хорошо знакома, — продолжал я. — Не могу ли предложить вам свои услуги?

Она все всматривалась в меня упорным, пытливым взглядом. На мгновение, хотя я был чужой для нее, мое лицо привело ее в недоумение, словно она видела его прежде и забыла. Если действительно подобная мысль мелькнула в ее уме, она тотчас отбросила ее, слегка тряхнув головой, и стала смотреть на реку, не интересуясь мной больше.

— Благодарю. Я не сбилась с дороги. Я привыкла ходить одна. Доброго вечера.

Она говорила холодно, но учтиво. Ее голос был пленителен, ее поклон, когда она уходила от меня, — совершенство непринужденной

грации. Она сошла с моста в ту сторону, откуда я видел, что она пришла, и медленно удалилась по направлению темной колеи большой дороги.

Однако я не успокоился. Под прелестным выражением лица и обворожительными телодвижениями скрывалось что-то недоброе, как подсказывало мне безотчетное чувство. Идя к противоположному концу моста, я вдруг начал сомневаться, правду ли она говорила. Не хотела ли она просто отвязаться от меня, когда пошла прочь от реки?

Я принял решение удостовериться, справедливо ли мое подозрение. Сойдя с моста, мне стоило только перейти дорогу в тень деревьев, растущих на берегу. Притаившись за первым стволом, достаточно толстым, чтобы скрывать меня, я мог видеть мост и верно рассчитывать, что подкараулю ее, если она вернется к реке, пока есть малейший свет, при котором можно различить ее. Нелегко было пробираться в темноте под деревьями, мне почти ощупью приходилось подвигаться вперед, пока я не достиг ближайшего дерева, подходящего для моей цели.

Я только что успел твердо стать на неровном грунте, заслонив себя стволом дерева, когда тишина сумерек внезапно была нарушена отдаленным звуком голоса.

Голос принадлежал женщине. Он не был громок, выражал мольбу.., и слова произнесенные были:

— Спаситель, умиლოსердись надо мной!

Снова воцарилось молчание. Невыразимый страх овладел мной, и я взглянул на мост.

Она стояла уже на парапете. Я не успел двинуться, не успел вскрикнуть, даже дух перевести, как она бросилась в воду.

Течение было в мою сторону. Я видел, как она всплыла на поверхность и пронеслась мимо меня в светлой полосе посреди реки. Я бросился к берегу стремглав. Она снова пошла ко дну, пока я остановился на миг, сбросить шляпу, сюртук и башмаки. Я был искусный пловец. Как только я очутился в воде, ко мне вернулось самообладание — я почувствовал себя опять самым собой.

Стремнина вынесла меня на середину реки и очень способствовала быстроте, с какой я плыл. Я был вплотную позади нее, когда она вторично поднялась наверх, словно тень, едва видная в воде за несколько дюймов от поверхности. Еще один взмах — и левой

рукой я обхватил ее тело, я поднял ее голову из воды. Она лишилась чувств. Я мог держать ее так, чтобы успеть сохранять полную свободу действий. Таким образом я имел возможность без торопливости или чрезмерных усилий выплыть с ней обратно на берег.

Первая попытка убедила меня, что неразумно было бы надеяться с моей тяжелой ношей осилить быстрое течение, которое шло от берегов к середине русла. Я попробовал плыть против стремнины с одной стороны, потом с другой — и отказался от этого. Мне оставалось одно — дать течению уносить нас. Ярдов на пятьдесят ниже река огибала мыс, на котором стоял трактир, постоянно посещаемый рыбаками в пору ловли форели. Приближаясь к этому месту, я сделал еще попытку (и снова тщетную) подплыть к берегу. Теперь вся надежда на спасение заключалась в том, чтобы меня услышали люди, находившиеся в трактире. Я крикнул изо всей силы, когда нас несло течением мимо него. На крик ответили. Человек отчалил от берега на лодке. Через пять минут незнакомка была в безопасности на берегу, я нес ее с человеком к прибрежному трактиру.

Трактирщица и ее служанка были одинаково усердны и одинаково несведущи в том, что следовало делать. К счастью, я имел надлежащие познания, чтобы наставлять их. Хороший огонь, теплые одеяла, кувшины с горячей водой были в моем распоряжении. Я сам показал женщинам, как приняться за дело возвращения к жизни. Они трудились упорно, и я трудился, однако, она все лежала без малейших признаков жизни в своей совершенной красоте тела — она все лежала, по всему видимому, безжизненной утопленницей.

Одна надежда оставалась — надежда оживить ее (если я успею применить аппарат так называемого «искусственного дыхания»). Я объяснял хозяйке, в чем нуждаюсь, когда почувствовал, что мне как-то трудно говорить. В это мгновение добрая женщина отскочила назад и, взглянув на меня, закричала в ужасе.

— Боже мой, сэръ, у вас кровь течет! — кричала она. — Что с вами? Где вы ранены?

Едва она произнесла первые слова, как я уже понял, что случилось. Моя старая рана, полученная в Индии, вероятно, от чрезмерных усилий открылась вновь. Я боролся с внезапной слабостью, которая овладевала мной, я старался сказать окружающим меня людям, что надо сделать. Все напрасно. У меня подогнулись

колени, моя голова упала на грудь женщины, лежавшей возле без чувств на низеньком диване. Смерть при жизни, которая захватывала ее, завладевала и мной. Не сознавая мира вокруг нас, мы лежали соединенные в обмороке, подобном смерти, и моя кровь струилась по ней.

Где были наши души в эту минуту? Слились ли они и понимали друг друга? Соединенные духовной связью, скрытой от нас и не подозреваемой нами во плоти, разве мы двое, встретившись чужими на роковом мосту, теперь узнавали друг друга во сне? Кто любил и лишился предмета своей любви, кто знал одну отраду в жизни — веру в другие миры, чем наш подлунный мир, — может ли тот отвернуться с презрением от моего вопроса? Может ли тот честно сказать, что не задавал себе подобных же вопросов?

Глава VIII

РОДСТВЕННЫЕ ДУХИ

Лучи утреннего солнца в окошечке с плохими занавесками, неуклюжая, деревянная кровать с витыми колонками до самого потолка, с одной стороны кровати приятное лицо моей матери, с другой стороны пожилой господин, которого я не могу припомнить, — вот предметы и люди, представившиеся мне в первую минуту, когда я пришел в сознание и вернулся в тот свет, где мы живем.

— Посмотрите, доктор, посмотрите! Он пришел в чувство наконец!

— Откройте рот, сэр, и проглотите вот это.

Матушка радовалась за меня с одной стороны кровати, а неизвестный господин, которого называли «доктором», подносил ко рту ложечку виски с водой, стоя по другую сторону. Он называл это «жизненным эликсиром» и просил меня заметить (говоря с сильным шотландским акцентом), что пробовал его сам, в доказательство, что не шутит.

Возбуждающее средство произвело свое хорошее действие. Моей голове стало легче, мысли мои сразу прояснились. Я мог последовательно говорить с матерью, я смутно припоминал самые замечательные события предыдущего вечера. Еще минута или две, и образ, вокруг которого группировались все эти события, мгновенно ожил в моих воспоминаниях. Я хотел приподняться с постели я вскричал нетерпеливо:

— Где она?

Доктор поднес мне опять ложечку жизненного эликсира и важно повторил свои первые слова, обращенные ко мне:

— Откройте рот, сэр, и проглотите вот это.

Я настаивал на своем и повторил вопрос:

— Где она?

Доктор настаивал на своем предписании:

— Глотните вот это.

Где мне было протестовать при моей слабости — я повиновался. Врач кивнул головой моей матери значительно и сказал:

— Теперь он поправится.

Матушка сжалилась надо мною, она успокоила меня следующими простыми словами:

— Дама совсем пришла в себя, Джордж, благодаря доктору.

Я посмотрел на моего собрата по профессии с новым любопытством. Он оказывался законным источником сведений, и я умирал от нетерпения, чтобы мне влили их в душу.

— Как вы оживили ее? — спросил я. — Где она теперь? Доктор поднял руку в предостережение.

— Мы поправимся, сэр, если будем действовать методично, — начал он тоном чрезвычайно уверенным. — Поймите, что открывать рот вы можете только, чтобы глотнуть этого, но никак не говорить. Я расскажу вам в надлежащее время, и добрая ваша матушка расскажет вам все, что вам требуется знать. Я был первым на месте события, если можно так выразиться, и потому в порядке вещей, чтобы я говорил первый. Позвольте приготовить еще немного жизненного эликсира — и тогда, как говорит поэт, я приступлю к рассказу моему, простому и без прикрас.

Так говорил он, произнося с сильным шотландским акцентом на самым правильном английском языке, какой мне доводилось слышать. Это был высокий, широкий в плечах, с волевым лицом человек, очевидно, спорить с ним было напрасно. Я обратился к дорогому лицу матери для ободрения и предоставил доктору поступать по-своему.

— Мое имя Мек-Глю, — продолжал тот. — Я имел честь засвидетельствовать вам почтение в вашем доме, когда вы поселились в здешних краях. Вы еще не припоминаете меня. Это естественно при ненормальном состоянии ваших мыслей от большой потери крови, как вы (будучи медиком) понимаете сами.

Тут терпение изменило мне.

— Бросьте говорить обо мне, — перебил я. — Говорите про даму.

— Вы раскрыли рот, сэр? — строго заметил Мек-Глю. — Вам известно наказание — глотните вот этого. Я вам сказал, что мы должны действовать методично, — продолжал он после того, как подверг меня наложенному штрафу. — Все будет на своем месте, мистер Джермень, все на своем месте. Я говорил о вашем физическом состоянии. Итак, сэр, в каком физическом состоянии застал я вас? На ваше счастье, я возвращался вчера домой нижней дорогой (она идет по

берегу реки), приближаясь к этому трактиру (называют его здесь гостиницей, а между тем это просто трактир), я услышал визг трактирщицы за полмили. Добрая женщина, извольте видеть, в обыкновенной обстановке, но жалкое существо, когда случится что-нибудь особенное. Будьте покойны, я расскажу обо всем в свое время. Хорошо, я заворачиваю посмотреть, не относится ли визг к чему-нибудь, где нужна медицинская помощь, и что же? — Я нахожу вас и незнакомую даму в положении, про которое справедливо можно отозваться, что оно требовало исправления по части приличия. Тс! Тс! Я говорю в шутку — вы были оба в обмороке. Выслушав сообщение хозяйки и, по мере сил и разумения, отделив историю от истерики во время рассказа женщины, я должен был сделать выбор из двух законов. Закон вежливости, извольте видеть, указывал мне на даму, как за первого пациента, которому я должен был оказывать медицинскую помощь, а между тем закон человеколюбия (ввиду того, что вы истекали кровью) указывал мне на вас еще повелительнее. Я уже не молодой человек — даме пришлось подождать. Честное слово! Нелегко было справиться с вами, мистер Джермень, и благополучно перенести вас сюда наверх, чтоб вы не оставались на виду у всех. С вашей старой раной шутить нельзя, сэр. Советую вам остеречься, чтобы она не открылась вновь. Когда вы теперь пойдете вечером гулять и увидите даму в реке — вы хорошо сделаете, ради собственного здоровья, если оставите ее там. Что я вижу? Вы раскрываете рот! Разве опять хотите глотнуть эликсира?

— Он хочет услышать про даму, — вступилась матушка, перетолковывая мое желание.

— Про даму! — повторил Мек-Глю с видом человека, который не находит большой привлекательности в предлагаемом предмете. — Нечего много и говорить-то про нее, насколько мне известно. Красивая женщина, бесспорно.

Если бы можно было снять мягкие ткани с костей, славный оказался бы под ними скелет. Заметьте! Не может быть хорошо сложенной женщины без красивой костной основы. Я не имею высокого мнения об этой даме, в нравственном отношении, разумеется. Если позволите мне выразиться таким образом в вашем присутствии, сударыня, за ее трагической выходкой на мосту скрывается мужчина. Однако, не будучи этим мужчиной сам, я не

имею ничего общего с ней. Мое дело состояло только в том, чтобы снова запустить в ход жизненный механизм. Одному Богу известно, каких хлопот она мне наделала. С ней мне было еще труднее справиться, чем с вами, сэр. Во всю мою практику я не встречал двух человек, упорнее противившихся возвращению в этот мир к его тревоблениям, чем вы двое. А когда я добился наконец успеха, когда сам был готов лишиться чувств от усталости сил и душевного напряжения, угадайте — я позволяю вам говорить на этот раз — угадайте ее первые слова после того, как она пришла в чувство?

Я был в таком возбужденном состоянии, что не мог никак догадаться.

— Отказываюсь! — вскричал я в нетерпении.

— И прекрасно делаете, — заметил Мек-Глю. — Первые ее слова, сударь, обращенные к тому человеку, который вырвал ее, так сказать, из самых челюстей смерти, были:

" — Как вы смели вмешаться в мои дела? Зачем вы не оставили меня умереть? " — Точь-в-точь ее речь., я присягну на Библии. Раздосадованный, я ответил ей (как говорится) той же монетой.

— Река под рукой, сударыня, — сказал я. — Повторите сделанное. Я, по крайней мере, пальцем не пошевелю, чтобы спасти вас, даю вам слово". Она быстро подняла глаза.

— Вы тот человек, который вытащил меня из реки? — спросила она.

— Сохрани Бог! — говорю. — Я только доктор, который был так глуп, что вмешался в ваши дела после. Она повернулась к хозяйке.

— Кто вытащил меня из реки? — спросила она. Хозяйка назвала вас.

— Джермень? — повторила она про себя:

— никого не знаю по имени Джермень, хотела бы я знать, тот ли это человек, который говорил со мною на мосту.

— Тот самый, — ответила хозяйка, — мистер Джермень сказал, что встретил вас на мосту. Услышав это, она задумалась на минуту, затем она спросила, может ли видеть мистера Джерменя.

— Кто бы он ни был, — говорит, — он рисковал жизнью, чтобы спасти меня, я должна поблагодарить его за это.

— Вы не можете благодарить его сегодня, — говорю, — я перенес его наверх, где он теперь находится между жизнью и смертью, я

послал за его матерью, подождите до утра. — Она повернулась ко мне не то с испугом, не то с досадой на лице.

— Не могу я ждать, — говорит, — вы все знаете, что наделали вместе с ним, возвратив меня к жизни! Я должна уехать отсюда, завтра же я должна быть за пределами Пертшира. Когда проезжает здесь первый дилижанс, направляющийся к югу? Не имея никакого представления о первом дилижансе, идущем к югу, я посоветовал ей обратиться к людям в трактире. Мое дело (покончив теперь с дамой) было наверху, в этой комнате, следить за тем, как вы приходите в чувство. Относительно вас все шло так, как я только мог желать, и ваша добрая матушка находилась тут. Я поехал домой на случай, что буду нужен кому-нибудь из обычных пациентов. Когда я вернулся сегодня утром, сумасбродная трактирщица уже была наготове с новой историей.

— Уехала! — вскричала она.

— Кто уехал? — спрашиваю.

— Дама, — говорит, — уехала поутру с первым дилижансом!

— Вы хотите сказать, что она оставила этот дом? — воскликнул я.

— Именно то! — сказал доктор с большим удовлетворением, чем когда-либо. — Спросите вашу матушку и она удостоверит вас в том как нельзя вернее. У меня другие больные, которых надо навестить... Спешу объехать их. Дамы вы больше не увидите, и тем лучше, по моему мнению. Через два часа я вернусь и, если я не найду вас хуже, подумаю о том, чтобы перевести вас из этого чужого места в знакомую удобную кровать дома. Не давайте ему говорить, сударыня, не давайте ему говорить!

С этими словами на прощание оставил нас доктор.

— Неужели это в самом деле правда? — спросил я матушку. — Неужели она уехала отсюда, не дождавшись, чтобы увидеться со мной?

— Никто не мог удержать ее, Джордж, — ответила матушка.

— Она уехала сегодня утром в дилижансе, который идет в Эдинбург.

Я был горько разочарован. Да, «горько» настоящее слово, хотя речь шла о женщине для меня посторонней.

— Вы сами видели ее? — спросил я.

— Мимоходом видела несколько минут, друг мой, когда шла к тебе наверх.

— Что она сказала?

— Она просила меня извинить ее перед тобой. Она сказала:

«Передайте мистеру Джермену, что мое положение ужасно. Никто на свете не может помочь мне. Я должна уехать. Моя прошедшая жизнь так же кончена, как будто ваш сын дал мне утонуть в реке. Я должна начать новую жизнь в новом месте. Просите мистера Джермена извинить меня, что я уезжаю, не поблагодарив его. Есть личность, которую я твердо решила не видеть более никогда! Никогда! Никогда! Прощайте, постарайтесь простить». Она закрыла руками лицо и не говорила ничего больше. Я старалась войти к ней в доверие, все напрасно, я была вынуждена оставить ее. В жизни этой несчастной женщины есть какое-то ужасное бедствие. И какая она интересная особа к тому же! Невозможно не жалеть ее, заслуживает она этого или нет. Все окружающее ее — тайна, мой друг. Она говорит по-английски без малейшего иностранного произношения, а между тем имя она носит не английское.

— Она назвалась вам разве?

— Нет, а я боялась спросить ее. Но трактирщица была не так совестлива. Она сказала мне, что осмотрела белье бедняжки, пока оно сохло перед огнем. Белье было помечено: Ван-Брандт.

— Ван-Брандт? — переспросил я. — Это похоже на голландскую фамилию. Однако она говорила так чисто, как англичанка, говорите вы. Пожалуй, она родилась в Англии.

— Или замужем, — заметила матушка, — а Ван-Брандт фамилия ее мужа.

Мысль, что она замужняя женщина, заключала в себе что-то отталкивающее для меня. Я жалел, что это предположение пришло матушке на ум. Я отверг его, я настаивал на моем собственном убеждении, что незнакомка незамужняя. В качестве незамужней я мог позволить себе роскошь думать о ней, я мог обсуждать большую или меньшую вероятность для меня отыскать пленительную беглянку, которая произвела на меня такое сильное впечатление, отчаянная попытка которой совершить самоубийство чуть было не стоила мне жизни.

Если она доехала до Эдинбурга (что, наверное, сделает, чтобы избежать преследования), надежда разыскать ее, в таком большом городе и при моей слабости в настоящее время, представлялась крайне сомнительной. Тем не менее какая-то тайная надежда поддерживала меня и не повергала в глубокое уныние. Я питал чисто воображаемое (может быть, мне следовало бы сказать, чисто суеверное) убеждение, что мы, чуть было не умершие вместе и вместе возвращенные к жизни, наверно, предназначены делить в будущем или радости, или горе. «Я думаю, что увижусь еще с ней», была моя последняя мысль перед тем, как слабость одолела меня и я спокойно заснул.

Вечером меня перевели из гостиницы домой, в мою собственную спальню, и в ту же ночь я видел ее опять во сне.

Ее образ был так же живо запечатлен в моем сознании, как совершенно иной образ ребенка — Мери, когда, бывало, я видел его в прежнее время. Образ женщины во сне явился мне драпированным, как я видел ее на мосту. На ней была та же соломенная садовая шляпа с широкими полями. Она смотрела на меня так же, как в то время, когда я подходил к ней в вечернем полусвете. Немного погодя ее лицо озарилось божественно пленительной улыбкой и она шепнула мне на ухо:

— Друг, узнаешь ты меня?

Конечно, я узнавал... однако, с каким-то непостижимым чувством сомнения. Узнавая ее во сне, как незнакомку, в которой сильно заинтересовался, я был все-таки недоволен собой, точно я не узнал ее надлежащим образом. С этой мыслью я проснулся, и в эту ночь я уже не спал больше.

За три дня я настолько набрался сил, что мог кататься с матушкой в удобной старомодной коляске, принадлежавшей некогда мистеру Джермену.

На четвертый день мы задумали прокатиться к маленькому водопаду в окрестностях. Матушка восхищалась этим местом и часто жалела, что не имеет ничего, что напоминало бы его. Я решил взять с собой альбом и попробовать, не могу ли я в угоду ей срисовать любимый ее вид.

После долгих поисков я нашел наконец мой альбом для рисунков (который не держал в руках много лет) в старой конторке, остававшейся запертой со времени моего отъезда в Индию. Роясь в

ней, я выдвинул один из ящичков и увидел в нем драгоценный памятник старого времени — первый опыт в вышивании моей бедной маленькой Мери, зеленый флаг!

При виде забытого подарка я перенесся мысленно в коттедж управляющего и вспомнил старуху Дермоди с ее самоуверенным предсказанием насчет меня и Мери.

Я улыбнулся, вспомнив уверения старухи, что никакая человеческая сила не в состоянии помешать союзу родственных детей в будущем времени. Что случилось с предсказанными сновидениями, через которые мы должны были общаться в продолжение нашей разлуки? Прошли годы, однако, я не видел Мери ни во сне, ни наяву. Прошли годы, и первый образ женщины, явившийся мне во сне несколько дней назад, был образ женщины, которую я спас из реки! Я думал об этих случаях и переменах в моей жизни, однако, без презрения и без горечи. Новая любовь, которая вкрадывалась мне в сердце, смягчила меня и сделала сострадательнее. Я сказал себе: "О, бедная маленькая Мери!" и поцеловал зеленый флаг, в знак чувства благодарности тому времени, которому не суждено вернуться.

Мы поехали к водопаду.

День был великолепный, уединенная лесная местность сияла во всей красоте. Деревянный павильон, откуда открывался вид на стремительно падающий с высоты поток реки, был построен владельцем этой местности для удобства устраиваемых увеселительных поездок. Матушка посоветовала мне попробовать срисовать вид павильона. Я приложил все старание, чтобы угодить ей, однако не остался доволен результатом моих усилий и бросил рисунок вполонину недоконченным. Оставив на столе в беседке альбом и карандаш, я предложил матушке перейти деревянный мостик, переброшенный через реку ниже водопада, и посмотреть, каков вид с этой точки.

Оказалось, что с противоположного берега картина водопада представляла еще больше затруднений такому любителю-художнику каким был я. Мы вернулись к павильону.

Я подходил первый к отворенной двери. Неожиданное открытие заставило меня остановиться. Павильон уже не был пуст, после того как мы оставили его. Дама сидела у стола с моим карандашом в руках и писала в моем альбоме!

Прождав с минуту, я сделал несколько шагов к двери и опять остановился, от изумления захватило дух. Незнакомка, сидевшая в павильоне, теперь ясно представлялась мне той женщиной, которая покушалась на свою жизнь на мосту!

Не могло быть сомнения. Вот и одежда та же, и памятное лицо, которое я видел в вечерних сумерках, которое снилось мне ночью совсем недавно! Та самая женщина была это, я видел ее так ясно, как отражение солнца в водопаде, та самая женщина, с моим карандашом в руках, пишущая в моем альбоме!

Матушка, следовавшая за мной, заметила мое волнение.

— Джордж, — воскликнула она, — что с тобой?

Я указал рукой на отворенную дверь павильона.

— Ну хорошо, — сказала матушка, — на что же мне смотреть?

— Разве вы не видите, кто сидит у стола и пишет в моем альбоме?

Матушка с тревогой посмотрела на меня.

— Уж не заболел ли он опять? — сказала она про себя.

Едва эти слова донеслись до моего слуха, как женщина положила карандаш и медленно поднялась со стула.

Она взглянула на меня грустным и умоляющим взором, потом подняла руку и сделала мне знак, чтобы я подошел к ней. Я повиновался. Двигаясь бессознательно, привлекаемый все ближе и ближе неодолимой силой, я поднялся на ступени, которые вели в павильон. Я остановился в нескольких шагах от нее. Она шагнула ко мне и слегка прикоснулась рукой к моей груди. Ее прикосновение наполнило меня странно смешанным ощущением восторга и страха. Спустя немного она заговорила тихим, мелодичным голосом, который сливался в моих ушах с отдаленным журчанием водопада, пока наконец оба звука не слились в один. Я слышал в журчании потока ясно произнесенные ее голосом слова: "Вспомни меня. Приди ко мне!" Она отняла руку от моей груди, мгновенный мрак, словно мимолетная тень, затмил в комнате яркий дневной свет. Я искал ее глазами, когда прояснело опять. Ее уже не было.

Ко мне вернулось сознание действительности.

Я увидел тени снаружи, которые стали длиннее и говорили, что вечер близок. Я увидел приближающийся экипаж, который ехал за нами. Я почувствовал руку матери на моем плече и встревоженный голос ее, когда она говорила со мной. Я был в состоянии ответить ей

знаком, прося не беспокоиться обо мне, но более того я сделать не мог. Одно желание поглощало все мое существо, и дух, и тело — желание взглянуть на альбом. Так же, несомненно, как я видел женщину, так же, несомненно, я видел, что она писала в моем альбоме моим карандашом.

Я подошел к столу, на котором лежал раскрытый альбом. Я взглянул на пустое место внизу страницы под линиями первого плана на моем недоконченном рисунке. Матушка последовала за мной и также посмотрела на эту страницу.

Письмо было тут! Женщина скрылась, но слова, написанные ею, остались, видные для глаз моей матери, как и для моих глаз, читаемые глазами моей матери так точно, как и моими!

Вот слова, которые мы увидели начерченными в двух строках точь-в-точь, как я списываю их здесь:

Когда полный месяц взойдет над источником Святого Антония.

Глава IX

ЕСТЕСТВЕННОЕ И СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ

Я указал рукой на слова, написанные в альбоме, и взглянул на матушку. Я не ошибся. Она видела их, как видел я. Но она не допускала, чтобы случилось что-нибудь, способное встревожить ее, — лицо ее говорило мне это ясно.

— Кто-то сыграл с тобой шутку, Джордж, — сказала она.

Я не возражал. Это было бы лишнее. Бедная матушка, очевидно, не больше меня удовлетворилась своим собственным объяснением. Экипаж стоял у двери. Мы отправились молча в обратный путь.

Альбом лежал раскрытый на моих коленях. Я не отводил от него глаз, я припоминал минуту, когда видение манило меня в беседку и заговорило. Из сопоставления сказанных слов с написанным получался вывод до того очевидный, что не могло быть ошибки. Женщина, которую я спас из реки, опять нуждалась в моей помощи.

И эта самая женщина, только оправившись от случившегося, не задумалась воспользоваться первым же случаем оставить дом, где нам обоим оказали помощь, — не найдя времени сказать слово благодарности тому, кто спас ее от смерти! И прошло только четыре дня после того, как она рассталась со мной (по всему видимому), чтобы не видеться никогда больше. Теперь же ее призрачное видение предстало перед мной, как будто я верный, испытанный друг, оно приказывало мне не забывать ее и спешить к ней, оно даже исключило возможность, чтобы память изменила мне, написав слова, которыми призывала к себе: «Когда полный месяц взойдет над источником Святого Антония».

Что случилось за этот промежуток времени? Что означал ее сверхъестественный способ общаться со мной?

Как мне теперь поступить?

Матушка вывела меня из задумчивости. Она вдруг протянула руку и захлопнула лежавший у меня на коленях раскрытый альбом, как будто вид написанных там слов был для нее невыносим.

— Отчего ты не говоришь со мной, Джордж? — вскричала она. — Отчего ты не высказываешь мне своих мыслей?

— Я совсем теряюсь, — возразил я. — Ничего не могу ни предположить, ни объяснить. Все мои мысли теперь сосредоточены на вопросе, что мне делать. Относительно него, кажется, я пришел к заключению.

Я указал на альбом и прибавил:

— Что бы ни вышло из этого, а я намерен повиноваться приглашению.

Моя мать взглянула на меня, как будто не поверила собственным ушам.

— Он говорит, точно это действительно существо? — воскликнула она. — Джордж! Разве ты уверен, что в самом деле видел кого-нибудь в беседке? Она была пуста. Положительно говорю тебе, что когда ты указывал на нее, там не было ни души. Ты все думал об этой женщине и додумался до того, что вообразил, будто видишь ее.

Я опять раскрыл альбом.

— Мне представилось, что она писала на этом листке, — ответил я. — Взгляните сюда..., разве я ошибся?

Матушка отказалась смотреть. Хотя она упорно настаивала на своем мнении с разумной точки зрения, написанные слова все-таки нагоняли на нее страх.

— Еще недели не прошло, — продолжала она, — как я видела тебя в постели, между жизнью и смертью. Где ж тебе ехать на свидание при твоём состоянии здоровья? И еще свидание с призраком собственного воображения, который является и потом исчезает, оставляя за собой вещественные письма! Это смешно, Джордж, удивляюсь, как ты сам не хохочешь над собой.

Она попыталась показать мне пример, но слезы выступили у бедняжки на глазах, когда она тщетно силилась засмеяться. Я уже начинал жалеть, что поделился с ней своими мыслями.

Не принимайте этого так серьезно, матушка, — возразил я. — Быть может, я не отыщу и указанного места. В жизни не слыхивал про источник Святого Антония, я понятия не имею, где он находится. Положим, я найду его, положим, путь к нему окажется удобен, — не пожелаете ли вы поехать со мной?

— Сохрани меня Бог! — горячо возразила матушка. — Я не хочу иметь ничего общего с этим. Ты заблуждаешься, ты в состоянии ненормальном — я поговорю с доктором.

— Сделайте это, дорогая моя! Мистер Мек-Глю человек умный. Мы пойдем мимо него, пригласим его обедать. А теперь оставим этот разговор, пока не увидимся с доктором.

Я говорил шутливо, но вполне вознамерился исполнить то, что сказал. Я был очень расстроен, нервы мои потрясены до того, что меня пугал малейший шум на дороге. Мнение такого человека, как Мек-Глю, который на все земное смотрел с одной и той же неизменно практической точки зрения, действительно могло принести мне пользу как нравственное лекарство.

* * *

Мы выждали той минуты, когда десерт стоял на столе и слуги вышли из столовой. Тогда я рассказал доктору то, что уже изложено мной выше, и сделав это, я раскрыл альбом, чтобы он сам прочел написанное.

Не ошибся ли я страницей?

Я вскочил со стула и ближе поднес альбом к свету лампы, висевшей над обеденным столом. Нет, страница та самая. Вот и мой недоконченный эскиз водопада... Где же две строчки, которые были написаны внизу?

Они исчезли!

Я напрягал зрение, всматривался и всматривался. Одна белая бумага отражалась в моем взоре.

Я положил раскрытый альбом перед матушкой.

— Вы видели написанное так же, как я, — сказал я ей. — Не обманывает ли меня зрение? Взгляните на этот листок.

Матушка откинулась на спинку кресла с восклицанием ужаса.

— Исчезло? — спросил я.

— Исчезло!

Я повернулся к доктору. Признаться, он удивил меня до крайности. На его лице даже не мелькнуло улыбки недоверия, ни

одной шутки не сорвалось с его губ. Он внимательно слушал меня все время и теперь ждал дальнейшего рассказа.

— Даю вам честное слово, — сказал я, — что видел, как призрак писал моим карандашом внизу этой страницы. Уверяю вас, что я взял альбом в руки и увидел написанные слова: «Когда полный месяц взойдет над источником Святого Антония». Прошло не более трех часов, и вот, поглядите сами, не остается ни малейшего следа того, что было написано.

— Не остается ни малейшего следа чего-либо написанного, — спокойно подтвердил Мек-Глю.

— Если вы мало-мальски сомневаетесь в том, что я вам говорю, — продолжал я, — спросите матушку, она засвидетельствует, что также видела написанное.

— Я не сомневаюсь, что вы оба видели написанное, — ответил Мек-Глю с хладнокровием, которое меня поражало.

— Можете вы объяснить это? — спросил я.

— Стараюсь объяснить себе, — сказал непроницаемый доктор, — и думаю, что некоторые лица удовлетворятся моим объяснением. Например, я сперва могу изложить так называемый рациональный взгляд на факты. Я могу сказать, что вы, как мне достоверно известно, теперь находитесь в состоянии сильного нервного потрясения, поэтому когда видели призрак (по вашему выражению), то видели просто собственное — сильное впечатление, произведенное отсутствующей женщиной, которая (как опасаюсь) задела в вас какую-нибудь слабую струну или чувствительную сторону характера. Я не имею в виду оскорблять вас, мистер Джермень...

— Я вовсе не обижаюсь, доктор. Но, простите меня за откровенность, ваше рациональное объяснение напрасный труд относительно меня.

— Охотно прощаю, — ответил Мек-Глю. — Тем охотнее, что вполне разделяю ваше мнение. Я сам не придаю никакой веры этому рациональному объяснению.

Это было по меньшей мере удивительно.

— Что же вы думаете? — спросил я.

Мистер Мек-Глю, однако, не позволил мне торопить его.

— Пойдите, — сказал он. — Теперь надо испробовать нерациональное объяснение. Быть может, оно скорее подойдет к

вашему настоящему настроению, чем другое. Теперь мы скажем, что вы действительно видели дух (или двойник) живого существа. Очень хорошо. Если вы способны представить себе появление бестелесного духа в земном одеянии, положим, шелковом или шерстяном, как случится, небольшого усилия будет стоить, чтобы предположить, что этот дух может держать в руках земной карандаш и писать земными словами в земном альбоме для рисунков. Когда призрак исчезает (что было с вашим призраком), то логика сверхъестественного, по-видимому, требует, чтобы его письмо последовало этому примеру и также исчезло. А причина такого исчезновения (если вам нужна причина) может заключаться или в том, что привидение не желает посвящать в свои тайны человека постороннего, как я, например, или в том, что исчезать свойственно призракам и всему связанному с ними, или, наконец, в том, что привидение передумало за эти три часа (меня несколько это не удивило бы в призраке женщины) и не желает больше видеться с вами, «когда взойдет полный месяц над источником Святого Антония». Вот вам нерациональное объяснение. О себе я должен сказать, что не ставлю ни во что и это объяснение.

Заметное равнодушие доктора к обеим сторонам вопроса начинало раздражать меня.

— Попросту сказать, доктор, — заметил я, — вы не считали этого обстоятельства стоящим серьезного исследования.

— Я не думаю, чтобы серьезное исследование можно было применить к нему, — возразил доктор. — Допустив это, вы будете правы. Осмотритесь вокруг. Вот мы сидим здесь трое за уютным столом, живые и бодрые. Если бы (чего Боже сохрани!) добрая мистрис Джермень или вы сами вдруг упали мертвыми, я, хотя и доктор, не больше мог бы объяснить, какого рода основное начало жизни и движения внезапно погасло в вас, чем собака, которая лежит там на ковре у камина. Когда я спокойно пребываю в невежестве относительно этой непроницаемой тайны, представляющейся мне день за днем каждый раз, когда я присутствую при появлении на свет живого существа или при отходе его из этого мира, почему бы мне не оставаться спокойным относительно вашей дамы в беседе и не сказать, что она свыше моего понимания, и баста!

Тут матушка вмешалась в разговор.

— Ах, доктор! — сказала она. — Если бы вы только могли убедить моего сына взглянуть на этот вопрос так же рассудительно, как вы, я была бы очень счастлива. Представьте себе, от твердо вознамерился (если отыщет это место) ехать к источнику Святого Антония.

Даже это сообщение нисколько, не удивило доктора Мек-Глю.

— Вот что. Он намерен явиться на свидание, назначенное ему привидением? Да, да я могу оказать ему услугу, если он останется при своем намерении. Я расскажу ему про другого человека, который также послушался указания, написанного призраком, расскажу и то, что вышло из этого.

Такое заявление могло поразить. Неужели он говорил не шутя?

— Вы говорите искренно или шутите? — спросил я его.

— Я никогда не шучу, сударь, — возразил Мек-Глю. — Ни один больной не будет иметь веры в доктора, способного шутить. Укажите-ка мне хорошего доктора, которого самые близкие друзья когда-либо видели в шутливом расположении духа (на практике). Вы, пожалуй, дивились моему хладнокровию, когда рассказывали мне вашу странную историю. Однако это естественно, сэр. Не вы первый рассказываете мне историю о призраке и карандаше.

— Разве вы хотите сказать, что слышали о другом, кто видел то же, что видел я?

— Именно это и хочу сказать, — возразил доктор. — Тот человек был шотландец, дальний родственник моей покойной жены. Он носил благородное имя Брюс и вел образ жизни моряка. Позвольте, я сперва выпью рюмку хереса, чтобы промочить горло, как говорится в простонародье. Итак, доложу вам, Брюс был подшкипер на трехмачтовом корабле, шедшем из Ливерпуля в Новый Брауншвейг. Однажды они со шкипером, в полдень, определив по солнцу точку, где находилось судно, усердно выводили на своих досках вычисления долготы и широты. Сидя у себя в каюте, Брюс случайно взглянул в отвернутую дверь каюты шкипера, которая была напротив.

— Как выходит у вас, сэр? — спросил Брюс. — Человек, сидевший в каюте шкипера, поднял голову. И что же увидел Брюс? Лицо шкипера? Черта с два, — лицо совершенно ему незнакомое! Мой Брюс соскочил со стула, а сердце у него так и колотится, летит он отыскивать шкипера на верхней палубе. Шкипер оказался там, ни дать

ни взять, как и прежде всегда бывал, когда после вычислений отбрасывал на тот день заботу о долготе и широте.

— Кто-то сидит у вашей конторки, сэр, — говорит ему Брюс. — Он пишет на вашей доске, и мне совсем незнаком.

— Незнакомец в моей каюте? — спрашивает шкипер. — Помилуйте, Брюс, мы вышли из гавани шесть недель назад. Как он мог попасть на корабль? — Брюс не в состоянии объяснить этого, но упорно стоит на своем. Шкипер бежит вниз, как вихрь врывается в свою каюту и не находит там никого. Сам Брюс должен был сознаться, что каюта несомненно пуста.

— Если бы я не знал, что вы не пьете, — говорит капитан, — то подумал бы, что вы пьяны. Теперь я обвиню вас только в том, что вы вздремнули. Не повторяйте этого, Брюс. — Брюс настаивает на своем, он клянется, что видел человека, который писал на аспидной доске шкипера. Тот берет доску и смотрит на нее.

— Господи помилуй и спаси нас! — восклицает он, — тут действительно написано. — Брюс в свою очередь смотрит на доску и видит так ясно, как только можно видеть, написанные слова: «Правь на сев-воет». И больше ничего. Ах! Мистер Джермень, пересыхает в горле, когда рассказываешь. С вашего позволения, я выпью еще капельку хереса. Вот это хорошо! (Славное старое вино, посмотрите, как маслянистые капли стекают по краям рюмки на дно). Надо вам заметить, что направить курс корабля к северо-востоку значило уклониться от пути. Ну-с, капитан решил, долго не думая, так как не находил на корабле разгадки тайны и погода стояла хорошая, переменить курс, пока еще не стемнело, и посмотреть, что из этого выйдет. Вышла ледяная глыба, которая показалась часу в четвертом, к ней примерз врезавшийся в нее разбитый корабль, пассажиры и экипаж почти до смерти были измучены и окоченели от стужи. Это удивительно, скажете вы, но далее становится еще удивительнее. Подшкипер помогал одному из спасенных пассажиров подняться на борт корабля. Как бы вы думали, кто это был? Тот самый человек, которого призрачное явление представило Брюсу в каюте шкипера пишущим на его доске! Более того, если ваша способность изумляться еще не истощилась вконец, пассажир узнал корабль как то самое судно, которое ему приснилось в полдень. Он даже говорил о нем кому-то из офицеров на разбитом корабле, когда проснулся.

— Нас спасут сегодня, — сказал он и в точности описал вооружение трехмачтового судна задолго до того, когда оно показалось. Теперь вы знаете, мистер Джермень, как дальний родственник моей жены, пошел по зову привидения и что вышло из этого <Рассказ доктора не вымысел. Он описан со всеми подробностями и подкреплён именами и числами в занимательном произведении Роберта Деля Овена «Шаги на границе иного мира». Автор рад представившемуся случаю выразить мистеру Овену признательность за его замечательную книгу.>.

Закончив этими словами свой рассказ, доктор выпил еще рюмку хереса. Однако я не удовлетворился, я хотел знать больше.

— А написанное на доске, — спросил я, — осталось оно или исчезло подобно словам в моем альбоме?

Ответ доктора Мек-Глю обманул мое ожидание. Он никогда не интересовался и никогда не слышал, сохранилось ли написанное на доске, или нет. Он сказал мне все, что ему известно, прибавил он только одно еще нечто в виде замечания с поучительным наставлением:

— Между вашей историей, мистер Джермень, и Брюсовой сходство удивительное. Главное различие, насколько я могу судить, состоит в следующем. Там указание призрака спасло всех людей, находившихся на корабле. Признаться, я сомневаюсь, послужит ли приглашение дамы к вашему спасению.

Я молча обдумывал странный рассказ, который только что слышал. Другой видел то же, что я, сделал то же, что я был намерен сделать! Матушка заметила с большим неудовольствием, какое сильное впечатление произвел на меня мистер Мек-Глю.

— Я жалею, доктор, что вы не оставили вашей истории при себе, — сказала она резко.

— Позвольте узнать, почему, сударыня?

— Вы утвердили моего сына в намерении ехать к источнику Святого Антония.

Мек-Глю хладнокровно заглянул в свой карманный календарь, прежде чем ответил.

— Полнолуние наступает с девятого числа, — сказал он. — Таким образом, мистер Джермень отдохнет несколько дней до отъезда. Если он отправится в своем собственном покойном экипаже, то, каково бы

ни было мое мнение о его поездке в нравственном отношении, как врач, я нахожу, что она не причинит ему вреда.

— Знаете вы, где источник Святого Антония? — вмешался я.

— Это знает каждый, кто мало-мальски знаком с Эдинбургом.

— Стало быть, он в Эдинбурге?

— На самой окраине города.., так сказать, смотрит на него с высоты. Пройдите всю старую Канонгетскую улицу до конца. Поверните направо и ступайте мимо знаменитого Холирудского дворца, через парк и аллею поднимитесь к развалинам часовни Святого Антония, на склоне горы, и тут он как раз. За часовней громадный камень, у его подножия бьет источник Святого Антония. Вид красив при лунном свете, и я слышал, что там уже не водятся мошенники, как в былое время.

Матушка, очевидно, все больше и больше недовольная, встала, чтобы пройти в гостиную.

— Признаться, я не ожидала этого от вас, — сказала она доктору. — Никогда бы я не поверила, что вы способны поддерживать моего сына в его сумасбродстве.

— Прошу извинения, сударыня, ваш сын не нуждается ни в какой поддержке, я вижу ясно, что его решение принято. Какая в том польза, если я буду стараться отговорить его от задуманного? Он не слушает вашего совета, любезная мистрис Джермень, могу ли я надеяться, чтобы он послушал мой?

Мек-Глю заключил свой ловкий комплимент наипочтительнейшим поклоном и распахнул перед матушкой дверь.

Когда мы с доктором остались с глазу на глаз, выпить стакан вина, я спросил его, скоро ли мне можно отправиться в Эдинбург без вреда для здоровья.

— Выделите два дня на дорогу и поезжайте, если непременно хотите, в начале будущей недели. Одно прошу вас помнить, — прибавил осторожный доктор, — я умываю руки от всяких последствий относительно дамы, которая тут замешана, хотя очень сильно хочу узнать, что из вашей поездки выйдет.

Глава X

ИСТОЧНИК СВЯТОГО АНТОНИЯ

Я стоял на скалистом возвышении против часовни Святого Антония и смотрел на великолепный вид Эдинбурга и старого Голирудского дворца, залитых светом полной луны.

Источник, как сообщил мне доктор, находился над развалинами. Я остановился перед ними на минуту, отчасти чтобы перевести дух после подъема на гору, отчасти, признаться, чтобы побороть нервное волнение, овладевшее мной в эти минуты. Женщина или призрак женщины, могло быть и то и другое, возможно, находилась в нескольких ярдах от того места, где был я.

Ни одного живого существа не показывалось у развалин. Ни одного звука не доносилось до моих ушей с какой бы ни было части пустынной горы. Я силился сосредоточить все внимание на красотах окрестностей, озаренных луной. И думать нечего! Мысли мои были далеки от предметов, на которых останавливались глаза. Их занимала женщина, виденная мною в беседке и писавшая в моем альбоме.

Я повернул в сторону, чтобы обойти вокруг часовни. Сделав несколько шагов по неровной почве, я очутился вблизи источника и большого камня, или скалы, у подножия которого вода струилась блестящей лентой при лунном сиянии.

Она была там.

Я узнал ее фигуру, когда она стояла, прислонившись к скале, скрестив руки и погруженная в задумчивость. Я узнал ее лицо, когда она быстро подняла голову, испуганная звуком моих шагов, гулких среди глубокой ночной тишины.

Она ли это, или только ее призрак? Я ждал.., глядя на нее молча.

Она заговорила. Голос ее не имел того таинственного звука, который раздавался в беседке... Это был тот же голос, который я слышал на мосту, когда мы встретились в первый раз в смутном полусвете вечерних сумерек.

— Кто вы? Что вам надо?

Слова эти едва сорвались с ее губ, как она узнала меня.

— Вы здесь! — продолжала она, сделав шаг вперед в порыве неудержимого изумления. — Что это значит?

— Вы мне назначили здесь свидание, — ответил я.

Она отступила назад и прислонилась к скале. Лучи месяца ударяли ей прямо в лицо. Она глядела на меня во все глаза, в них отражались страх и вместе изумление.

— Я не понимаю вас, — сказала она, — мы не виделись после встречи на мосту.

— Извините, я видел вас или ваш призрак, — возразил я. — Я слышал, как вы говорили. Я видел, как вы писали.

Она посмотрела на меня со странным выражением негодования и любопытства.

— Что я говорила? — спросила она. — Что я писала?

— Вы, сказали: «Помни меня! Приди ко мне». Вы написали: «Когда полный месяц взойдет над источником Святого Антония».

— Где? — вскричала она. — Где я сделала это?

— В беседке возле водопада, — ответил я. — Знакомо вам это место?

Голова ее опустилась на грудь. Тихий крик ужаса сорвался с губ. Рука, на которую она опиралась, соскользнула бессильно. Я бросился к ней в страхе, чтобы она сама не упала на камни.

Она вдруг собралась с силами.

— Не трогайте меня! — воскликнула она. — Отойдите, сэр! Вы пугаете меня!

Я старался успокоить ее.

— Отчего я пугаю вас? Ведь вы знаете, кто я. Можете ли вы сомневаться в моем участии после того, как я стал виновником спасения вашей жизни?

Ее холодность исчезла мгновенно. Она подошла ко мне без малейшего колебания и взяла меня за руку.

— Мне надо благодарить вас, — сказала она, — и я благодарю. Я не так неблагодарна, как кажусь. Я не дурная женщина, сэр., я обезумела от горя, когда хотела утонуть. Не подозревайте меня! Не презирайте меня!

Она остановилась., я увидел слезы на ее щеках. С внезапным презрением к себе она быстро отерла их. Ее обращение и тон вдруг

изменились опять. Холодность вернулась. Она посмотрела на меня подозрительно и с вызовом в глазах.

— Знайте одно! — сказала она громко и резко. — Вам снилось, когда вы воображали, что видели меня, вы никогда не слышали меня. Разве могла я сказать человеку незнакомому такие дружеские слова? Все одна ваша фантазия.., и вы хотите напугать меня, говоря, как будто это действительно было.

Опять в ней произошла перемена, глаза ее приняли нежное и грустное выражение, которое придавало им неодолимое очарование. Она плотнее закуталась в плащ, вздрогнув, как будто почувствовала ночной холод.

— Что со мной? — прошептала она про себя, однако, я услышал. — Отчего я верю этому человеку во сне? Отчего я стыжусь моего доверия наяву?

Ее странное восклицание ободрило меня. Я рискнул, сказать ей, что подслушал ее последние слова.

— Если вы верите мне во сне, то оказываете только справедливость. Будьте справедливы ко мне и теперь, окажите доверие. Вы одни.., в горе.., вам нужна помощь друга. Я жду, чтобы вы дали мне возможность помочь вам.

Она колебалась. Я попробовал взять ее руку. Странное создание отдернуло ее, вскрикнув от испуга, по-видимому, она страшно боялась, чтобы я прикоснулся к ней.

— Дайте мне время подумать, — сказала она. — Вы не знаете, что я все должна принимать в соображение. Дайте мне сроку до завтра и позвольте написать вам. Вы живете в Эдинбурге?

Я нашел, что мне благоразумнее будет довольствоваться, по крайней мере, наружно, этой уступкой. Я вынул свою визитную карточку и написал на ней карандашом адрес той гостиницы, где я остановился. Она прочла мою карточку при лунном свете, когда взяла ее в руки.

— Джордж, — повторила она про себя, украдкой взглянув мне в лицо в то время, как произносила мое имя, — Джордж Джермены Я никогда не слышала фамилии Джермены Но имя Джордж напоминает мне доброе старое время.

Она грустно улыбнулась мимолетной мысли или воспоминанию, в котором мне места уделено не было.

— Нет ничего удивительного собственно в том, что вас зовут Джордж, — продолжала она немного погодя. — Имя это очень обыкновенно..., оно встречается повсюду. А все же... Глаза ее досказали мне остальное: «Я меньше боюсь вас теперь, когда узнала, что ваше имя Джордж».

Так она бессознательно привела к тому, что мы оказались буквально от открытия на волосок.

Спроси я только, какие воспоминания она связывала с моим именем, убеди я ее рассказать мне о своей прошлой жизни в самых кратких и сдержанных словах, преграда, воздвигнутая между нами переменной фамилии и временным пространством в десять лет, рухнула бы разом, мы непременно узнали бы друг друга. Но я не подумал ни о чем подобном. И причина тому простая — я влюбился. У меня была на уме одна чисто эгоистичная мысль заслужить ее благосклонное внимание, немедленно воспользовавшись преимуществом, которое мне давало вновь вызванное ко мне участие.

— Не откладывайте, чтобы писать, — возразил я. — Не откладывайте до завтра. Как знать, что принесет следующий день? Ведь заслуживаю же я хоть какого-нибудь ответа на мое сочувствие к вам! Я требую немногого. Осчастливьте меня, прежде чем мы разойдемся сегодня, дав мне возможность оказать вам услугу.

Я взял ее руку, на этот раз так, что она не успела заметить этого заранее. Она как будто всем существом поддалась моему прикосновению. Ее рука лежала без сопротивления в моей руке, ее очаровательный стан постепенно придвигался ко мне все ближе и ближе, голова ее почти касалась моего плеча. Она шептала едва слышно, между вздохами:

— Не пользуйтесь вашим преимуществом. Я так одинока, я совершенно в вашей власти.

Я не успел ответить, не успел пошевелиться, как рука ее сжала мою руку, ее голова упала на мое плечо, она залилась слезами.

Только закоснелый подлец не уважил бы ее горя. Я взял ее под руку и тихо повел мимо развалин вниз с горы.

— Это пустынное место наводит на вас страх, — сказал я. — Пройдемте немного, вы скоро оправитесь.

Она улыбнулась сквозь слезы, как ребенок.

— Хорошо, — ответила она с живостью, — только не в эту сторону.

Случайно я пошел по направлению, которое удаляло нас от города. Она попросила меня повернуть к домам и улицам. Мы пошли обратно к Эдинбургу. Она рассматривала меня, пока мы шли в лунном свете, невинным, изумленным взглядом.

— Какое непонятное влияние вы производите на меня! — воскликнула она. — Видели вы меня когда-нибудь.., слышали вы мое имя.., до того вечера, когда мы встретились у реки?

— Никогда!

— И я никогда не слышала вашей фамилии и никогда не видела вас до этого. Странно! Очень странно! Ах! Я помню одну старушку.., только она могла бы объяснить это. Где мне найти теперь подобную ей?

Она глубоко вздохнула. Очевидно, она любила умершую родственницу или добрую знакомую.

— Вы говорите про родственницу? — спросил я, скорее для поддержания разговора, чем интересуясь каким-либо членом из ее семейства, кроме нее самой.

Опять мы были на волосок от того, чтобы все раскрылось. И снова нам было суждено не пойти дальше!

— Не говорите мне про моих родных! — вскричала она. — Я не смею вспомнить про тех, кого не стало, в моем настоящем горе. Если я заговорю про былое время под родным кровом, я только снова зарыдаю и приведу вас в смущение. Говорите о чем-нибудь другом, говорите о другом!

Тайна появления призрака в беседке еще не объяснилась. Я воспользовался случаем, чтобы приступить к этому предмету.

— Вы упомянули с минуту назад, что я снился вам, — начал я. — Расскажите мне ваш сон.

— Я не уверена, сон ли это был, или что-нибудь другое, — ответила она. — Я называю сном, не находя лучшего выражения.

— Ночью привиделся он вам?

— Нет, днем.., после полудня.

— Поздно?

— Да, пред вечером.

Я вспомнил рассказ доктора о пассажире на разбитом судне, двойник которого призрачный явился на корабле, предназначенном спасти его, тогда как сам он видел этот корабль во сне.

— Помните вы число и час? — спросил я.

Она назвала число и сказала час. Это был тот самый день, когда мы с матушкой ездили к водопаду. Час был именно тот, когда я видел в беседке призрак, писавший в моем альбоме!

Я остановился, пораженный изумлением. Между тем мы уже прошли назад к городу до Голирудского дворца. Моя спутница, взглянув сперва на меня, повернулась и стала смотреть на угловатое старое здание, залитое мягким, тихим, пленительным светом луны.

— Это моя любимая прогулка с тех пор, как я в Эдинбурге, — сказала она просто. — Я не боюсь безлюдья.., мне нравится абсолютная тишина, которая царствует здесь ночью.

Она опять взглянула на меня.

— Что с вами? — спросила она. — Вы ничего не говорите и только смотрите на меня.

— Мне хотелось бы узнать больше о вашем сне, — ответил я. — Как вы могли спать днем?

— Нелегко рассказать, что я делала, — возразила она, между тем как мы пошли дальше. — Я была страшно расстроена и больна.., в этот день я чувствовала особенно глубоко мое беспомощное положение. Было время обеда, как теперь помню, мне есть не хотелось. Я пошла наверх (в гостинице, где остановилась) и бросилась на постель в совершенном изнеможении. Не знаю, лишилась я чувств или заснула, я потеряла всякое представление о том, что происходило вокруг меня; но вместо того во мне пробудилось другое чувство. Если это был сон, то я могу только сказать, что это был самый живой сон, какой мне доводилось видеть за всю мою жизнь.

— Он с того начался, что вы увидели меня? — осведомился я.

— Нет, он начался с того, что я увидела ваш альбом, он лежал раскрытый на столе в беседке.

— Можете вы описать беседку такой, как она вам приснилась?

Она описала не только беседку, но и самый вид с порога двери на водопад. Она знала величину, знала переплет моего альбома.., который находился в эту минуту в моем доме в Пертшире, под ключом в конторке!

— И вы писали в альбоме? — продолжал я расспрашивать. — Помните вы, что написали?

Она отвернулась в смущении, как будто стыдилась припоминать эту часть своего сна.

— Вы же говорили, — возразила она, — к чему мне повторять слова? Скажите мне вот что. Когда вы были в беседке, остановились вы у порога перед тем, как войти?

Я действительно остановился в изумлении при первом взгляде на женщину, которая писала в моем альбоме. Ответив ей на этот вопрос, я со своей стороны спросил, что она сделала во сне после того, как я вошел в беседку.

— Я поступила самым странным образом, — тихо сказала она тоном изумления. — С братом я не могла бы обойтись дружественнее. Я знаком подозвала вас..., даже руку положила вам на грудь. Я говорила с вами, как со старым и дорогим другом. Я сказала: "Помни меня. Приди ко мне!" О! Как я, стыдилась самой себя, когда очнулась и припомнила все это. Слыханное ли дело такая фамильярность, даже во сне, между женщиной и мужчиной, которого она видела только раз, и то как человека совершенно постороннего?

— Заметили вы, — спросил я, — сколько прошло времени с той минуты, когда вы легли, до той, когда проснулись?

— Кажется, я могу определить это, — ответила она. — Было время обеда в гостинице (как я сейчас говорила), когда я пошла наверх прилечь. Вскоре после того, как я очнулась, пробили часы. Я посчитала время, и оказалось, что добрых три часа прошло с тех пор, как я легла.

В этом ли заключалась разгадка таинственного исчезновения написанных слов?

Оглядываясь назад в свете позднейших открытий, я склонен думать, что тем и следует объяснять его. По прошествии трех часов строки, написанные призраком, исчезли. По прошествии трех часов она пришла в себя и стыдилась своей близости со мной во сне. Пока она доверилась мне в состоянии, подобном каталепсии <Каталепсия — медицинское оцепенение, застывание всего тела или конечностей в каком-либо положении, сопровождаемое потерей способности к произвольным движениям; наблюдается при сильном психическом потрясении, гипнозе, летаргии, истерии, некоторых формах

шизофрении и др.>, — доверилась потому, что ее дух, освобожденный от телесных оков, узнавал мой дух, слова оставались на бумаге. Когда же ее воля наяву стала противодействовать влиянию ее воли во сне, слова исчезли. Это ли настоящее объяснение? А если нет, то где искать его?

Мы дошли до той части Канонгетской улицы, где она жила. Мы остановились у двери.

Глава XI

РЕКОМЕНДАТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО

Я взглянул на дом. Это была гостиница, небольшая, но, по-видимому, приличная. Если мне суждено оказать ей услугу в эту ночь, то пора было завести речь о чем-то другом, кроме снов.

— После всего, что вы сказали, — начал я, — не смею просить вас о большем доверии до следующего свидания. Только позвольте мне узнать одно — как я могу облегчить самые гнетущие ваши заботы в настоящее время? Нельзя ли мне помочь вам чем-нибудь, прежде чем мы разойдемся на ночь?

Она горячо поблагодарила меня и заколебалась, взглянула в один конец улицы, потом в другой и, очевидно, не знала, что сказать.

— Вы намерены остаться в Эдинбурге? — спросил я.

— О! Нет, я не хочу оставаться в Шотландии. Мне надо уехать дальше.., я думаю, мне лучше быть в Лондоне, в каком-нибудь хорошем модном магазине, если бы меня порекомендовали. Я шью быстро и кроить умею. И расчеты я могу вести, если бы кто оказал мне доверие...

* * *

Она вдруг остановилась и посмотрела на меня в недоумении, точно она сомневалась, бедняжка, в моем доверии для первого знакомства! С опрометчивостью человека влюбленного, я тотчас ухватился за этот намек.

— Я могу дать вам именно такую рекомендацию, какую вы желаете, — сказал я. — В любое время. Сейчас, если вы захотите это.

Ее пленительное лицо просияло от удовольствия.

— О, вы мне действительно друг! — воскликнула она горячо.

Но выражение ее лица внезапно омрачилось — она взглянула на мое предложение в ином свете.

— Имею ли я право, — печально спросила она, — принять ваше предложение?

— Позвольте мне дать вам письмо, — возразил я, — а вы решите потом сами, воспользоваться вам им или нет.

Я взял ее опять под руку и вошел в гостиницу.

Она отступила в испуге. Что подумает хозяйка, если увидит свою жилищу, возвращающуюся ночью в обществе незнакомого мужчины? Хозяйка появилась в ту самую минуту, когда она высказывала мне это возражение. Очертя голову, я отрекомендовался в качестве ее родственника и попросил провести меня в отдельную комнату, где я мог бы написать письмо. Бросив на меня проницательный взор, хозяйка, по-видимому, удостоверилась, что я человек порядочный. Она провела меня в комнатку вроде гостиной, с конторкой, положила предо мной письменные принадлежности, посмотрела на мою спутницу так, как только женщина может глядеть на другую женщину при известных обстоятельствах, и оставила нас одних.

В первый раз я был с ней в комнате и наедине. Затруднительное положение заставило ее раскраснеться и придало ее глазам особенный блеск. Она стояла, опираясь рукой на стол, смущенная и недоумевающая. Ее стройный и гибкий стан естественно принял позу, любоваться которой буквально было величайшим наслаждением. Письменные принадлежности остались лежать предо мной нетронутые на столе. Не могу сказать, долго ли длилось молчание. Она вдруг прервала его. Внутреннее чувство подсказало ей, что это молчание является опасным в нашем положении. Она переборолась и обратилась ко мне со словами:

— Не думаю, чтобы вам следовало писать ваше письмо теперь.

— Почему?

— Вы ничего обо мне не знаете. Вы не должны рекомендовать особу, совершенно вам неизвестную. А я еще хуже, чем неизвестная. Я несчастная нечестивица, которая пыталась совершить смертный грех — наложить на себя руки. Быть может, горе, постигшее меня, послужит мне некоторым оправданием в ваших глазах, когда вы услышите о нем. Но вам надо рассказать о нем. Сегодня поздно говорить об этом, к тому же я очень утомилась..., и, наконец, есть вещи, о которых женщине чрезвычайно трудно говорить в присутствии мужчины.

Она опустила голову на грудь, ее изящные губы слегка задрожали, она не прибавила ни слова. Средство успокоить и утешить ее

представлялось мне очень ясно и естественно, если я только захочу им воспользоваться. Я прибегнул к нему, не давая себе времени на размышление.

Напомнив ей, что она сама в начале нашего свидания вызвалась написать мне, я предложил, чтобы она отложила грустный рассказ о своих печалях до времени, когда найдет удобным прислать мне его в виде письма.

— Между тем, — прибавил я, — имея к вам полнейшее доверие, я прошу позволения доказать его на деле. Я могу рекомендовать вас модистке в Лондоне, у которой большое заведение.., и сделаю это прежде, чем расстанусь с вами сегодня.

С этими словами я обмакнул перо в чернила.

Модистка, о которой я говорил, была некогда горничной у матушки и основала свой магазин на деньги, данные ей займы моим отчимом. Без всякого зазрения совести я пустил в ход и его имя, и матушки и рекомендацию мою написал в таких выражениях, что самая искусная из модисток, существующих на земле, и самая превосходная женщина на свете не могла бы надеяться заслужить подобную. Найдет ли кто-нибудь для меня извинение? Те немногие лица, которые были влюблены и не забыли еще этого, пожалуй, отнесутся ко мне снисходительно. Все равно, я не стою их снисхождения.

Я подал ей прочесть несложное письмо.

Она очаровательно покраснела.., и на меня бросила нежный, признательный взгляд, который остался у меня в памяти надолго. Вдруг, к изумлению моему, эта переменчивая особа опять поддалась другому настроению. Она как будто вспомнила что-то. Бледность покрыла ее лицо, мягкие линии, приданные ее чертам удовольствием от прочитанного, становились мало-помалу резче, она поглядела на меня с самым печальным видом, смущенная и страдающая. Положив мое письмо назад на стол, она сказала робко:

— Не потрудитесь ли вы прибавить несколько строк?

Я скрыл свое изумление и снова взялся за перо.

— Пожалуйста, припишите, — продолжала она, — чтобы меня сначала взяли на испытание. Я не могу принять обязательства на срок свыше... (ее голос становился все тише и тише, так что я с трудом расслышал последние слова) трех месяцев, чтобы не изменить ему.

Не свойственно было бы человеческой натуре, вернее сказать, человеку в моем положении, воздержаться от выражения любопытства, когда его просили приписать такой постскрипту к рекомендательному письму.

— Разве у вас есть в виду другое занятие? — осведомился я.

— Никакого, — ответила она, не поднимая головы, и глаза ее избегали моего взора.

Недостойное сомнение в ней, низкое порождение ревности, прокралось мне в душу.

— Может быть, у вас есть отсутствующий друг, — продолжал я, — который должен оказаться лучшим другом, чем я, только бы представить ему время приехать?

Она подняла голову. Ее большие, невинные серые глаза остановились на мне с терпеливым укором.

— У меня нет ни одного друга на свете, — сказала она. — Ради Бога, не спрашивайте меня больше сегодня!

Я встал и снова подал ей письмо с требуемой припиской в ее собственных выражениях.

Мы стояли у стола и глядели друг на друга во время минутного молчания.

— Как мне благодарить вас? — прошептала она. — Поверьте, я окажусь достойной вашего доверия.

Ее глаза стали влажными, легкий румянец то появлялся, то исчезал, платье слегка поднималось от порывистого дыхания. Не думаю, чтобы нашелся человек, который был бы способен устоять в эту минуту против ее очарования. Я лишился всякого самообладания. Я обнял ее и прошептал:

— Я люблю вас!

Я страстно поцеловал ее. С минуту она прижалась бессильная и дрожащая к моей груди, даже ее свежие губы слегка ответили на мой поцелуй. Еще минута — и все было бы кончено. Она вырвалась из моих объятий с гневом, который сотряс все ее тело, и в порыве негодования бросила письмо к моим ногам.

— Как вы смеете злоупотреблять моим доверием? Как вы смеете касаться меня! — вскричала она. — Берите назад ваше письмо.., я не хочу принимать его от вас; вы никогда не услышите от меня ни слова более. Вы не знаете, что вы наделали, вы не знаете, как глубоко

уязвили меня. О! — воскликнула она, бросаясь в отчаянии на диван. — Буду ли я когда-нибудь в состоянии уважать себя по-прежнему? Прощу ли я себе когда-нибудь то, что сделала сегодня вечером?

Я умолял ее простить меня, я уверял ее в моем раскаянии и сожалении в словах, которые действительно исходили прямо из сердца. Ее глубокое волнение даже пугало меня, больше того, огорчало.

— Вы дадите мне время искупить мою вину? — умолял я. — Вы не потеряете ко мне всякого доверия? Хотя бы только для того, чтобы доказать, что я не совсем недостоин вашего прощения, позвольте мне видеться с вами, когда вы сами пожелаете, в присутствии третьего лица, если сочтете необходимым.

— Я напишу к вам, — сказала она.

— Завтра?

— Завтра.

Я поднял с пола рекомендательное письмо.

— Проявите снова вашу доброту ко мне, — сказал я. — Не оскорбляйте меня отказом принять мое письмо.

— Я возьму, — ответила она спокойно. — Благодарю вас. Но теперь уйдите, пожалуйста. Доброй ночи!

Я оставил ее бледную, грустную, с моим письмом в руках. Я ушел от нее волнуемый самыми разнородными впечатлениями, которые постепенно перешли в два преобладающих чувства: любовь, пламеннее прежней, и надежду увидеть ее опять на следующий день.

Глава XII

ИСПЫТАНИЯ МИСТРИС ВАН-БРАНДТ

Человек, который так провел вечер, как я, волен лечь спать, если ему нечего делать. Но он отнюдь не может разумно рассчитывать на сон. Было утро, и в гостинице зашевелились, когда я наконец заснул. Проснувшись, я увидел, что уже скоро полдень на моих часах.

Я позвонил. Вошел мой слуга с письмом в руках. Дама, приехавшая в карете, оставила его часа три назад. Я спал, когда он входил ко мне, между тем накануне он не получал приказа будить меня и потому оставил письмо в гостиной на столе, пока не услышал моего звонка.

Угадав тотчас, кто моя корреспондентка, я распечатал письмо. Что-то вложенное в конверт выпало, но я не обратил внимания. Все мои мысли были сосредоточены на самом письме. Я прочел с нетерпением первые строки. Они содержали сообщение, что написавшая их ускользнула от меня вторично. Она уехала из Эдинбурга рано поутру. Листок, вложенный в конверт, оказался моим рекомендательным письмом к модистке, которое мне возвращали.

Мало того, что я негодовал на нее, ее вторичное бегство я счел просто личным оскорблением. В пять минут я был одет и на пути к гостинице на Канонгетской улице мчался в коляске со всей скоростью лошадиного бега.

Прислуга не могла сообщить мне никаких сведений. Мистрис Ван-Брандт уехала без ведома слуг.

Хозяйка, к которой я обратился затем, преспокойно отказалась содействовать мне в трудных поисках.

— Я дала слово, — объявила эта упрямая особа, — не отвечать на ваши расспросы о ней. Я нахожу, что она действует, как подобает честной женщине, уклоняясь от всякого дальнейшего общения с вами. Я следила за вашим поведением в замочную скважину вчера вечером, сэр. Желаю вам доброго утра.

Вернувшись в свою гостиницу, я все продумал и не упустил из виду ни одного варианта, чтобы разыскать ее. Я разыскал извозчика, который вез ее. Он высадил ее у лавки и был отпущен. Я обратился с

расспросами к купцу, хозяину лавки. Он вспомнил, что продал какие-то полотняные вещи даме в шляпе с опущенной вуалью и саквояжем в руках, но больше ничего не знал. Я разослал описания ее внешности по всем конторам дилижансов. Три «изящные молодые дамы с опущенной вуалью и саквояжем в руках» соответствовали моему описанию, но как определить, которая из трех беглянок именно она? Если бы тогда существовали железные дороги и электрические телеграфы, мне еще, пожалуй, посчастливилось бы напасть на ее след. Но в то время, к которому относится мой настоящий рассказ, она могла положить преграду всем моим поискам.

Я читал и перечитывал ее письмо, все еще надеясь, что я подмечу вырвавшееся из-под пера выражение, которое Даст мне ключ к разгадке. Вот это письмо от слова до слова:

"Любезный сэръ!

Простите, что я опять уезжаю от вас, как уехала в Перт. После того, что произошло вчера вечером, я могу только, зная собственную слабость и власть, которую вы, по-видимому, имеете надо мной, горячо поблагодарить вас за вашу доброту и проститься с вами. Мое печальное положение должно служить мне извинением в том, что я расстаюсь с вами так неучтиво, что решаюсь вернуть вам рекомендательное письмо. Если бы я воспользовалась им, то это представило бы вам средство общения со мной. Этого не должно быть, как для вас, так и для меня. Я не должна предоставлять вам случай признаться мне еще раз в том, что вы любите меня, я должна уехать, не оставив за собой никаких следов, по которым вы могли бы разыскать меня.

Но я не могу забыть, что обязана моей жалкой жизнью вашему состраданию и вашему мужеству. Вы спасли меня, вы имеете право знать, что побудило меня броситься в воду, и в каком положении я нахожусь теперь, когда (благодаря вам) еще жива. Вы узнаете мою печальную историю, сэръ, и я постараюсь рассказать ее как можно короче.

Я вышла замуж, не очень давно, за голландца по имени Ван-Брандт. Прошу извинения, что не вхожу в семейные подробности. Я пробовала описать мой милый утраченный родной кров, говорить о моем дорогом отце, которого не стало. Но слезы навертываются на

глаза, и я не вижу строк, когда возвращаюсь мысленно к счастливому прошлому.

Итак, скажу только, что Ван-Брандт был хорошо отрекомендован моему отцу и наша свадьба состоялась. Теперь я узнала, что рекомендации друзей Брандт получил под другим предлогом, излагать который было бы только напрасно утруждать вас подробностями. Не зная ничего другого о нем, я жила с ним счастливо. Я не могу утверждать по справедливости, чтобы он был предметом моей первой любви, но он один остался у меня после смерти отца. Я уважала его, восхищалась им., и без хвастовства могу сказать, была для него доброй женой.

Так проходило время, сэр, и довольно приятно, когда настал вечер, в который мы встретились с вами у реки.

Я была одна в нашем саду и подстригала кусты, когда горничная прибежала сказать, что какая-то дама, иностранка, приехала в карете и желает говорить с мистрис Ван-Брандт. Я послала девушку вперед, чтобы проводить незнакомку в гостиную, а сама пошла вслед за ней принять посетительницу, как только успею немного приодеться. Гостья внешне была некрасивая женщина с красным, злым лицом и наглыми, блестящими глазами.

— Вы мистрис Ван-Брандт? — спросила она.

— Да я, — последовал мой ответ.

— И вы действительно обвенчаны с ним? — спросила она опять. Вопрос (довольно естественно, кажется) рассердил меня.

— Как вы смеете сомневаться? — вскричала я. Она захохотала мне прямо в лицо.

— Пошлите за Ван-Брандтом, — сказала она. Я вышла на площадку лестницы и позвала мужа, который сидел в комнате наверху и что-то писал.

— Эрнест! — окликнула я его. — Спустись скорее, тут явилась особа, которая оскорбила меня. — Он вышел тотчас, когда услышал мой голос. Незнакомая женщина последовала за мной на площадку, чтобы встретить его. Она низко присела перед ним. Он побледнел как смерть, когда увидел ее. Это перепугало меня.

— Скажите, ради Бога, что это значит? — обратилась я к нему. Он взял меня за руку и ответил:

— Скоро узнаешь. Вернись поработай в сад и не приходи в дом, пока я не пошлю за тобой. — Он имел такой расстроенный вид и так мало походил на себя, что положительно навел на меня страх. Я позволила ему проводить меня в сад. У двери он пожал мне руку и шепнул;

— Сделай для меня то, о чем я тебя прошу, моя возлюбленная. — Я прошла по саду и села на ближайшую скамейку, ожидая, что из всего этого выйдет.

Сколько времени прошло, я не знаю. Мучительное беспокойство возросло во мне до такой степени, что я наконец не смогла выносить этого дольше. Я решилась вернуться в дом.

Я прислушивалась у входа и ничего не слышала. Я подошла к самой двери гостиной, все то же безмолвие. Я собралась с духом и отворила дверь.

Комната была пуста. На столе лежало письмо. Почерк был моего мужа и адресовано на мое имя. Я распечатала его и прочла. Из этого письма я узнала, что брошена, опозорена, несчастна. Женщина со злым лицом и наглым взором была законная жена Ван-Брандта. Она предоставила ему выбор уехать с ней тотчас или подвергнуться суду за двоеженство. Он уехал с ней — уехал и бросил меня.

Вспомните, сэр, что я лишилась и матери, и отца. Я не имела друзей. Я осталась совершенно одна на свете, не было у меня ни души, чтобы утешить меня или что-то посоветовать мне. Заметьте при этом, что, по свойству моего характера, я глубоко чувствую малейшее пренебрежение или оскорбление. Удивитесь ли вы теперь, что мне пришло в голову то, что я сделала вечером на мосту?

Одно прошу принять в соображение. Никогда бы я не покусилась на свою жизнь, если бы могла зарыдать. Слезы не текли. Тупое чувство оцепенения сдавило мне голову и сердце точно тисками. Я пошла прямо к реке. Дорогой я говорила себе вполне хладнокровно: «Там будет конец всему, и чем скорее, тем лучше».

Что случилось после того, вам известно. Я могу перейти к следующему утру — тому утру, когда уехала от вас так неблагодарно из гостиницы на берегу реки.

У меня была одна побудительная причина, чтобы уехать с первым экипажем, каким я могла воспользоваться, — и эта причина

заклучалась в страхе, что Ван-Брандт отыщет меня, если я останусь в Перте.

Письмо, оставленное им на столе, было полно выражений любви и раскаяния, не говоря о том, что он умолял меня простить его гнусный поступок со мной. Он уверял, что будучи еще, так сказать, ребенком, был вовлечен в тайный брак с женщиной распутной. Они давно разошлись по обоюдному согласию. Когда он просил моей руки, то имел веский повод считать ее умершей. Как он был введен в заблуждение относительно этого и как она узнала, что он женился на мне, ему надо еще выяснить. Зная ее бешенный нрав, он уезжает с ней, так как это единственное средство избежать скандала и привлечения к суду. Через день или два он откупится от нее, прибавив определенную сумму к тому содержанию, которое уже предоставлял ей. Освободившись, он вернется ко мне, и мы поедем за границу, чтобы удалиться от возможных неприятностей. Я жена его перед Богом, я единственная женщина, которую он любил, и так далее, и так далее.

Вы теперь видите, сэръ, какой опасности я подвергалась, если бы он нашел меня, если бы я осталась вблизи от вас.

От одной этой мысли мороз продирает меня по коже. Я твердо решила никогда больше не видеться с человеком, который обманул меня так жестоко. И я теперь не изменила своего решения, только в одном случае я соглашусь видеть его: если предварительно вполне удостоверюсь в смерти его жены, чего ожидать нельзя в обозримом будущем. Однако мне надо заканчивать свое письмо и рассказать вам, что я делала по прибытии в Эдинбург.

Кондуктор указал мне на гостиницу в Канонгетской улице, где вы видели меня. Я написала в тот же день к родственникам моего отца, живущим в Глазго, чтобы сообщить им, где я и в каком отчаянном положении нахожусь.

Я получила ответ с первой почтой. Глава семейства и жена его просили меня не ездить к ним в Глазго. Они должны сами быть в Эдинбурге по делу. Я увижу их в самом скором времени.

Они и приехали, как обещали. Они обошлись со мной довольно любезно. Кроме того, они дали мне займы немного денег, когда узнали, как скудно снабжен мой кошелек. Но я все-таки сомневаюсь, чтобы муж или жена принимали во мне горячее участие. Они

советовали, чтобы я обратилась к другим родственникам моего отца, жившим в Англии. Очень может быть, что я несправедлива к ним, однако, мне сдается, что они сильно желали (как говорится) сбить меня с рук.

В тот день, когда я, по отъезду моих родственников, осталась одинокой среди чужих, в тот самый день, сэр, вы и приснились мне или представились в видении, которое я уже описывала. В гостинице я пробыла все это время отчасти потому, что хозяйка была добра ко мне, отчасти потому, что я была совершенно убита своим положением и, право, не знала, куда мне деваться.

В этом-то убийственном настроении вы застали меня во время любимой моей прогулки от Холирудского дворца к источнику Св. Антония. Поверьте мне, ваше доброе участие не было затрачено напрасно на женщину неблагодарную. Найти такого брата или друга, как вы, было бы величайшим счастьем, о каком я могла молить Провидение. Вы сами уничтожили эту надежду тем, что сказали и сделали, когда мы были одни в гостиной. Я вас не виню, боюсь, мое обращение (без моего ведома) могло подать вам повод к этому. Я только жалею, очень, очень жалею, что мне не остается выбора между тем, чтобы уронить свое достоинство или никогда больше не видеться с вами.

Я долго думала и, наконец, решилась повидаться с другими родственниками моего отца, к которым еще не обращалась. Моя единственная надежда теперь состоит в том, что они помогут мне найти способ честно зарабатывать насущный хлеб. Благослови вас Бог, мистер Джермень! Желаю вам счастья от всей глубины души и остаюсь вашей благодарной служгой М. Ван-Брандт.

P. S. Я подписываю мое настоящее имя (или то, которое считала прежде своим), в доказательство моей правдивости от первого слова до последнего. Но впредь я должна, ради безопасности, принять чужое имя. Мне очень хотелось бы вернуться к своей прежней фамилии, когда я была дома счастливой девушкой. Но Ван-Брандт знает ее, и к тому же я (хотя Богу известно, как невинно) опозорила это имя. Прощайте, сэр, благодарю вас еще раз".

Так кончалось письмо.

Прочитав его, я был глубоко разочарован и очень неблагоприятен. Бедная мистрис Ван-Брандт, по моему мнению, оказывалась не права во всем. Во-первых, ей совсем не следовало выходить замуж. Потом, с какой стати она вздумала видаться с Ван-Брандтом, даже если бы законная его жена и умерла? Она не имела права возвращать мне мое рекомендательное письмо, когда я счел возможным изменить его текст по ее прихоти. Она была не права в своем нелепо-жеманном взгляде на мой восторженный поцелуй и любовное объяснение. Не права и в том, что бежала от меня, как будто я негодяй, хуже самого Ван-Брандта. И наконец более всего была она не права, обозначив свое имя, перед фамилией, одной заглавной буквой.

Интересное положение, нечего сказать, страстно любить женщину и не знать даже, каким ласковым именем называть ее в своих мыслях! "М. Ван-Брандт!" Я мог называть ее и Марией, и Маргаритой, и Мартой, и Мабелью, и Магдалиной, и Мери... О нет! Не Мери. Любовь детских лет прошла и забыта, но я обязан уважать это воспоминание.

Если бы моя «Мери» прежних лет еще была жива и я встретился с ней, поступила ли бы она так со мной? Никогда! Даже в мыслях называть эту женщину ее именем значило оскорблять «мою Мери». Да и зачем думать о ней? Зачем мне унижаться, силясь найти в ее письме средство разыскать ее? Чистое безумие пытаться выследить женщину, которая уехала Бог знает куда и сама заявила, что примет чужое имя. Неужели я потерял всякое самоуважение, всякую гордость?

В цвете лет, с прекрасным состоянием, с открытым перед мной светом, где было множество интересных женских лиц и пленительных женских фигур, как следовало мне поступить? Вернуться в свое имение и оплакивать потерю бездушного создания, которое бросило меня по собственному желанию, или послать за курьером и дорожной каретой и весело предать ее забвению среди чужих людей и в чужих краях? В том настроении, в каком я находился, мысль об увеселительной поездке по Европе воспламенила мое воображение. Сперва я поразил людей в гостинице, прекратив всякие дальнейшие розыски скрывшейся мистрис Ван-Брандт, а потом я отпер ящик с письменными принадлежностями и сообщил мои новые планы матери очень откровенно и подробно.

Ответ ее пришел с первой почтой.

К изумлению моему и радости, моя добрая мать положительно одобряла мое решение. Не довольствуясь этим, с энергией, которой я не ожидал от нее, она сама приготовилась к отъезду и была уже на дороге к Эдинбургу, чтобы сопутствовать мне.

«Ты не будешь один, Джордж (писала она), когда я имею достаточно силы и бодрости, чтобы путешествовать с тобой».

Через три дня после того, как я прочел эти строки, наши приготовления были закончены и мы отправились на европейский материк.

Глава XIII

ЕЩЕ НЕ ИЗЛЕЧЕН

Мы посетили Францию, Германию и Италию. Наше отсутствие в Англии продолжалось около двух лет.

Оправдалось ли мое доверие к времени и перемене? Изгладился ли образ мистрис Ван-Брандт из моих мыслей?

Нет! Что бы ни делал (говоря прорицательным языком бабушки Дермоди), все я был на пути к соединению с моим родственным духом. Первые два — три месяца нашего путешествия меня преследовала в моих снах женщина, которая так решительно оставила меня. Видя ее во сне всегда любезной, всегда очаровательной, всегда скромной и нежной, я ждал с пламенной надеждой в душе, что ее призрак представится мне опять наяву., что я опять буду призван на свидание с ней в данном месте и в данный час. Мое ожидание не сбылось: никакого видения мне не являлось.

И сны даже становились реже и менее явственны. Служило ли это признаком, что дни испытания для нее прошли? Не нуждаясь больше в помощи, неужели она забыла того человека, который хотел оказать ей помощь? Разве нам уже не суждено больше увидеться?

"Я не могу называться мужчиной, если не забуду ее теперь!" — повторял я себе.

Однако что я ни говорил, воспоминание о ней все занимало свое прежнее место в моей жизни.

Я осмотрел все чудеса природы и искусства, какие мог увидеть в разных чужих странах. Я жил среди ослепительного блеска лучшего общества в Париже, Риме, Вене. Я проводил долгие часы в беседе с самыми образованными и прелестными женщинами в Европе, однако, тем не менее одинокий образ женщины у источника Святого Антония, с большими серыми глазами, которые так грустно смотрели на меня при расставании, оставался в моем сердце запечатленным неизгладимо.

Противился ли я моей страсти или поддавался ей, я одинаково жаждал увидеть предмет ее. Я делал все, чтобы скрывать это душевное состояние от моей матери. Но ее любящие глаза открыли тайну. Она

видела, что я страдаю, и страдала вместе со мной. Она говорила неоднократно:

— Право, Джордж, путешествие не принесет никакой пользы, давай лучше вернемся домой.

— Нет, посмотрим еще на новые народы и на новые места, — возражал я на это.

Только тогда, когда я увидел, что и здоровье, и силы стали ей изменять от утомительных постоянных переездов, я согласился бросить безнадежные поиски забвения и наконец вернуться на родину.

Я уговорил матушку остановиться для отдыха в моем лондонском доме, прежде чем она отправится на свое любимое местожительство, имение в Пертшире. Разумеется, я остался в Лондоне с ней. Она была теперь единственным звеном, которое привязывало меня к жизни чувством, и благородным, и нежным. Политика, литература, агрономия, обыкновенные занятия человека в моем положении, не имели для меня никакой привлекательности.

Мы прибыли в Лондон, как говорится, «в самый разгар сезона». В числе театральных сенсаций в том году, я говорю о времени, когда балет был еще любимым видом общественных увеселений, была танцовщица, красота и грация которой вызывали всеобщий восторг. Куда бы я ни показывался, меня осаждали вопросами, видел ли я ее. Мое положение в обществе, как человека равнодушного к царствующей богине подмостков, стало наконец просто невыносимо. Убедившись в этом, я принял первое же приглашение в ложу хороших знакомых и (далеко не охотно) сделал то же, что и все другие, — я поехал в оперу.

Первая часть представления только что кончилась, когда мы вошли в театр, а балет еще не начинался. Мои знакомые занялись осмотром партера и лож, отыскивая знакомые лица. Я сел на стул в уголке и ждал, блуждая мыслями далеко от театра и предстоящего балета. Дама, сидевшая ближе всех ко мне (как свойственно дамам вообще), нашла неприятным соседство человека, который молчит. Она вознамерилась заставить меня разговориться.

— Скажите, мистер Джермень, — обратилась она ко мне, — видели вы где-нибудь театр такой полный, как этот сегодня?

Она подала мне с этим словами свою зрительную трубу. Я прошел вперед, чтобы осмотреть публику.

Бесспорно, зрелище представлялось удивительное. Каждое малейшее пространство, каким, по-видимому, можно было воспользоваться, было занято (когда я постепенно обводил зрительной трубой все ярусы, от партера до райка). Поднимая все выше и выше трубу, я наконец достиг уровня галереи. Даже на этом громадном расстоянии превосходные стекла показывали мне лица зрителей, точно они были поблизости. Сперва я осмотрел сидящих в первом ряду в галерее.

Потом, медленно обводя трубой полукруг, образуемый скамьями, я вдруг остановился на самой середине.

Сердце забилось у меня в груди, словно готово было из нее выскочить. Мог ли я не узнать это лицо среди серых лиц вокруг него? Я увидел мистрис Ван-Брандт!

Она сидела впереди, но не одна. Место за ней было занято мужчиной, который по временам наклонялся к ней и говорил с ней. Она слушала его, насколько я мог судить, с видом довольно грустным и утомленным. Кто был тот мужчина? Узнаю я это или нет? Во всяком случае я твердо решил поговорить с мистрис Ван-Брандт.

Занавес поднялся для начала балета. Я извинился, как умел, перед знакомыми и немедленно вышел из ложи.

Бесполезно было пытаться купить место в галерее. Денег моих не взяли. В этой части театра не было даже места стоять.

Мне оставалось одно. Я вернулся на улицу, подождать мистрис Ван-Брандт у дверей галереи, пока кончится представление.

Кто был с ней, этот человек, сидевший за ней и фамильярно разговаривавший с ней через плечо? Пока я ходил взад и вперед перед дверью, этот один вопрос владел моей душой, так что наконец я вышел из терпения. Взяв дамскую зрительную трубу (я выпросил и без всякой совести оставил ее себе), я, единственный из всех этих многочисленных зрителей, повернулся спиной к сцене и приковал свое внимание к галерее.

Он сидел позади меня, по всему видимому, очарованный прелестной танцовщицей. Мистрис Ван-Брандт, напротив, как будто находила мало привлекательности в зрелище, представляемом на сцене. Она смотрела на танцы (насколько я мог заметить) рассеянно и уныло. Когда одобрение выражалось криками и рукоплесканиями, она сидела, относясь совершенно равнодушно к энтузиазму,

господствовавшему в театре. Человек, сидевший позади нее, нетерпеливо хлопнул ее по плечу, словно считал ее способной заснуть на стуле. Фамильярность этого поступка, подтверждавшая мое подозрение, что это Ван-Брандт, так взбесила меня, что я сделал или сказал что-то, заставившее одного из мужчин в ложе шепнуть мне:

— Если вы не можете удержаться, лучше бы вам оставить нас.

Он говорил на правах старого друга. У меня осталось достаточно здравого смысла, чтобы послушаться его совета и вернуться на свое место к двери галереи.

Незадолго до полуночи представление закончилось. Зрители начали выходить из театра.

Я встал в углу за дверью, напротив лестницы, и поджидал ее. Спустя некоторое время, которое показалось мне бесконечным, она и ее спутник показались, медленно спускаясь по лестнице. На ней был широкий темный плащ, голова закрыта капюшоном оригинальной формы, показавшимся мне на ней самым красивым женским головным убором. Когда они оба прошли мимо меня, я услышал, как мужчина заговорил с ней тоном угрюмой досады:

— Брать тебя в оперу значит только напрасно тратить деньги.

— Я нездорова, — ответила она, опустив голову и потупив глаза. — Я сегодня не в духе.

— Ты хочешь ехать или идти домой?

— Пожалуйста, пойдем пешком.

Я шел за ними незаметно, ожидая момента, чтобы представиться ей, когда толпа разойдется. Через несколько минут они повернули в тихую боковую улицу. Я ускорил свои шаги, подошел к ним, снял шляпу и заговорил с ней.

Она вскрикнула от удивления, узнав меня. С минуту ее лицо осветилось прелестнейшим выражением восторга, какое я когда-либо видел на человеческом лице. Минуту спустя все изменилось. Очаровательные глаза затуманились, и черты лица посуровели. Она стояла передо мной как женщина, отягченная стыдом, не произнося ни слова, и не пожала моей протянутой руки.

Ее спутник прервал молчание.

— Кто этот господин? — спросил он наглым тоном с заметным иностранным акцентом и бесцеремонно рассматривая меня.

Она переборола себя, как только он обратился к ней.

— Это мистер Джермень, — ответила она. — Господин, который был очень добр ко мне в Шотландии.

Она подняла глаза на меня и ограничилась, бедняжка, вежливым вопросом о моем здоровье.

— Я надеюсь, что вы совершенно здоровы, мистер Джермень, — сказала она нежным и мягким голосом, жалко дрожа.

Я вежливо ответил и объяснил, что видел ее в опере.

— Вы живете в Лондоне? — спросил я. — Могу я иметь честь навестить вас?

Ее спутник ответил за нее, прежде чем она успела заговорить:

— Моя жена благодарит вас, сэр, за вашу вежливость. Она не принимает гостей. Мы оба желаем вам спокойной ночи.

Сказав эти слова, он снял шляпу с сардоническим взглядом и, взяв жену под руку, заставил ее идти с ним. Удостоверившись в том, что этот человек не кто иной, как Ван-Брандт, я хотел язвительно ответить ему, но мистрис Ван-Брандт остановила опрометчивые слова, готовые сорваться с моих губ.

— Для меня! — шепнула она через плечо с умоляющим видом, который тотчас заставил меня умолкнуть. Что ж, она была свободна (если хотела) вернуться к человеку, который так гнусно обманул и бросил ее. Я поклонился и оставил их, чувствуя с чрезвычайной горечью унижение вступать в соперничество с Ван-Брандтом.

Я перешел на другую сторону улицы. Прежде чем я отошел на три шага, прежнее обаяние мистрис Ван-Брандт овладело мной. Я покорился унижительному желанию стать шпионом и проводить их до дома. Держась сзади, на противоположной стороне улицы, я проследил их до дверей и записал в записную книжку название улицы и номер дома.

Самый суровый критик, читающий эти строки, не сможет презирать меня больше, чем я сам презирал себя. Мог ли я еще любить женщину, которая добросовестно предпочла мне негодяя, который женился на ней, будучи мужем другой женщины? Да! Зная то, что я теперь знал, я чувствовал, что люблю ее так же нежно, как прежде. Это было невероятно, это могло привести в негодование, но это было справедливо. Первый раз в жизни я постарался заглушить сознание своего унижения в вине. Я отправился в клуб, присоединился к веселому обществу за ужином и вливал в горло бокал за бокалом

шампанское — не чувствуя ни малейшего веселья, не забывая ни на минуту подробности моего презренного поведения. Я в отчаянии лег в постель и всю ночь малодушно проклинал роковой вечер на берегу, когда встретился с ней в первый раз. Но как я ее ни ругал, как себя ни презирал, я любил ее — я еще любил ее!

Между письмами, лежавшими на моем столе, были два, которые должны занять место в этом рассказе.

Почерк первого письма был мне знаком по эдинбургской гостинице. Написала это письмо мистрис Ван-Брандт.

«Для вас самих лучше (так говорилось в письме) не делать попыток увидеться со мной, и не обращайтесь внимания на приглашение, которое, как я боюсь, вы получите с этим письмом. Я веду унижительную жизнь — я не стою вашего внимания. Вы должны для себя забыть жалкую женщину, которая пишет теперь к вам в последний раз и с признательностью прощается с вами навсегда».

Эти грустные строки были подписаны только начальными буквами. Бесполезно говорить, что они только усилили мою решимость увидеть ее во что бы то ни стало. Я поцеловал бумагу, на которой лежала ее рука, а потом взял второе письмо. В нем заключалось «приглашение», о котором упоминала моя корреспондентка, и оно было изложено следующим образом:

«Г-н Ван-Брандт свидетельствует свое почтение мистеру Джермену и приносит извинения в том, что несколько резко принял вежливую предупредительность мистера Джермса. Г-н Ван-Брандт страдает постоянно от нервной раздражительности и чувствовал себя особенно нехорошо в прошлый вечер. Он надеется, что мистер Джермень примет это чистосердечное объяснение в том духе, в каком оно предлагается, и просит позволения прибавить, что г-жа Ван-Брандт с удовольствием примет мистера Джермена, когда бы он ни вздумал удостоить ее своим посещением».

После чтения этих двух писем легко было сделать то заключение, что Ван-Брандт имел какие-то гнусные выгоды написать это смешное и забавное послание и что несчастная женщина, носившая это имя,

искренне стыдилась его поступка. Подозрение мое к этому человеку и к причинам, побудившим его написать это письмо, не вызвали никакой нерешительности в душе моей относительно дальнейшего образа действий. Напротив, я радовался, что мой путь к мистрис Ван-Брандт был открыт, все равно посредством каких бы то ни было причин, самим Ван-Брандтом.

Я ждал дома до полудня, а потом не смог уже ждать дольше. Письменно извинившись перед матушкой (во мне еще осталось настолько чувство стыда, что мне не хотелось встретиться с ней), я поспешил уйти, чтобы воспользоваться приглашением в тот самый вечер, когда я получил его.

Глава XIV

МИСТРИС ВАН-БРАНДТ ДОМА

Когда я поднял руку, чтобы позвонить в колокольчик, дверь отворилась изнутри — и сам Ван-Брандт очутился передо мной. На голове его была шляпа. Мы, очевидно, встретились, когда он выходил.

— Любезный сэръ, как вы добры! Ваше посещение самый лучший ответ на мое письмо. Г-жа Ван-Брандт дома, г-жа Ван-Брандт будет в восторге. Пожалуйста.

Он отворил дверь в комнату нижнего этажа. Его вежливость была еще оскорбительнее его дерзости.

— Пожалуйста, садитесь, мистер Джермень.

Он повернулся к отворенной двери и закричал громким и самоуверенным голосом:

— Мери, поди сейчас сюда!

"Мери!" Я узнал наконец ее имя — и узнал его от Ван-Брандта. Никакие слова не могут выразить, как неприятно мне было слышать ее имя от него. В первый раз после стольких лет мысли мои вернулись к Мери Дермоди и озеру Зеленых Вод. Через минуту я услышал шелест платья г-жи Ван-Брандт на лестнице. Когда этот звук коснулся моего слуха, прежние времена и прежние лица снова исчезли из моих мыслей, как будто не существовали никогда. Что имела она общего со слабым, застенчивым ребенком, ее тезкой? Какое сходство можно было найти в мрачной лондонской квартире с коттеджем, наполненным благоуханными цветами, на берегу озера?

Ван-Брандт снял шляпу и поклонился мне с отвратительным раболепством.

— Я должен выйти по делам, — сказал он, — мне невозможно их отложить. Пожалуйста, извините меня. Госпожа Ван-Брандт примет вас. Доброго утра!

Дверь дома отворилась и затворилась. Шелест платья все приближался. Она стояла передо мной.

— Мистер Джермень! — воскликнула она, отступив назад, как будто мое присутствие устрашало ее. — Разве это честно? Разве это достойно вас? Вы позволили мне попасть в ловушку и становитесь

сообщником Ван-Брандта! О! Сэр, я привыкла считать вас благородным человеком. Как горько разочаровали вы меня!

Я не обращал никакого внимания на ее упреки. Они только вызывали румянец на ее щеках. Они только прибавляли восхищения к наслаждению смотреть на нее.

— Если бы вы любили меня так горячо, как я люблю вас, — сказал я, — вы поняли бы, зачем я здесь. Никакая жертва не кажется мне так велика, чтобы находиться опять в вашем присутствии после двухлетней разлуки.

Она вдруг подошла ко мне и пронизательно устремила на меня глаза.

— Тут, должно быть, ошибка, — сказала она. — Вы, должно быть, не получили моего письма или не прочли его?

— Получил и прочел.

— А письмо Ван-Брандта вы тоже прочли?

— Да, прочел.

Она села у стола, облокотилась на него и закрыла руками лицо. Мои ответы, по-видимому, не только огорчали ее, но и приводили в недоумение.

— Неужели все мужчины одинаковы? — говорила она. — Я думала, что могу положиться на его понимание того, что он обязан сделать для самого себя, и на его сострадание ко мне.

Я запер дверь и сел возле нее. Она отняла руки от лица, когда услышала, что я сажусь возле нее. Она посмотрела на меня с холодным и непонятным удивлением.

— Что вы хотите делать? — спросила она.

— Хочу постараться вернуть ваше уважение, — сказал я. — Хочу просить вашего сострадания к человеку, все сердце которого принадлежит вам, вся жизнь которого отдана вам.

Она вскочила и недоверчиво осмотрелась вокруг, как бы сомневаясь, то ли она слышала и так ли поняла мои последние слова. Прежде чем я успел заговорить, она вдруг стала напротив меня и ударила рукой по столу с горячей решимостью, которую я видел в ней теперь первый раз.

— Остановитесь! — воскликнула она. — Этому должен быть конец. И конец будет. Знаете ли вы, кто этот человек, который сейчас

вышел из дома? Отвечайте мне, мистер Джермень! Я говорю серьезно. Мне ничего более не оставалось, как отвечать ей.

— "Я из письма его узнал, — сказал я, — что он господин Ван-Брандт.

Она опять села и отвернулась от меня.

— Знаете, зачем он вам написал? — спросила она. — Знаете, зачем он пригласил вас в этот дом?

Я подумал о подозрении, промелькнувшем в голове моей, когда я прочел письмо Ван-Брандта, и не отвечал.

— Вы принуждаете меня сказать правду, — продолжала она.

— Он спросил меня вчера, когда мы шли домой, кто вы. Я знала, что вы богаты, а ему нужны деньги, — я сказала ему, что ничего не знаю о вашем положении в свете. Он слишком хитер, чтобы поверить мне, он пошел в трактир и посмотрел в адрес-календарь, вернулся и сказал:

— У мистера Джерменя дом на Берkeleyском сквере и поместье в Верхней Шотландии. Такого человека такой бедняга, как я, оскорблять не может. Я хочу подружиться с ним и надеюсь, что ты будешь с ним дружна". Он сел и написал к вам. Я живу под покровительством этого человека, мистер Джермень. Его жена не умерла — она жива, и я знаю это. Я написала к вам, что не стою вашего внимания, и вы принудили меня сказать вам почему. Достаточно ли я унижена, чтобы образумить вас?

Я придвинулся к ней еще ближе. Она хотела встать и оставить меня. Я чувствовал свою власть над ней и воспользовался этим (как всякий мужчина на моем месте) без всякого зазрения совести. Я взял ее за руку.

— Я не верю, чтобы вы добровольно унизили себя, — сказал он. — Вас насильно принудили занять это положение — есть обстоятельства, извиняющие вас и которые вы нарочно скрываете от меня. Ничто не убедит меня, что вы низкая женщина. Стал ли бы я любить вас, если бы вы действительно были недостойны меня?

Она старалась высвободить свою руку — я не выпускал. Она старалась переменить разговор.

— Вы еще не сказали мне, — продолжала она с слабой и напряженной улыбкой, — видели ли вы мой призрак с тех пор, как я рассталась с вами?

— Нет. А вы не видали ли меня, как видели во сне в эдинбургской гостинице?

— Никогда! Наши видения оставили нас. Можете сказать мне почему?

Если бы продолжали говорить об этом, мы наверно узнали бы друг друга. Но разговор об этом прекратился. Вместо того, чтобы отвечать на ее вопрос, я привлек ее к себе, я вернулся к запрещенному предмету, к моей любви.

— Взгляните на меня, — умолял я, — и скажите мне правду. Можете вы видеть и слышать меня, и неужели не чувствуете ответной симпатии в вашем сердце? Неужели вы не любите меня? Неужели вы ни разу не подумали обо мне за все время нашей разлуки?

Я говорил, как чувствовал, — горячо, страстно. Она сделала последнее усилие, чтобы оттолкнуть меня, и уступила даже в это время. Рука ее сжала мою, легкий вздох сорвался с ее губ. Она ответила с внезапным увлечением, она беззаботно сбросила с себя все узы, удерживавшие ее до этого времени.

— Я думаю о вас постоянно, — сказала она. — Я думала о вас в опере вчера. Сердце мое забилося, когда я услышала ваш голос на улице.

— Вы любите меня! — шепнул я.

— Люблю вас? — повторила она. — Все мое сердце стремится к вам, вопреки моей воле! Хотя я унизила себя, хотя я недостойна вас — зная, что ничего из этого не выйдет, — я все-таки люблю вас, люблю вас!

Она обвила руками мою шею и прижала меня к себе изо всех сил. Через минуту она упала на колени.

— О, не искушайте меня! — сказала она. — Будьте сострадательны и оставьте меня!

Я был вне себя, я заговорил с ней с таким же увлечением, с каким она говорила со мной.

— Докажите, что вы любите меня, — сказал я. — Позвольте мне спасти вас от унижения жить с этим человеком. Оставьте его тотчас и навсегда. Оставьте его и вернитесь к будущности, достойной вас, — будьте моей женой!

— Никогда! — ответила она, плача у моих ног.

— Почему же? Какое препятствие мешает этому?

— Не могу сказать вам. Не смею сказать вам.

— Напишите.

— Нет! Не могу даже написать вам. Уйдите, умоляю вас, прежде чем Ван-Брандт вернется. Уходите, если вы любите меня и жалеете меня.

Она возбудила во мне ревность, я решительно отказался оставить ее.

— Я непременно хочу знать, что связывает вас с этим человеком, — сказал я. — Пусть он вернется. Если вы не ответите на мой вопрос, я задам его ему.

Она дико посмотрела на меня и вскрикнула от ужаса — она увидела решимость на моем лице.

— Не пугайте меня, — сказала она. — Дайте мне подумать.

Она размышляла с минуту. Глаза ее засверкали, как будто ей пришел в голову новый способ выйти из затруднения.

— У вас жива мать? — спросила она.

— Да.

— Как вы думаете, согласится она навестить меня?

— Я в этом уверен, если попрошу ее.

Она посмотрела на меня еще раз.

— Вашей матери я скажу, в чем состоит препятствие, — сказала она задумчиво.

— Когда?

— Завтра — в это же время.

Она приподнялась с колен, слезы снова наполнили ее глаза. Она тихо привлекла меня к себе.

— Поцелуйте меня, — шепнула она. — Вы никогда больше не придете сюда. Поцелуйте меня в последний раз!

Едва мои губы коснулись ее губ, как она вскочила и схватила шляпу со стула, на который я положил ее.

— Возьмите вашу шляпу, — сказала она. — Он вернулся.

Мой же слух не уловил ничего. Я встал и взял шляпу, чтобы успокоить ее. В ту же минуту дверь комнаты тихо отворилась. Вошел Ван-Брандт. Я увидел по его лицу, что он имел какую-то гнусную причину стараться застать нас врасплох и результат обманул его.

— Вы еще не уходите? — заговорил он со мной, не спуская глаз с мистрис Ван-Брандт. — Я поспешил закончить свои дела в надежде

уговорить вас остаться позавтракать с нами. Положите вашу шляпу, мистер Джермень. Не церемоньтесь!

— Вы очень добры, — ответил я. — Я не свободен сегодня, я должен просить вас и мистрис Ван-Брандт извинить меня.

Я простился с ней с этими словами. Она страшно побледнела, когда пожала мне руку на прощание. Опасалась ли она откровенной грубости от Ван-Брандта, как только я уйду? От одного этого подозрения кровь моя кипела. Но я подумал о ней. Для ее благополучия благоразумнее и сострадательнее всего было умиловить этого человека, прежде чем я уйду.

— Я очень сожалею, что не в состоянии принять ваше приглашение, — сказал я, когда мы шли вместе к двери. — Может быть, вы позволите мне навестить вас в другой раз?

Глаза его лукаво прищурились.

— Не согласитесь ли вы пообедать здесь запросто? — спросил он. — Кусок баранины и бутылка хорошего вина. Нас трое, и мой старый приятель будет четвертый. Вечером сыграем в вист. Мери будет вашей партнершей — да? Когда же? Не назначить ли на послезавтра?

Она пошла за нами к двери и стояла сзади Ван-Брандта, пока он говорил со мной. Когда он упомянул о старом друге и о висте, на лице ее выразилось сильное волнение, стыд и отвращение. Потом, когда он предложил обед на послезавтра, черты ее опять стали спокойны, как будто она почувствовала внезапное облегчение. Что значила эта перемена? Завтра назначила она свидание с моей матерью. Неужели она действительно думала, что когда я услышу о происшедшем в этом собрании, то никогда больше не войду в ее дом и не стану пытаться видеться с ней? Так вот в чем состояла тайна ее спокойствия, когда она услышала, что обед назначен на послезавтра.

Задавая себе эти вопросы, я принял приглашение и ушел с тяжелым сердцем. Прощальный поцелуй, внезапное спокойствие, когда день обеда был назначен, тяготили мою душу. Я отдал бы двенадцать лет моей жизни, чтобы уничтожить следующие двенадцать часов.

В таком расположении духа я дошел до дома и явился в гостиную моей матери.

— Ты вышел сегодня раньше обыкновенного, — сказала она. — Тебя прельстила хорошая погода, друг мой?

Она замолчала и пристально посмотрела на меня.

— Джордж? — воскликнула она. — Что случилось с тобой? Где ты был?

Я рассказал ей всю правду так же откровенно, как рассказал здесь. Румянец выступил на лице моей матери. Она посмотрела на меня и заговорила со мной со строгостью, которую я в ней редко примечал.

— Должна я напомнить тебе первый раз в твоей жизни об уважении, которое ты обязан оказывать твоей матери? — спросила она. — Возможно ли, чтоб ты ожидал, будто я навещу женщину, которая по своему собственному сознанию...

— Я ожидаю, что вы навестите женщину, которой стоит только сказать слово, чтобы стать вашей невесткой, — перебил я. — Конечно, в таком случае я не прошу ничего недостойного вас.

Матушка посмотрела на меня с испугом.

— Ты хочешь сказать, Джордж, что предложил ей выйти за тебя?

— Да.

— А она отказала?

— Она отказала потому, что есть какое-то препятствие. Я напрасно старался заставить ее объясниться. Она обещала сообщить все вам.

Серьезность моих намерений произвела свое действие. Матушка согласилась. Она подала мне маленькие пластинки из слоновой кости, на которых привыкла записывать все на память.

— Запиши имя и адрес, — сказала она с безропотной покорностью.

— Я поеду с вами, — ответил я, — и подожду в карете у дверей. Я хочу слышать, что произойдет между вами и мистрис Ван-Брандт, как только вы оставите ее.

— Неужели это так серьезно, Джордж?

— Да, матушка, это так серьезно.

Глава XV

ПРЕПЯТСТВИЕ ПРЕОДОЛЕВАЕТ МЕНЯ

Как долго оставался я в карете у дверей квартиры мистрис Ван-Брандт? Судя по моим ощущениям, я прождал половину жизни. Судя по моим часам, я ждал полчаса.

Когда матушка вернулась ко мне, надежда на счастливый результат ее свидания с мистрис Ван-Брандт была оставлена мной прежде, чем матушка раскрыла рот. Я увидел по ее лицу, что препятствие, которое я был не в силах преодолеть, стояло между мной и самым заветным желанием моей жизни.

— Скажите мне все самое худшее, — сказал я, когда мы отъехали от дома, — и скажите сейчас.

— Я должна сказать это тебе, Джордж, — грустно ответила мне матушка, — так как она сказала мне. Она сама просила меня об этом. «Мы должны разочаровать его, — сказала она, — но, пожалуйста, сделайте это как можно осторожнее». Начав этими словами, она сообщила мне печальную историю, которую ты уже знаешь — историю ее супружества. От этого она перешла к встрече с тобой в Эдинбурге и к обстоятельствам, заставившим ее жить так, как она живет теперь. Она особенно просила меня повторить тебе эту последнюю часть ее рассказа. Достаточно ли ты успокоился, чтобы выслушать теперь, или хочешь подождать?

— Я хочу слышать теперь, матушка, — и расскажите мне, насколько можете, ее собственными словами.

— Я повторю то, что она сказала мне, дружок, так верно, как только смогу. Упомянув о смерти отца, она сказала мне, что у нее остались в живых только две родственницы.

«У меня есть замужняя тетка в Глазго и замужняя тетка в Лондоне, — сказала она. — Уехав из Эдинбурга, я отправилась к моей тетке в Лондон. Она и мой отец находились не в весьма хороших отношениях. Она находила, что мой отец пренебрегал теткой. Но его смерть смягчила ее к нему и ко мне. Она ласково приняла меня и нашла мне место в лавке. Я занимала это место три месяца, а потом принуждена была оставить».

Матушка замолчала. Я тотчас подумал о странной приписке, которую мистрис Ван-Брандт заставила меня прибавить к письму, которое я написал для нее в эдинбургской гостинице. И тогда она также думала остаться на этом месте только три месяца.

— Почему она была принуждена оставить свое место? — спросил я.

— Я сама задала этот вопрос, — ответила матушка. — Она не дала прямого ответа, изменилась в лице и сконфузилась.

«Я скажу вам после, — отвечала она. — Пожалуйста, позвольте мне продолжать теперь. Тетка рассердилась, зачем я оставила это место, и рассердилась еще больше, когда я назвала ей причину. Она заметила мне, что я не исполнила моей обязанности к ней, не сказав ей об этом откровенно сначала. Мы расстались холодно. Я сберегла немного денег из моего жалованья и жила хорошо, пока у меня были эти деньги. Когда они кончились, я старалась опять найти место — и не могла. Тетушка говорила, и говорила справедливо, что дохода ее мужа едва достаточно на содержание его семьи. Она ничего не могла сделать для меня, и я ничего не могла сделать для себя. Я написала к моей тетке в Глазго и не получила ответа. Голод угрожал мне, когда я увидела в газете объявление, адресованное мне Ван-Брандтом. Он умолял меня написать ему, он уверял, что его жизнь без меня слишком печальна, что он не может переносить ее, он торжественно обещал, что мое спокойствие не будет нарушено, если я вернусь к нему. Если бы я должна была думать только о себе, я стала бы просить милостыню на улице скорее, чем вернулась бы к нему...»

Тут я прервал рассказ.

— О ком другом могла она думать? — спросил я.

— Возможно ли, Джордж, — ответила матушка, — что ты не подозреваешь, на кого она намекала, когда произнесла эти слова?

Я не обратил внимание на этот вопрос. Мои мысли с горечью обратились на Ван-Брандта и его объявление.

— Она, разумеется, ответила на объявление? — сказал я.

— И виделась с Ван-Брандтом, — продолжала матушка. — Она не рассказывала мне подробно об этом свидании.

«Он напомнил мне, — сказала она, — уже известное мне — то есть, что женщина, заставившая его жениться на ней, была неисправимая пьяница и что о том, чтобы он жил с ней, не могло быть

и речи. Она еще жива и, во всяком случае, имеет право называться его женой. Я не стану пытаться извинять мое возвращение к нему, зная его обстоятельства. Я только скажу, что мне не оставалось другого выбора в моем тогдашнем положении. Бесполезно надоедать вам тем, что я выстрадала после того, или о том, что могу выстрадать еще. Я женщина погибшая. Не пугайтесь насчет вашего сына. Я с гордостью стану помнить до конца моей жизни, что он предлагал мне честь и счастье стать его женой, но я знаю мой долг в отношении вас. Я видела его в последний раз. Остается только доказать ему, что наш брак невозможен. Вы мать, вы поймете, почему я открыла препятствие, стоящее между нами, — не ему, а вам». Она встала с этими словами и отворила дверь из гостиной в заднюю комнату. Через несколько минут она вернулась.

На этом месте своего рассказа матушка остановилась. Боялась ли она продолжать, или находила бесполезным говорить больше?

— Ну-с! — сказал я.

— Неужели я должна это рассказывать тебе, Джордж? Неужели ты не можешь угадать причину даже теперь?

Два затруднения мешали мне понять. Я был непроницателен как мужчина и почти обезумел от недоумения. Как невероятно ни может это показаться, я даже теперь был настолько туп, что не мог угадать правду.

— Она вернулась ко мне не одна, — продолжала матушка. — С ней была прелестная девочка, которая еще едва могла ходить, держась за руку матери. Она нежно поцеловала ребенка, а потом посадила его на колени ко мне.

«Это мое единственное утешение, — сказала она просто, — и вот препятствие мешающее мне стать женой мистера Джермена».

Ребенок Ван-Брандта! Ребенок Ван-Брандта!

Приписка, которую она заставила меня сделать к письму, непонятное оставление места, на котором она работала хорошо, печальные затруднения, которые довели ее до голода, унижительное возвращение к человеку, который так жестоко обманул ее, — все объяснилось, все извинялось теперь! Как могла она получить место с грудным ребенком? С надвигающимся голодом что могла сделать эта одинокая женщина, как не вернуться к отцу своего ребенка? Какое право имел я на нее сравнительно с ним? Какая была нужда теперь в

том, что бедное создание тайно платило взаимностью за мою любовь? Ребенок был препятствием между нами — вот чем он удерживал ее у себя! Чем я могу удержать ее? Все общественные приличия и все общественные законы отвечали на вопрос: ничем!

Голова моя опустилась на грудь — я молча принял удар. Моя добрая матушка ваяла меня за руку.

— Теперь ты понимаешь, Джордж? — спросила она печально.

— Да, матушка, понимаю.

— Она просила меня сказать тебе об одном, мой милый, о чем я еще не упоминала тебе. Она умоляет тебя не предполагать, будто она имела хоть малейшее понятие о своем положении, когда пыталась лишиться себя жизни. Ее первое подозрение о том, что она может стать матерью, появилось у нее в Эдинбурге из разговора с теткой. Невозможно, Джордж, не чувствовать сострадания к этой бедной женщине. Как ни достойно сожаления ее положение, я не вижу, чтобы ее можно было порицать за него. Она была невинной жертвой гнусного обмана, когда этот человек женился на ней. С тех пор она страдала, не заслужив этого, и поступила благородно с тобой и со мной. Я должна отдать ей справедливость, сказав, что она женщина из тысячи — женщина, достойная при более счастливых обстоятельствах быть моей дочерью и твоей женой. Я жалею тебя и разделяю твои чувства, мой милый, от всего моего сердца.

Таким образом, занавес этой сцены моей жизни был опущен навсегда. Как было с моей любовью в дни моего детства, так было опять теперь с любовью моего зрелого возраста.

Позднее в этот день, когда ко мне в некоторой степени вернулось самообладание, я написал Ван-Брандту. Мэри предвидела, что я буду писать, извиняясь, что не смогу обедать у него.

Мог ли я также сказать в письме несколько прощальных слов женщине, которую я любил и которой лишился? Нет! И для нее, и для меня было лучше не писать. А между тем у меня недоставало твердости оставить ее молча. Ее последние слова при разлуке (повторенные мне матушкой) выражали надежду, что я не стану думать о ней сурово. Как я мог уверить ее, что буду думать о ней с любовью до конца всей жизни? Нежный такт и истинное сочувствие моей матери указали мне путь.

— Пошли небольшой подарок ребенку, Джордж, — сказала она. — Ты не сердись на бедную девочку?

Богу было известно, что я не желал зла ребенку. Я сам пошел и купил ей игрушку. Я принес ее домой и, прежде чем отослал, приколот к ней бумажку с надписью:

«Вашей дочке от Джорджа Джермена».

В этих словах, я полагаю, не было ничего патетического, а между тем я заплакал, когда писал их.

На следующее утро мы с матушкой уехали в наш загородный дом в Пертшире. Лондон стал для меня ненавистен. Путешествие за границу я уже пробовал. Мне ничего больше не оставалось, как вернуться в Верхнюю Шотландию и постараться устроить свою жизнь так, чтобы посвятить ее матушке.

Глава XVI

ДНЕВНИК МОЕЙ МАТЕРИ

Мне неприятно даже теперь, по прошествии такого длительного времени, оглядываться на печальные дни затворничества, которые однообразно проходили в нашем шотландском доме. Прошлое в моей жизни, однако, как ни было оно печально, я вспоминаю с некоторым интересом. Оно соединяло меня с моими ближними, оно связывало меня в некоторой степени с людьми и жизнью света. Но я не испытываю сочувствия к чисто эгоистическому удовольствию, которое некоторые люди находят, распространяясь до малейших мелочей о своих собственных чувствах в дни бед и печалей. Пусть воспоминание о нашей застойной жизни в Пертшире (насколько оно касается меня) будет представлено словами моей матери, а не моими. Несколько выписок из дневника, который она имела привычку вести, расскажут все, что следовало рассказать, прежде чем этот рассказ перейдет к позднему времени и новым событиям.

«20 августа. — Мы пробыли два месяца в нашем шотландском доме, а я не вижу перемены к лучшему в Джордже. Я боюсь, что он еще по-прежнему далек от примирения с разлукой с этой несчастной женщиной. Ничто не заставит его признаться в этом самому. Он уверяет, что его спокойная жизнь здесь со мной удовлетворяет все его желания. Но я этому не верю. Я была вчера ночью в его спальне. Я слышала, как он говорил о ней во сне, и видела слезы на его ресницах. Мой бедный мальчик! Сколько тысяч очаровательных женщин не желали бы ничего большего, как стать его женой! А он любит именно ту женщину, на которой не может жениться!»

"25. — Продолжительный разговор с Джорджем о мистере Мек-Глю. Я не люблю этого шотландского доктора с тех пор, как он не отговорил моего сына отправиться на роковое свидание у источника Св. Антония. Но он, кажется, доктор искусный, и я думаю, что он хорошо расположен к Джорджу. Он дал совет со своей обычной грубостью и очень дельный в то же время.

— Ничто не излечит вашего сына, сударыня, от его пламенной страсти к этой чуть не утонувшей даме, кроме перемены — и другой

дамы. Отошлите его отсюда одного и заставьте его почувствовать необходимость в заботах о нем какого-нибудь доброго существа. А когда он встретит это доброе существо (их так много, как рыб в море), не ломайте себе голову о том, нет ли пятна на ее репутации. У меня есть надтреснутая чашка, которая служит мне двадцать лет. Жените его, сударыня, на этой новой так быстро, как только позволит закон. Я ненавижу мнения мистера Мек-Глю, они такие грубые и жестокосердные, но очень боюсь, что должна расстаться с моим сыном на некоторое время для его же пользы".

«26. — Куда поедет Джордж? Я думала об этом всю ночь и не могу придумать ничего. Так трудно примириться с мыслью отпустить его одного!»

«29. — Я всегда верила в особую благодать Провидения, и теперь моя вера подтвердилась снова. В это утро я получила письмо от нашего доброго друга и соседа в Бельгельвае. Сэр Джемс — один из начальников Северных маяков. Он едет на казенном корабле осматривать маяки Северной Шотландии и на Оркнейских и Шетлендских островах — и, заметив, как похудел и нездоров мой бедный мальчик, он пригласил Джорджа быть его гостем в этом путешествии. Они будут в поездке более двух месяцев, а море (как сэр Джемс напомнил мне) сделало чудеса в здоровье Джорджа, когда он вернулся из Индии. Я не могу желать лучшего случая попытаться, какую перемену воздух и новые места сделают для него. Как ни тягостна будет разлука для меня, я стойко перенесу ее и стану уговаривать Джорджа принять приглашение».

"30. — Я сказала все, что могла, но он все отказывается оставить меня. Я жалкое, эгоистичное существо. Я была так рада, когда он сказал «нет»!

«31. — Еще бессонная ночь. Джордж должен обязательно дать ответ сэру Джемсу сегодня. Я решила исполнить мою обязанность по отношению к сыну — он так ужасно бледен и нездоров сегодня! Кроме того, если что-нибудь не расшевелит его, почему я знаю, может быть, он вернется к мистрис Ван-Брандт. Со всевозможных точек зрения я обязана настаивать на том, чтобы он принял приглашение сэра Джемса. Мне надо только быть твердой, и дело уладится. Бедняжка еще никогда не ослушивался меня. Он и теперь не ослушается».

«2 сентября. — Он уехал! Единственно для того, чтобы сделать мне удовольствие, — совершенно против своего желания. О, как такой добрый сын не может иметь доброй жены! Он всякую женщину сделал бы счастливой. Желала бы я знать, хорошо ли я поступила, отослав его. Ветер стонет в сосновой плантации позади дома. Нет ли бури на море? Я забыла спросить сэра Джемса, как велик корабль. Путеводитель по Шотландии говорит, что берег скалистый, а между северным берегом и Оркнейскими островами море бурно. Я почти сожалею, что так настаивала, — как я глупа! Мы все в руках Божьих. Да благословит Господь моего доброго сына!»

«10. — Очень растрожена. От Джорджа нет писем. Ах, каких огорчений полна эта жизнь, и как странно, что мы так ее ценим!»

«15. — Письмо от Джорджа. Они прошли северный берег и бурное море к Оркнейским островам. Чудная погода благоприятствовала им до сих пор. Джордж поздоровел и повеселел. Ах, сколько счастья в этой жизни, если только мы будем иметь терпение ждать его!»

«2 октября. — Еще письмо. Они благополучно дошли до Леруикской пристани, главной гавани на Шетлендских островах. Последнее время погода была неблагоприятна, но здоровье Джорджа продолжает улучшаться. Он пишет с большой признательностью о постоянной доброте к нему сэра Джемса. Я так рада, я готова бы расцеловать сэра Джемса — хотя он человек важный и начальник Северных маяков. Через три недели (если позволят ветер и погода) они надеются вернуться. Моя уединенная жизнь здесь ничего не значит, если я смогу только видеть Джорджа опять счастливым и здоровым. Он пишет мне, что они много времени проводят на берегу, но не говорит ни слова о встрече с дамами. Может быть, их мало в тех диких областях. Я слышала о шетлендских шаях и шетлендских пони. А есть ли шетлендские дамы, желала бы я знать?»

Глава XVII

ШЕТЛЕНДСКОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО

— Проводник, где мы?

— Не могу сказать точно.

— Вы заблудились?

Проводник медленно осматривается вокруг, а потом смотрит на меня. Это его ответ на мой вопрос. И этого достаточно.

Заблудившихся трое. Мой спутник, я и проводник. Мы сидим на трех шетлендских пони — таких крошечных, что нам, двум чужестранцам, сначала буквально было стыдно сесть на них. Нас окружает белый туман, такой густой, что мы не видим друг друга на расстоянии полдюжины шагов. Мы знаем, что находимся где-то на материке Шетлендских островов. Мы видим под ногами наших пони смесь степи и болота — здесь полоса твердой земли, на которой мы стоим, а там, за несколько футов, полоса воды торфяного болота, которое настолько глубоко, что мы можем потонуть, если ступим на него. Нам известно только это, больше мы не знаем ничего. Вопрос состоит в том — что нам делать?

Проводник закурил трубку и напомнил мне, что предостерегал нас о плохой погоде, прежде чем мы отправились. Мой спутник безропотно смотрит на меня с выражением кроткого упрека. Я заслуживаю этого. В печальном положении, в котором мы находимся, виновата моя опрометчивость.

Когда я писал моей матери, я старался с оптимизмом отзываться о моем здоровье и расположении духа. Но я не признавался, что еще помню тот день, когда я расстался с единственной надеждой и отказался от единственной любви, которая делала жизнь желанной для меня. Моя апатия дома просто заменилась постоянной неутомимостью, возбуждаемой волнением моей новой жизни. Теперь я должен всегда делать что-нибудь, все равно что бы то ни было, только бы это отвлекло меня от моих мыслей. Бездействие нестерпимо, уединение сделалось ужасным для меня. Между тем как другие члены общества, сопровождающие сэра Джемса в его путешествии для осмотра маяков, ждут на Леруикской пристани

благоприятной перемены погоды, я упорно стремлюсь оставить удобный приют на корабле, чтобы осмотреть какую-нибудь развалину доисторических времен, о которой никогда не слышал и которой нисколько не интересуюсь. Мне нужно только движение. Езда заполнит ненавистную пустоту времени. Я еду вопреки здравому совету, подаваемому мне со всех сторон. Младший член нашего общества заражается моей неугомонностью (в силу его юности) и едет со мной. Что же вышло из этого? Нас ослепляет туман, мы заблудились в поле, а вероломные болота окружают нас со всех сторон!

Что делать?

— Предоставьте это пони, — говорит проводник.

— Вы хотите сказать, чтобы мы предоставили пони отыскать дорогу?

— Именно, — говорит проводник. — Опустите поводья и предоставьте все пони. Видите, я уезжаю на своем пони.

Он опустил поводья, свистнул своему пони и исчез в тумане, сунув руки в карманы и с трубкой во рту, так спокойно, как будто сидел возле очага дома.

Нам осталось только последовать его примеру или остаться одним в поле. Смысленные животные, освободившись от нашего глупого надзора, отправились, опустив нос в землю, как собаки, отыскивающие след. Где болото широко, они обходили его. Где узко, они перепрыгивали. Бегут, бегут отважные пони, не останавливаются, не колеблются. Наш «высший ум», совершенно бесполезный в этом случае, удивляется, чем это кончится. Наш проводник впереди нас отвечает, что это кончится тем, что пони непременно найдут дорогу к ближайшей деревне или ближайшему дому.

— Не трогайте поводья, — предостерегает он нас. — Что ни вышло бы из этого, не трогайте поводья.

Для проводника легко не трогать поводья — он привык находиться в таком беспомощном положении в силу обстоятельств и знает наверно, что его пони может сделать.

Для нас, однако, это положение новое и кажется чрезвычайно опасным. Не раз удерживался я не без усилий, чтобы не распорядиться моим пони, переезжая самые опасные места. Время проходит, а сквозь туман не заметно и признака обитаемого жилища. Я начинаю

тревожиться и раздражаться. Я втайне сомневаюсь в верности решения проводника. Пока я нахожусь в такой нерешительности, мой пони приближается к тусклой, черной, извилистой линии, где надо переехать болото, по крайней мере, в сотый раз. Ширина его (обманчиво увеличенная туманом) кажется мне недоступной для прыжка пони. Я теряю присутствие духа. В критическую минуту, до прыжка, я имею глупость, схватить поводья и вдруг останавливаю пони. Он вздрагивает, закидывает голову и падает, как будто его застрелили. Моя правая рука, когда мы свалились вместе наземь, подвертывается под меня и я чувствую, что вывихнул кисть.

Если отделаюсь только этим, я должен считать себя счастливым. Но мне не суждено было пользоваться таким счастьем. Когда я силился встать и прежде чем успел выкарабкаться из-под него, пони лягнул меня и, к моему несчастью, его копыто попало в то место, где меня ранила ядовитая стрела в былую службу в Индии. Старая рана опять открылась — и я лежу, обливаясь кровью, на шетлендской равнине.

На этот раз мои силы не оставили меня, как в то время, когда я боролся с течением быстрой реки, поддерживая утопающую женщину. Я не лишился чувств и мог отдать необходимое распоряжение перевязать рану наилучшими способами, какими мы могли располагать. О том, чтобы я опять сел на пони, не могло быть и речи. Я должен остаться на этом месте с моим спутником, а проводник должен положиться на своего пони, чтобы найти ближайший населенный пункт, куда меня можно было перевезти.

Прежде чем человек этот оставил нас на болоте, он (по моему распоряжению) заметил местоположение так верно, как только мог, с помощью моего карманного компаса. Сделав это, он исчез в тумане с опущенными поводьями, а пони по-прежнему опустил нос в землю. Я остался на попечении моего юного друга, растянувшись на плаще и с седлом вместо изголовья. Наши пони спокойно щиплют траву, какую могут найти на равнине, оставаясь близ нас, точно собаки. В этом положении мы ждем дальнейшего развития событий, между тем как туман сгущается больше прежнего вокруг нас.

Медленные минуты уныло тянулись одна за другой в величественном безмолвии равнины. Никто из нас не сознается в этом на словах, но мы оба чувствуем, что могут пройти часы, прежде чем проводник вернется к нам. Пронизывающая сырость медленно

охватывает мое тело. В карманной бутылке моего спутника осталась только ложечка хереса. Мы смотрим друг на друга, нам не на что больше смотреть при теперешнем состоянии погоды, и стараемся примириться с нашим положением. Таким образом медленные минуты тянутся одна за другой, и, наконец, наши часы говорят нам, что прошло сорок минут после того, как проводник и его пони исчезли в тумане.

Друг мой предлагает попробовать, не можем ли мы дать знать о нашем положении какому-нибудь живому существу, которое, может быть, услышит нас. Я предоставляю ему право проделать опыт, потому что у меня не осталось сил для вокальных усилий какого бы то ни было рода. Спутник мой кричит самым пронзительным голосом. Тишина следует за его первой попыткой. Он опять пробует — на этот раз ответный крик слабо доносится до нас сквозь белый туман. Какое-то человеческое существо, проводник или посторонний, находится возле нас — помощь появляется наконец!

Проходит короткий промежуток времени, голоса доносятся до наших ушей — голоса двух человек. Потом в тумане становятся видны очертания фигур двух человек. Потом проводник приближается к нам настолько, что его уже можно узнать. За ним идет дюжий мужчина в каком-то сложном платье, напоминающем одежду и конюха, и садовника. Проводник в нескольких простых словах выразил свое сочувствие. Сложный человек стоял возле с невозмутимым молчанием. Вид больного чужестранца нисколько не удивил и не заинтересовал садовника-конюха.

Поговорив между собой, они решили перенести меня на руках. Я оперся своими руками о их плечи, и таким образом они меня понесли. Друг мой поплелся за нами с седлом и плащом. Пони прыгают и лягаются, наслаждаясь своей свободой, иногда бегут позади, иногда впереди нас, видимо, по своему настроению. Я, к счастью для моих носильщиков, не тяжел. Отдохнув раза два, они остановились совсем и посадили меня на самое сухое место, какое только могли найти. Я с нетерпением смотрю сквозь туман, нет ли признаков жилища, — и не вижу ничего, кроме небольшого, отлогого берега и полосы темной воды. Где мы?

Садовник-конюх исчезает, а затем показывается на воде и кажется громадным в лодке. Меня кладут на дно с моим седлом-изголовьем, и

мы отчаливаем, оставив пони на свободе на берегу. У них будет обильная пища (говорит проводник), а когда наступит ночь, они отыщут приют в ближайшей деревне. Когда я в последний раз взглянул на этих маленьких животных, они шли рядом и шутя кусали друг друга в самом веселом расположении духа.

Медленно плывем мы по темной воде — это не река, как я полагал сначала, а озеро — и подъезжаем к островку, плоской, уединенной полосе земли. Меня несут по примитивной дорожке, сделанной из больших, плоских камней, мы добираемся до более твердой земли и видим наконец человеческое жильё. Это длинный, низкий дом в один этаж, занимающий (насколько я мог видеть) три стороны сквера. Дверь гостеприимно отворена. Передняя пуста, холодна и печальна. Наши проводники отворили внутреннюю дверь — и мы вошли в коридор, приятно освещенный горящим в печи торфом. У одной стены я заметил запертые дубовые двери комнат, у другой полки с книгами бросились мне в глаза.

Дойдя до конца первого коридора, мы повернули во второй. Там наконец отворилась дверь. Я очутился в просторной комнате, меблированной со вкусом, с двумя постелями и ярким огнем в камине. Перемена этого теплого и веселого приюта после холодной и туманной равнины была так роскошно-восхитительна, что я с большим удовольствием растянулся на постели, лениво наслаждаясь моим новым положением, не заботясь расспрашивать, в чей дом мы ворвались, не удивляясь даже странному отсутствию хозяина, хозяйки или члена семейства, не встретивших нас под своей гостеприимной крышей.

Через некоторое время первое чувство облегчения проходит, мое усыпленное любопытство оживляется. Я начинаю осматриваться вокруг.

Садовник-конюх исчез. Я замечаю моего спутника в дальнем конце комнаты, очевидно, расспрашивающего проводника. Я зову его к моей постели. Какие открытия сделал он, в чьем доме приютились мы и почему это ни один член семейства не вышел встретить нас?

Мой друг рассказывает о своих открытиях. Проводник слушает так внимательно это повторение его рассказа, как будто он совершенно нов для него.

Дом, приютивший нас, принадлежит джентльмену старинного северного рода, по имени Денрос. Он живет в постоянном уединении на пустынном острове двадцать лет с единственной дочерью. Его считают самым ученейшим человеком на свете. Шетлендские жители знают его под именем, которое на их языке означает «Книжный Мастер». Он и дочь его оставляли это убежище на острове только один раз во время страшной эпидемии, свирепствовавшей в окрестных деревнях. Отец и дочь трудились день и ночь среди своих бедных и приунывших соседей с мужеством, которого никакая опасность не могла поколебать, с нежной заботой, которую никакая усталость не могла ослабить. Отец избежал заразы, и сила эпидемии начинала уменьшаться, когда дочь заразилась этой болезнью. Она осталась жива, но не выздоровела вполне. Она теперь страдает от какой-то неизлечимой, таинственной нервной болезни, которую не понимает никто и которая удерживает ее на острове вдали от всех людей. Между бедными обитателями округа отец и дочь почитаются как полубожественные существа. Их имена родители учат детей поминать в молитвах после Священного Имени.

Таково семейство (насколько мы поняли из рассказа проводника), в которое мы ворвались. Рассказ этот имеет, конечно, свой собственный интерес, но он имеет также один недостаток — он совершенно не объясняет продолжительное отсутствие Денроса. Возможно ли, чтобы ему не было известно о нашем присутствии в его доме? Мы обращаемся к проводнику и задаем ему несколько вопросов.

— Мы здесь с позволения мистера Денроса? — спрашиваю я.

Проводник вытаращил глаза. Заговори я с ним по-гречески или по-еврейски, он не мог бы прийти в большее недоумение. Друг мой старается растолковать ему наш вопрос более простыми словами:

— Вы спрашивали позволения привезти нас, когда нашли дорогу к дому?

Проводник еще больше вытаращил глаза, по-видимому, еще больше приведенный в негодование этим вопросом.

— Неужели вы думаете, — спрашивает он сурово, — что у меня хватило безрассудства отвлечь Мастера от его книг из-за такой безделицы, чтобы привезти в этот дом вас и вашего друга?

— Неужели вы хотите сказать, что вы привезли нас сюда, не спросив позволения? — спросил я с изумлением.

Лицо проводника просияло. Наконец-то он вбил в наши глупые головы настоящее положение дел.

— Я именно это и хочу сказать, — отвечал он с видом чрезвычайного облегчения.

Дверь отворилась прежде, чем мы успели оправиться от удара, нанесенного нам этим необыкновенным открытием. Низенький, худощавый старик в длинном черном домашнем халате спокойно вошел в комнату. Проводник выступил вперед и почтительно запер дверь за ним. Очевидно, мы находимся в присутствии Книжного Мастера.

Глава XVIII

ТЕМНАЯ КОМНАТА

Низенький господин подходит к моей постели. Его шелковистые седые волосы рассыпаются по плечам, он смотрит на нас поблекшими голубыми глазами, он кланяется с достойной и сдержанной вежливостью и говорит чрезвычайно просто:

— Добро пожаловать в мой дом, господа.

Мы не только благодарим его, мы, разумеется, извиняемся. Наш хозяин с самого начала прерывает нас и сам извиняется.

— Я случайно послал за моим слугой минуту назад, — продолжает он, — и тогда только услышал, что вы здесь. В моем доме существует обычай никогда не отрывать меня от моих книг. Пожалуйста, сэ, извините меня, — обратился он ко мне, — что я раньше не предложил к вашим услугам себя и весь мой дом. С сожалением услышал, что с вами случилось неприятное приключение. Вы мне позволите послать за доктором? Я несколько поспешно задаю вам этот вопрос, боясь упустить время и зная, что наш ближайший доктор живет довольно далеко от этого дома.

Он говорил какими-то странными, отборными словами — скорее как человек диктующий письмо, чем разговаривающий. Сдержанная грусть при разговоре отражается в сдержанной грусти выражения его лица. По-видимому, он давно знаком с горем и привык к нему. Тень какого-то прошлого горя постоянно чувствовалась во всем существе этого человека. Я вижу это в его поблекших голубых глазах, на его широком лбу, нежных, бледных сморщенных щеках. Тревожное чувство относительно нашего вторжения увеличивается, несмотря на его вежливое приветствие. Я объясняю ему, что способен сам помочь себе, потому что занимался врачебной практикой. Сказав это, я вернулся к моим прерванным извинениям. Я уверил его, что я и мой товарищ только теперь узнали о смелости нашего проводника, который сам вздумал ввести нас в этот дом. Денрос посмотрел на меня, как будто он, так же как и проводник, не понял моей совестливости и извинений. Через несколько минут он уяснил, в чем дело. Слабая

улыбка промелькнула на его лице, ласково, по-отцовски, положил он руку на мое плечо.

— Мы здесь так привыкли к нашему шетлендскому гостеприимству, что не можем понять нерешительности чужестранца воспользоваться им. Ваш проводник ни в чем не виноват, господа. В каждом доме на этих островах есть запасная комната, всегда готовая для гостя. Когда вы путешествуете в мою сторону, вы приезжаете сюда и остаетесь здесь сколько хотите, а когда вы уезжаете, я исполняю должность доброго шетлендца, проводив вас до первой станции вашего путешествия, чтобы пожелать вам благополучного пути. Обычаи, забытые в других местах уже несколько столетий, остаются здесь во всей своей силе. Я прошу вас отдать моему слуге все приказания, которые необходимы для вашего спокойствия, так же свободно, как вы отдали бы их в вашем собственном доме.

Он повернулся, чтобы позвонить в колокольчик, стоявший на столе, и заметил на лице проводника ясные признаки, что он обиделся моими намеками.

— Нельзя ожидать, чтобы чужестранцы понимали наши обычаи, Эндрю, — сказал Книжный Мастер, — но мы с тобой понимаем друг друга — и этого достаточно.

Грубое лицо проводника покраснело от удовольствия. Если бы король на престоле заговорил с ним снисходительно, едва ли он мог бы более гордиться этой честью. Он сделал неуклюжую попытку взять руку Мастера и поцеловать ее. Денрос оттолкнул его и слегка потрепал по голове. Проводник взглянул на меня и на моего друга, как будто получил самое высокое отличие, какое когда-либо доставалось земному существу. Рука Мастера ласково коснулась его.

Через минуту садовник-конюх появился в дверях на звон колокольчика.

— Принеси в эту комнату аптечку, Питер, — сказал Денрос, — ты должен ухаживать за этим господином, который не может встать с постели по болезни, точно так, как ходил бы за мной, будь я болен. Если случится нам обоим позвонить в одно время, ты должен явиться к этому господину прежде, чем ко мне. Белье, разумеется, готово в этом гардеробе? Очень хорошо. Теперь ступай и вели кухарке приготовить небольшой обед, а из погреба принеси бутылку старой мадеры. На стол накрой, по крайней, мере сегодня, в этой комнате.

Этим господам будет приятнее обедать вдвоем. Покажи моим гостям, Питер, что я по справедливости считаю тебя хорошей сиделкой и добрым слугой.

Молчаливый и угрюмый Питер просиял при выражении доверия Мастера к нему, как проводник просиял от ласкового прикосновения Мастера. Оба вместе вышли из комнаты.

Мы воспользовались наступившим молчанием, чтобы отрекомендоваться нашему хозяину по именам и сообщить ему, при каких обстоятельствах довелось нам посетить Шетлендские острова. Он выслушал нас со своей сдержанной вежливостью, но не задал никаких вопросов о наших родных, не заинтересовался прибытием правительственной яхты и начальника Северных маяков. Всякий интерес к внешнему миру, всякое любопытство относительно лиц, занимающих видное общественное положение и имеющих известность, очевидно, исчезли в Денросе. В течение десяти лет для него было достаточно небольшого круга его обязанностей и занятий. Жизнь потеряла свою ценность для этого человека, и, когда смерть придет к нему, он примет царицу ужасов как свою последнюю гостью.

— Не могу ли я сделать еще что-нибудь, — говорит он скорее сам с собой, чем с нами, — прежде чем вернуться к своим книгам?

Что-то приходит ему в голову в то самое время, как он задает этот вопрос. Он обращается к моему спутнику со своей милой, грустной улыбкой.

— Я боюсь, что для вас жизнь будет здесь очень скучна. Если вы любите удить, я могу предложить вам развлечение в этом роде. В озере много рыбы, а у меня в саду работает мальчик, который будет рад сопровождать вас в лодке.

Друг мой любит удить рыбу и охотно принимает приглашение. Мастер говорит мне на прощание несколько слов, прежде чем возвращается к своим книгам.

— Вы можете спокойно положиться на моего слугу Питера, мистер Джермень, пока не будете иметь возможность выходить из этой комнаты. Он имеет преимущество (важное для больного) быть очень молчаливым и необщительным человеком. В то же время он старателен и внимателен, по-своему, сдержан. А что касается более легких обязанностей, как например, читать вам, писать для вас письма, пока вы не можете владеть правой рукой, регулировать температуру в

комнате и так далее, хотя не могу утверждать положительно, я думаю, что эти маленькие услуги может оказывать вам другая особа, о которой я еще не упоминал. Мы увидим, что будет через несколько часов, а пока, сэр, я прошу позволения оставить вас отдохнуть.

С этими словами он вышел из комнаты так спокойно, как вошел, и оставил своих гостей с признательностью размышлять о шетлендском гостеприимстве. Мы оба спрашиваем себя, что могут значить последние таинственные слова нашего хозяина, и обмениваемся более или менее различными догадками об этой неизвестной «другой особе», которая, может быть, будет обслуживать мне, пока появление обеда не придает нашим мыслям другой оборот.

Блюд не много, но они приготовлены отлично и превосходно сервированы. Я слишком устал, чтобы много есть, но рюмка прекрасной старой мадеры подкрепляет меня. Мы строим наши будущие планы, пока обедаем. Наше возвращение на яхту в Леруикской гавани должно последовать не позже завтрашнего дня. В настоящем положении вещей я могу только отпустить моего спутника вернуться на корабль и успокоить наших друзей, чтобы они напрасно не тревожились обо мне. На следующий день я обязуюсь послать на корабль письменный доклад о состоянии моего здоровья с человеком, который может привезти с собой мой чемодан.

Отдав эти распоряжения, приятель мой уходит (по моей собственной просьбе), попробовать свое искусство удить рыбу в озере. С помощью молчаливого Питера и аптечки я перевязываю свою рану, закутываюсь в удобный домашний халат, который всегда был готов в комнате для гостей, и опять ложусь в постель, попробовать укрепляющую силу сна.

Прежде чем молчаливый Питер выходит из комнаты, он подходит к окну и спрашивает очень коротко, задернуть ли занавеси. Еще более краткими словами, потому что я чувствую уже приближение сна, — я отвечаю: «Нет». Я не люблю закрывать веселый дневной свет. Для моей болезненной фантазии в эту минуту это значило бы все равно, что покориться добровольно ужасам продолжительной болезни. Колокольчик на столе у моей кровати, я всегда могу позвонить Питеру, если свет помешает мне спать. Поняв это, Питер молча кивает головой и уходит.

Несколько минут я лежу, лениво созерцая приятный огонь в камине. Между тем перевязка раны и примочка к вывихнутой кисти облегчили боль, которую я чувствовал до сих пор. Мало-помалу яркий огонь как будто потухает и все мои неприятности забываются.

Я просыпаюсь, кажется, после довольно продолжительного сна, просыпаюсь с тем чувством изумления, которое мы испытываем все, открывая глаза в первый раз на постели в комнате, совершенно для нас новой. Постепенно собираясь с мыслями, я нахожу, что мое недоумение значительно увеличивается ничтожным, но любопытным обстоятельством. Занавеси, до которых я запретил Питеру дотрагиваться, задернуты — задернуты плотно, так что вся комната находится в темноте. Л еще удивительнее, что перед камином стоит высокий экран, так что огонь исключительно освещает потолок. Я буквально окутан мраком. Неужели настала ночь?

С безмолвным удивлением я повертываю голову на подушках и смотрю на другую сторону моей постели.

Хотя темно, я тотчас замечаю, что я не один.

Темная фигура стоит у моей постели. Смутные очертания платья говорят мне, что это женщина. Напрягая зрение, я могу различить что-то черное, покрывающее ее голову и плечи и похожее на большое покрывало. Лицо ее обращено ко мне, но черты различить нельзя. Она стоит, как статуя, скрестив спереди руки, слегка выделяющиеся на темном платье. Это я вижу, а больше ничего.

Наступает минутное молчание. Туманное видение обнаруживает голос и заговаривает первым:

— Надеюсь, что вам лучше, сэръ, после вашего сна.

Голос тихий, с какой-то еле уловимой нежностью, успокаивающе действующий на слух. Произношение безошибочно выдает воспитанную и образованную особу. Ответив неизвестной также вежливо, я осмеливаюсь задать неизбежный вопрос:

— С кем я имею честь говорить?

Дама отвечает:

— Я мисс Денрос и надеюсь, что вы позволите мне помогать Питеру ухаживать за вами.

Так вот эта «другая особа», на которую намекал наш хозяин! Я вспоминаю о геройском поведении мисс Денрос среди бедных и несчастных соседей и тот грустный результат преданности другим,

оставивший ее неизлечимой больной. Мое нетерпение увидеть эту особу при свете, конечно, усиливается во сто раз. Я выражаю свою признательность за ее доброту, спрашиваю, почему в комнате так темно.

— Неужели, — говорю я, — уже настала ночь?

— Вы спали не более двух часов, — ответила она, — туман исчез, сияет солнце.

Я берусь за колокольчик, стоящий на столе возле меня.

— Могу я позвонить Питеру, мисс Денрос?

— Отдернуть занавеси, мистер Джермень?

— Да, с вашего позволения. Признаюсь, мне было бы приятно увидеть солнечный свет.

— Я сейчас пришлю к вам Питера.

Туманная фигура моей сиделки исчезает. Через минуту, если я не остановлю ее, женщина, которую я так хочу увидеть, уйдет из комнаты.

— Пожалуйста, не уходите, — говорю я, — могу ли я беспокоить вас такой безделицей? Слуга придет, если я позвоню.

Она останавливается, туманнее прежнего, на половине дороги между постелью и дверью и отвечает несколько грустно:

— Питер не отдернет занавеси, пока я здесь. Он задернул их по моему приказанию.

Этот ответ привел меня в недоумение. Для чего Питеру держать комнату в темноте, пока здесь мисс Денрос? Разве у нее слабое зрение? Нет, если бы ее глаза были слабы, она носила бы зонтик. Как ни темно, я могу видеть, что она не носит зонтика. Для чего комнату сделали темной — если не для меня? Я не могу отважиться задать этот вопрос — я могу только извиниться надлежащим образом.

— Больные думают только о себе, — сказал я, — я полагал, что вы по доброте своей задернули занавеси для меня.

Она подошла к моей постели прежде, чем заговорила. Ответила же она этими удивительными словами:

— Вы ошибаетесь, мистер Джермень. Вашу комнату сделали темной не для вас, а для меня.

Глава IX

КОШКИ

Мисс Денрос привела меня в такое недоумение, что я не знал, как мне продолжать разговор.

Спросить ее просто, почему было необходимо держать комнату в темноте, пока она тут, было бы (по моему крайнему разумению) поступить чрезвычайно грубо. Выразить ей сочувствие в общих выражениях, решительно не зная обстоятельств, значило бы, может быть, поставить нас обоих в затруднительное положение в самом начале знакомства. Я мог только просить, чтобы комнату оставили так, как она была, и предоставить самой мисс Денрос оказать мне доверие или нет, как ей заблагорассудится.

Она поняла очень хорошо, о чем я думал. Сев на стул в ногах постели, она просто и откровенно рассказала мне тайну темной комнаты.

— Если вы желаете видеть меня, мистер Джермень, — начала она, — вы должны привыкнуть к темноте, в которой суждено мне жить. Несколько лет тому назад страшная болезнь свирепствовала среди жителей в нашей части этого острова, я имела несчастье заразиться этой болезнью. Когда я выздоровела, нет, это нельзя назвать выздоровлением, когда я избежала смерти, со мной случилась нервная болезнь, которую до сих пор доктора вылечить не могут. Я страдаю (как доктора объясняют мне) болезненно чувствительным состоянием нервов от действия света. Если отдерну занавеси и взгляну из этого окна, я почувствую сильную боль во всем лице. Если я закрою лицо и отдерну занавеси голыми руками, я почувствую эту боль в руках. Вы видите, может быть, что на голове моей очень большая и плотная вуаль. Я спускаю ее на лицо, шею и руки, когда мне приходится проходить по коридорам или входить в кабинет моего отца, — и она достаточно защищает меня. Не торопитесь сожалеть о моем печальном состоянии. Я так привыкла жить в темноте, что могу видеть достаточно для потребностей моего жалкого существования. Я могу читать и писать в этой темноте, могу видеть вас и быть полезной вам во многих безделицах, если вы позволите. Огорчаться мне нечем. Моя

жизнь не будет продолжительна — я знаю и чувствую это. Но я надеюсь, что проведу с моим отцом оставшиеся годы его жизни. Далее этого у меня никаких надежд нет. Но у меня есть и удовольствия, и я намерена увеличить мой скудный запас удовольствиями ухаживать за вами. Вы составляете событие в моей жизни. Я ожидаю удовольствия читать вам и писать за вас, как другие девушки ожидают нового платья или первого бала. Не находите ли вы странным, что я так откровенно говорю вам то, что у меня на душе? Я не могу поступать иначе. Я говорю, что думаю, моему отцу и нашим бедным соседям — и не могу вдруг изменить мои привычки. Я прямо признаюсь, когда полюблю человека, признаюсь, когда и не полюблю. Я смотрела на вас, когда вы спали, и прочла многое из вашей жизни по лицу как по книге. На вашем лбу и губах есть признаки горя, которые странно видеть на таком молодом лице, как ваше. Боюсь, что стану приставать к вам с расспросами, когда мы познакомимся короче. Позвольте мне сейчас задать вам вопрос как сиделке. Удобно ли лежат ваши подушки? Я вижу, что их надо стряхнуть. Не послать ли мне за Питером, чтобы он приподнял вас? Я, к несчастью, не имею столько сил, чтобы помочь вам в этом отношении. Нет? Вы можете сами приподняться? Подождите. Вот так! Теперь ложитесь и скажите мне, умею ли я установить надлежащее согласие между измятым изголовьем и усталой головой.

Она так тронула и заинтересовала меня, человека постороннего, что внезапное прекращение звучания ее слабого, нежного голоса почти возбудило во мне чувство боли. Стараясь (довольно неловко) помочь ей поправить изголовье, я случайно дотронулся до ее руки. Она была так холодна и худа, что даже минутное прикосновение испугало меня. Я старался тщетно увидеть ее лицо, теперь, когда оно было так близко от меня. Безжалостная темнота делала его таинственным по-прежнему. Заметила ли она мое любопытство? От ее внимания не ускользало ничего. Следующие слова ее ясно показали мне, что я раскрыт.

— Вы старались увидеть меня, — сказала она. — Предостерегла вас моя рука, чтобы вы не пробовали опять. Я чувствовала, что, испугались, когда дотронулись до нее.

Такую быструю пронизательность обмануть было нельзя, такое бесстрашное чистосердечие требовало подобной же откровенности с моей стороны. Я признался во всем и попросил ее прощения.

Она медленно вернулась к стулу в ногах кровати.

— Если мы хотим быть друзьями, — сказала она, — то нам надо прежде всего понять друг друга. Не питайте романтических представлений о красоте моей, мистер Джермены. Я могла похвалиться только одной красотой до моей болезни — цветом лица, и это пропало навсегда. Теперь во мне нет на что смотреть, кроме жалкого отражения моей прежней личности, развалины бывшей женщины. Я говорю это не затем, чтобы огорчать вас, я говорю это затем, чтобы примирить вас с темнотой, как с постоянной преградой для ваших глаз между вами и мной. Постарайтесь извлечь все лучшее, а не худшее из вашего положения здесь. Оно представляет вам новое ощущение для развлечения в вашей болезни. Ваша сиделка — существо безличное, тень между тенями, голос, говорящий с вами, рука, помогающая вам, и больше ничего. Довольно обо мне! — воскликнула она, вставая и переменяя тон. — Чем могу я вас развлечь?

Она подумала немножко.

— У меня странные вкусы, — продолжала она, — и мне кажется, я могу вас развлечь, если познакомлю с одним из них. Похожи вы на других мужчин, мистер Джермень? Вы тоже терпеть не можете кошек?

Этот вопрос изумил меня. Однако я мог по совести ответить, что в этом отношении, по крайней мере, я не похож на других мужчин.

— По моему мнению, — прибавил я, — кошка несправедливо непонятое существо, особенно в Англии. Женщины, по большей части, отдают справедливость ласковому характеру кошек, но мужчины обращаются с ними как с естественными врагами человеческого рода. Мужчины прогоняют кошку от себя, если она осмелится прибежать в комнату, и спускают на нее своих собак, если она покажется на улице, — и потом они же обвиняют бедное животное (любящая натура которых должна же привязаться к чему-нибудь), что оно любит только кухню!

Выражение этих не популярных чувств, по-видимому, возвысило меня в уважении мисс Денрос.

— Одному, по крайней мере, мы сочувствуем взаимно, — сказала она. — Я могу развлечь вас. Приготовьтесь к сюрпризу.

Она плотнее закрыла лицо вуалью и, отворив дверь, позвонила в колокольчик. Явился Питер и выслушал ее приказания.

— Отодвиньте экран, — сказала мисс Денрос.

Питер повиновался. Красный огонь камина заструился по полу. Мисс Денрос продолжала отдавать приказания:

— Отворите дверь в комнату кошек, Питер, и принесите арфу. Не рассчитывайте, что вы будете слушать искусную певицу, мистер Джермень, — продолжала она, когда Питер пошел исполнять странное поручение, данное ему, — или что вы увидите такую арфу, которую привыкли видеть как современный человек. Я могу играть только старые шотландские арии, а моя арфа инструмент старинный (с новыми струнами) — фамильное наследство, находящееся в нашем семействе несколько столетий. Когда увидите мою арфу, вы вспомните об изображениях святой Цецилии и благосклонно отнесетесь к моей игре, если будете помнить в то же время, что я не святая.

Она придвинула свой стул к огню и засвистела в свисток, который вынула из кармана. Через минуту гибкие, изящные силуэты кошек бесшумно появились в красном свете огня в камине в ответ на призыв их госпожи. Я сосчитал шесть кошек, смиренно усевшихся вокруг стула. Питер принес арфу и запер за собой дверь, когда вышел. Полоса дневного света теперь не проникала в комнату. Мисс Денрос откинула вуаль, отвернувшись лицом от огня.

— Для вас достаточно света, чтобы видеть кошек, — сказала она, — и для меня света немного. Свет от огня не причиняет мне такой сильной боли, какой я страдаю от дневного света. Мне только не совсем приятно от огня и больше ничего.

Она дотронулась до струн инструмента — старинной арфы, как она говорила, изображаемой на картинах, представляющих святую Цецилию, или, скорее, как мне показалось, старинной арфы кельтских бардов. Звук сначала показался неприятно пронзительным для моих непривычных ушей. При начальных звуках мелодии — медленной, печальной арии — кошки встали и начали ходить вокруг своей госпожи, ступая в такт. Они шли то одна за другой, то, при перемене мелодии, по двое, и потом опять разделялись по трое и ходили крутом стула в противоположные стороны. Музыка заиграла скорее и кошки зашагали быстрее. Скорее и скорее играла музыка, и быстрее и быстрее при красном свете огня, как живые тени, вертелись кошки вокруг неподвижной черной фигуры на стуле со старинной арфой на коленях. Я никогда не видел даже во сне ничего столь причудливого, дикого и призрачного. Музыка переменилась, и кружившиеся кошки

начали прыгать. Одна прикорнула к пьедесталу арфы. Четыре прыгнули вместе и сели на плечи мисс Денрос. Последняя и самая маленькая кошечка уселась на ее голове. Эти шесть кошек сидели на своих местах неподвижно, как статуи. Ничто не шевелилось, кроме исхудалой, белой руки на струнах, ни малейшего звука, кроме музыки, не раздавалось в комнате. Опять мелодия переменялась. В одно мгновение шесть кошек опять очутились на полу, усевшись вокруг стула, как при входе их в комнату, арфа была отложена в сторону, и слабый нежный голос сказал спокойно:

— Я быстро устаю — надо отложить окончание представления моих кошек до завтра.

Она встала и подошла к моей постели.

— Оставляю вас смотреть на солнечный закат из вашего окна, — сказала она. — От наступления темноты до завтрака вы не должны рассчитывать на мои услуги — я отдыхаю в это время. Мне ничего больше не остается, как лежать в постели (спать, если я могу) часов двенадцать и даже более. Продолжительный отдых поддерживает во мне жизнь. Очень удивили вас мои кошки и я? Не колдунья ли я, а они мои домовые духи? Вспомните, как мало развлечений у меня, и вы не станете удивляться, почему я учу этих хорошеньких животных разным штукам и привязываю их к себе, как собак. Сначала дело шло медленно и они давали мне превосходные уроки терпения. Теперь они понимают, чего я от них хочу, и учатся удивительно хорошо. Как вы позабавите вашего друга, когда он вернется с рыбной ловли, рассказом о молодой девице, которая живет в темноте и держит пляшущих кошек! Я буду ожидать, как вы развлечете завтра меня, — я хочу, чтобы вы рассказали мне все о себе и по какой причине вы посетили наши уединенные острова. Может быть, со временем, когда мы познакомимся покороче, вы станете со мной откровеннее и расскажете о причинах горя, которое я прочла на вашем лице, когда вы спали. Во мне осталось достаточно женских чувств, чтобы быть жертвой любопытства, когда я встречаюсь с человеком, интересующим меня. Прощайте до завтра! Желаю вам покойной ночи и приятного пробуждения. Пойдемте, мои домовые духи, пойдемте, мои деточки! Пора нам вернуться в нашу часть дома.

Она опустила вуаль на лицо и в сопровождении своей кошачьей свиты вышла из комнаты.

Тотчас после ее ухода явился Питер и отдернул занавеси. Свет заходящего солнца заструился в окно. В эту самую минуту мой спутник вернулся в самом веселом расположении духа рассказать мне о своей рыбной ловле на озере. Контраст между тем, что я видел и слышал несколько минут тому назад, был так удивителен, что я почти сомневался, не фантастическим ли порождением сновидения были фигура под покрывалом и с арфой и пляска кошек. Я даже спросил моего друга, не застал ли он меня спящим, когда вошел в комнату.

Вечер сменился ночью. Явился Книжный Мастер узнать о моем здоровье. Он говорил и слушал рассеянno, как будто его мысли были поглощены его занятиями, за исключением того, когда я с признательностью заговорил о доброте его дочери ко мне. При ее имени потухшие голубые глаза Мастера засияли, потупленная голова приподнялась, тихий голос стал громче.

— Не колеблясь, позвольте ей ухаживать за вами, — сказал он. — Все, что интересует и развлекает ее, продолжает ее жизнь. Ее жизнь служит дыханием моей. Она более чем моя дочь — она ангел-хранитель моего дома. Куда бы ни шла, она вносит с собой воздух небесный. Когда вы будете молиться, сэр, помолитесь, чтобы Господь оставил мою дочь подольше на земле.

Он тяжело вздохнул, голова его опять опустилась на грудь, он оставил меня.

Время проходило, мне подали ужинать. Молчаливый Питер, прощаясь со мной на ночь, выразился таким образом:

— Я сплю в смежной комнате. Позвоните, когда я понадобится вам.

Мой спутник лег на другую кровать в комнате и заснул счастливым сном молодости. В доме стояла мертвая тишина. За окнами тихая песнь ночного ветра, поднимавшегося и стихавшего над озером и равниной, была единственным слышимым звуком. Таким образом, кончился первый день в гостеприимном шетлендском доме.

Глава XX

ЗЕЛЕНЫЙ ФЛАГ

— Поздравляю вас, мистер Джермень, с вашим умением живописать словами. Ваш рассказ дал мне ясное представление о мистрис Ван-Брандт.

— Вам нравится портрет, мисс Денрос?

— Могу я говорить со своей обычной откровенностью?

— Конечно.

— Ну, откровенно скажу, мне не нравится ваша мистрис Ван-Брандт.

Прошло десять дней, и вот уже мисс Денрос приобрела мое доверие!

Какими способами убедила она меня поверить ей тайные и священные горести моей жизни, которые до сих пор я поверял только своей матери? Я легко могу припомнить, как быстро и тонко ее сочувствие слилось с моим, но не могу проследить временных рамок этого сближения, посредством которого она поняла и победила мою обычную сдержанность. Самое сильное влияние, влияние зрения, ей недоступно. Когда свет проник в комнату, мисс Денрос была закрыта вуалью. Во всякое другое время занавеси были задернуты. Экран стоял перед камином — я мог смутно видеть только очертание ее лица и больше ничего.

Тайну ее влияния, может быть, следует отчасти приписать простому и сестринскому обращению, с которым она говорила со мною, а отчасти тому неопишуемому интересу, который сопровождает ее присутствие в комнате. Отец ее сказал мне, что «она вносит с собой воздух небесный».

Насколько мне известно, я могу только сказать, что она вносила с собой что-то, так тихо и непонятно овладевавшее моей волей и заставлявшее меня так же бессознательно повиноваться ее желаниям, как если бы я был собакой.

История любви моей юности, во всех ее подробностях, даже подарок зеленого флага, мистические предсказания бабушки Дермоди, потеря всех следов моей маленькой прежней Мери, спасение мистрис

Ван-Брандт из реки, появление ее в беседке, встреча с ней в Эдинбурге и Лондоне, окончательная разлука, оставившая следы горя на моем лице, — все эти события, все эти страдания, поверил я ей так откровенно, как поверял этим страницам. И результатом этого были, когда она сидела возле меня в темной комнате, слова, сказанные с опрометчивой пылкостью женского суждения и сейчас написанные мной: «Мне не нравится ваша мистрис Ван-Брандт!»

— Почему? — спросил я.

Она ответила тотчас:

— Потому что вам никого не следует любить, кроме Мери.

— Но я лишился Мери тринадцатилетним мальчиком.

— Имейте терпение — и вы найдете ее опять. Мери терпелива, Мери ждет вас. Когда вы встретитесь с ней, вам стыдно будет вспомнить, что вы любили когда-нибудь мистрис Ван-Брандт. Вы будете смотреть на вашу разлуку с этой женщиной как на самое счастливое событие в вашей жизни. Я, может быть, не доживу, чтобы услышать об этом, но вы доживете и признаетесь, что я была права.

Ее ни на чем не основанное убеждение в том, что время еще сведет меня с Мери, отчасти раздражало, отчасти забавляло меня.

— Вы, кажется, согласны с бабушкой Дермоди, — сказал я. — Вы думаете, что наши две судьбы составляют одну. Все равно, сколько бы ни прошло времени и что ни случилось бы за это время, вы думаете, что мой брак с Мери только отложен и больше ничего?

— Я вполне в этом убеждена.

— Не знаю почему, но, кроме того, вам неприятна мысль о моем браке с мистрис Ван-Брандт?

Она знала, что этот взгляд на ее причины был отчасти справедлив, и чисто по-женски заговорила о другом.

— Зачем вы называете ее мистрис Ван-Брандт? Мистрис Ван-Брандт — тетка предмета вашей любви. Если вы так любите ее, зачем вы не называете ее Мери?

Мне было стыдно сказать ей настоящую причину — она казалась мне совершенно недостойной человека со здравым смыслом и решительного. Заприметив мою нерешительность, она настояла, чтобы я ответил ей, она принудила меня сделать это унижительное признание.

— Человек, разлучивший нас, называл ее Мери, — сказал я. — Я ненавижу его такой ревнивой ненавистью, что он сделал мне

противным это имя. Оно потеряло для меня всякое очарование, когда произносилось его губами.

Я ожидал, что она станет смеяться надо мной. Нет! Она вдруг подняла голову, как будто смотрела на меня пристально в темноте.

— Как, должно быть, вы любите эту женщину! — сказала она. — Видите вы ее теперь во сне?

— Я никогда не вижу ее теперь во сне.

— Вы ожидаете увидеть опять ее призрак?

— Может быть, если придет время, когда ей понадобится помощь и когда у нее не будет другого друга, к которому она могла бы обратиться, кроме меня.

— А призрак вашей маленькой Мери?

— Никогда!

— Но вы прежде видели ее, как предсказывала бабушка Дермоди, во сне?

— Да, когда был мальчиком.

— А после не Мери, а мистрис Ван-Брандт стала являться вам во сне — стала являться вам и духом, когда была далека телесно? Бедная старушка Дермоди! Не думала она при жизни, что ее предсказание выполнит другая женщина!

Вот к какому результату эти расспросы привели ее. Если бы она расспросила подробнее, если бы бессознательно опять не сбила меня с толку следующим вопросом, сорвавшимся с ее губ, она непременно вложила бы в мою душу мысль, смутно зарождавшуюся в ее душе, о возможном тождестве между Мери, первым предметом моей любви, и мистрис Ван-Брандт.

— Скажите мне, — продолжала она. — Если бы вы теперь встретились с вашей маленькой Мери, какова бы она была? Какой внешне женщиной ожидали бы вы увидеть ее?

Я не мог удержаться от смеха.

— Как я могу сказать, — возразил я, — после такого продолжительного времени?

— Постарайтесь! — сказала она.

Прикидывая мысленно образ маленькой Мери, пытаюсь представить ее взрослой, я искал в моей памяти образ слабого и ласкового ребенка, которого помнил, и набросал портрет слабой и

деликатной женщины — решительный контраст с мистрис Ван-Брандт!

Сложившееся было хрупкое представление в душе мисс Денрос о личности Мери тотчас исчезло, уничтоженное важным заключением, к которому привел контраст. Одинаково не зная развития здоровья, силы и красоты, которому время и обстоятельства подвергли мою Мери детского возраста, мы оба одинаково бессознательно сбили с толку друг друга. Еще раз я лишился возможности узнать правду, а между тем открытие висело на волоске.

— Я гораздо больше предпочитаю ваше описание Мери, — сказала мисс Денрос, — вашему описанию мистрис Ван-Брандт. Мери соответствует моему представлению о том, какой должна быть привлекательная женщина. Как вы могли сожалеть о потере этой другой особы (я терпеть не могу румяных женщин!), я понять не могу. Не могу вам выразить, как я интересуюсь Мери. Я желаю побольше узнать о ней. Где этот хорошенький подарок, который бедняжка вышивала для вас так прилежно? Покажите мне зеленый флаг!

Она, очевидно, предполагала, что я ношу при себе зеленый флаг. Я несколько сконфузился, отвечая ей:

— К сожалению, не могу исполнить вашего желания. Зеленый флаг спрятан где-то в моем Пертширском доме.

— Он не с вами? — воскликнула она. — Вы оставляете где попало вещь, которую она подарила вам на память? О, мистер Джермень, вы действительно забыли Мери! Женщина, на вашем месте, рассталась бы скорее со своей жизнью, чем с единственным воспоминанием о том времени, когда она любила в первый раз.

Она говорила с такой необыкновенной серьезностью, с таким волнением, должен я вам сказать, что чрезвычайно удивила меня.

— Милая мисс Декрос, — возразил я, — флаг не потерян.

— Надеюсь! — быстро отозвалась она. — Если вы потеряете зеленый флаг, вы лишитесь последней вещицы, напоминающей вам о Мери, — и более того, если мое мнение справедливо.

— Какое же ваше мнение?

— Вы будете смеяться надо мной, если я скажу вам. Я боюсь, что первое впечатление, которое на меня произвело ваше лицо, ошибочно. Я боюсь, что вы человек жестокий.

— Право, вы несправедливы ко мне. Умоляю вас отвечать мне с вашей обычной откровенностью. Чего лишусь я, лишившись последней вещицы, напоминающей мне Мери?

— Вы лишитесь единственной надежды, которая осталась во мне для вас, — ответила она серьезно, — надежды на вашу встречу и брак с Мери в будущем. У меня была бессонница прошлую ночь, и я думала о трогательной истории вашей любви на берегах светлого английского озера. Чем больше думаю, тем больше убеждаюсь, что зеленому флагу бедного ребенка предназначено иметь свое невинное влияние на вашу будущую жизнь. Счастье ожидает вас в этом искреннем подарке на память. Я не могу ни объяснить, ни оправдать этого мнения. Это, должно быть, одна из моих странностей. Такая, как обучение кошек представлять под музыку моей арфы. Но будь я вашим старым другом, а не другом нескольких дней, я не оставила бы вас в покое. Я просила бы, умоляла, настаивала, как только может настаивать женщина, пока не добилась бы, чтоб подарок Мери был таким же неразлучным вашим спутником, как портрет вашей матери в медальоне на вашей часовой цепочке. Пока с вами флаг, с вами и влияние Мери. Любовь Мери все связывает вас дорогими прежними узами — и вы с Мери после долгих лет разлуки встретитесь опять!

Мечта сама по себе была мила и поэтична. Серьезность, с которой она была выражена, должна была иметь влияние на человека даже более жестокого по природе, чем был я. Я сознаюсь, что мисс Денрос заставила меня стыдиться, чтобы не сказать больше, что я пренебрегал зеленым флагом.

— Я отыщу его, как только вернусь домой, — сказал я, — и позабочусь, чтобы он старательно сохранялся.

— Мне мало этого, — возразила она, — если вы не можете носить флаг на себе, я хочу, чтобы вы возили его с собой, куда бы ни поехали. Когда с парохода из Леруика привезли сюда вашу поклажу, вы особенно тревожились о целостности дорожной письменной шкатулки — вот этой шкатулки, которая стоит на столе. Есть в ней что-нибудь ценное?

— Деньги и другие вещи, которые я еще более ценю, письма моей матери и некоторые фамильные драгоценности, которых мне было бы жаль лишиться. Притом сама шкатулка дорога для меня, как моя постоянная, многолетняя спутница.

Мисс Денрос встала и подошла к стулу, на котором я сидел.

— Пусть флаг Мери будет вашим постоянным спутником, — сказала она. — Вы с излишней признательностью говорили об услугах, которые я оказывала вам как сиделка. Вознаградите меня свыше моих заслуг. Примите в соображение, мистер Джермень, суеверные фантазии одинокой мечтательной женщины. Обещайте мне, что зеленый флаг займет место между сокровищами в вашей шкатулке!

Бесполезно говорить, что я принял в соображение и дал обещание, — дал, серьезно вознамерившись сдержать его. В первый раз после нашего знакомства она протянула свою бедную, исхудалую руку мне и пожала мою руку. Необдуманно, под впечатлением признательности, я поднес ее руку к моим губам, прежде чем выпустил ее. Мисс Денрос вздрогнула, задрожала и вдруг молча вышла из комнаты.

Глава XXI

ОНА СТАНОВИТСЯ МЕЖДУ НАМИ

Какое волнение я необдуманно возбудил в мисс Денрос? Оскорбил я или огорчил ее? Или невольно заставил ее понять какое-нибудь глубоко таившееся чувство, которого она до сих пор не хотела сознавать?

Я проанализировал все прежние дни моего пребывания в этом доме, допросил мои чувства и впечатления, на случай, не могут ли они помочь мне разрешить тайну ее внезапного ухода из комнаты.

Какое впечатление произвела она на меня?

Сказать по правде, она просто заняла место в моей душе, за отсутствием всякого другого лица и всякого другого предмета. За десять дней она добилась моего сочувствия, которого другие женщины не добились бы за несколько лет.

Я вспомнил, к моему стыду, что моя мать редко занимала мои мысли. Даже образ мистрис Ван-Брандт — кроме тех минут, когда разговор шел о ней, — стал бледным образом в моем воображении! Все мои Леруикские друзья, начиная с сэра Джемса, приехали навещать меня — и я тайно и неблагодарно радовался, когда их отъезд давал возможность моей сиделке вернуться ко мне. Через два дня пароход уходил в обратный путь. Рука еще сильно болела у меня при движении, но представляющая более серьезную опасность открывшаяся рана уже не беспокоила ни меня, ни окружающих. Я достаточно поправился, чтобы доехать до Леруика, если бы отдохнул на ферме на половине дороги между Лондоном и домом Денроса. Зная это, я до последней минуты оставил вопрос о возвращении нерешенным. Друзьям моим я назвал причиной нерешительности сомнение, достаточно ли вернулись мои силы. Причина, в которой я признавался самому себе, было нежелание оставить мисс Денрос.

В чем состояла тайна ее влияния на меня? Какое волнение, какую страсть возбудила она во мне? Не любовь ли?

Нет, не любовь. Мисс Денрос не занимала того места в моем сердце, которое когда-то занимала Мери, а впоследствии мистрис Ван-Брандт. Как мог я (в обычном значении слова) влюбиться в женщину,

лица которой не видел никогда, красота которой увяла и никогда не расцветет, загубленная жизнь которой висела на волоске, который мог оборваться случайно в одно мгновение? Чувства имеют свой оттенок во всякой любви между обоими полами, а они не имели такого оттенка в моих чувствах к мисс Денрос. Какое же это было чувство? Я могу только однозначно ответить на этот вопрос. Это чувство лежало во мне так глубоко, что я не мог изведать его.

Какое впечатление произвел я на нее? Какую чувствительную струну неумышленно затронул я, когда мои губы коснулись ее руки?

Признаюсь, я не захотел продолжать исследований, за которые добровольно принялся. Я подумал о ее расстроенном здоровье, о ее печальном существовании в темноте и уединении, о богатых сокровищах ее сердца и ума, пропадавших в ее загубленной жизни, — и сказал себе: «Пусть ее тайна останется священной! Пусть я никогда ни словом, ни делом не вызову волнения, которое обнаруживает это! Пусть ее сердце будет окутано для меня темнотой, как покрывало закрывает ее лицо!»

В таком расположении духа я ждал ее возвращения.

Я не сомневался, что опять увижу ее, раньше или позже, в этот день. Почта на юг уходила на следующий день, и почтальон приходил за письмами так рано, что их можно было писать только с вечера. Из-за болезни моей руки мисс Денрос привыкла писать за меня, под мою диктовку. Она знала, что я должен написать письмо к матушке, и я по обыкновению рассчитывал на ее помощь. Ее возвращение ко мне, при подобных обстоятельствах, было просто вопросом времени. Всякая обязанность, принятая ею на себя, была, по ее мнению, обязанность неременная, как ни была бы ничтожна.

Часы проходили, день подошел к концу, а она все не являлась.

Я вышел из комнаты, чтобы насладиться последними солнечными лучами заходящего солнца, в сад, разведенный около дома, предварительно сказав Питеру, где меня найти, если мисс Денрос понадобится видеть меня. По моим более южным понятиям, сад был местом диким, но он простирался довольно далеко по берегу острова, представляя несколько приятных видов на озеро и равнину. Медленно прогуливаясь, я мысленно сочинял письмо, которое будет писать мисс Денрос.

К моему великому удивлению, я никак не мог сосредоточить свои мысли на этом письме. Как я ни старался, мои мысли постоянно отступали от письма к матушке и сосредоточивались — на мисс Денрос? Нет. На вопросе, возвращаться мне или не возвращаться в Пертшир на казенном пароходе? Нет. По какому-то причудливому повороту чувств, которое мне невозможно было объяснить, вся моя душа теперь была поглощена единственным человеком, который до сих пор так странно был от нее далек, — мистрис Ван-Брандт!

Мои воспоминания возвращались, несмотря на все усилия моей воли, к последнему свиданию с ней. Я опять видел ее, я опять ее слышал. Я снова испытывал восторг от последнего поцелуя, я опять чувствовал горе, раздиравшее мое сердце, когда расстался с ней и очутился один на улице. Слезы, которых я стыдился, хотя никто не мог их видеть, наполнили мои глаза, когда я думал о месяцах, прошедших с тех пор, когда мы последний раз смотрели друг на друга, и обо всем, что она могла и должна была выстрадать в то время. Сотни миль разделяли нас, а между тем она была так близко ко мне, как будто гуляла в саду возле меня!

С этим странным душевным состоянием гармонировало странное состояние моего тела. Какая-то таинственная дрожь пробегала по мне с головы до ног. Я шел, сам не зная, куда иду, я осматривался вокруг, не понимая предметов, на которых останавливались мои глаза. Мои руки были холодны, а я этого не чувствовал. Голова моя горела, в висках стучало, а между тем я не ощущал никакой боли. Мне казалось, что я окружен какой-то наэлектризованной атмосферой, изменявшей все обыкновенные условия ощущения. Я поднял глаза на светлое, спокойное небо и спрашивал себя, не наступает ли гроза. Я остановился, застегнул сюртук и спрашивал себя, не простудился ли я и не будет ли у меня лихорадки. Солнце скрылось за горизонт, серые сумерки задрожали над темной водой озера. Я вернулся домой, и живое воспоминание о мистрис Ван-Брандт вернулось вместе со мной.

Огонь в камине моей комнаты догорел в мое отсутствие. Одна из занавесок была несколько отдернута, так чтобы проникали в комнату лучи потухающего дневного света. На том рубеже, где свет пересекался темнотой, наполнявшей всю остальную часть комнаты, сидела мисс Денрос с отдернутой вуалью и с письменной шкатулкой на коленях, ожидая моего возвращения.

Я поспешил извиниться. Я уверил ее, что не забыл сказать слуге, где найти меня. Она кротко остановила меня.

— Питер не виноват, — ответила она, — я сказала ему, что не надо торопить вас вернуться в дом. Приятна была ваша прогулка?

Она говорила очень спокойно. Слабый, грустный голос был слабее и грустнее обыкновенного. Она наклонила голову над письменной шкатулкой, вместо того чтобы, по обыкновению, повернуть ее ко мне, когда мы разговаривали. Я все еще чувствовал таинственную дрожь, которая охватила меня в саду. Придвинув стул ближе к камину, я помешал золу и постарался согреться. Мы сидели в комнате на некотором расстоянии друг от друга. Я только мог видеть ее сбоку, когда она сидела у окна в тени занавески, все еще задернутой.

— Мне кажется, я слишком долго был в саду, — сказал я. — Я озяб от холодного вечернего воздуха.

— Хотите еще дров в камин? — спросила она. — Могу я принести вам что-нибудь согреться?

— Нет, благодарю. Мне здесь очень хорошо. Я вижу, что вы по доброте своей уже готовы писать за меня.

— Да, — сказала она, — когда вам удобно. Когда вы будете готовы, будет готово и мое перо.

Сдержанность в словах, установившаяся между нами после последнего разговора, кажется, ощущалась так же тягостно мисс Денрос, как и мной. Мы, без сомнения, хотели нарушить ее с той и другой стороны, если бы только знали как. Во всяком случае, нас займет это письмо. Я сделал еще усилие, чтобы возвратить свои мысли к этому предмету — и опять усилие было напрасно. Хотя я знал, что хочу сказать матушке, однако мысли мои оказались парализованы, когда я попытался сделать это. Я сидел дрожа у камина, а она сидела в ожидании с письменной шкатулкой на коленях.

Глава XXII

ОНА ОПЯТЬ ТРЕБУЕТ МЕНЯ

Минуты проходили, молчание между нами продолжалось. Мисс Денрос сделала попытку расшевелить меня.

— Решили вернуться в Шотландию с вашими леруикскими друзьями? — спросила она.

— Нелегко, — ответил я, — решиться оставить моих здешних друзей.

Голова ее опустилась ниже на грудь, голос стал еще тише, когда она ответила мне:

— Подумайте о вашей матери. Ваша первейшая обязанность относится к ней. Ваше продолжительное отсутствие является для нее тяжелым испытанием — ваша мать страдает.

— Страдает? — повторил я. — Ее письмо ничего не говорит...

— Вы забываете, что позволили мне прочитать ее письмо, — перебила мисс Денрос. — Я чувствую пусть недоговоренное, но явное беспокойство в каждой ее строчке. Вы знаете так же хорошо, как и я, что для ее беспокойства есть причина. Осчастливьте ее еще больше, сказав ей, что не грустите о мистрис Ван-Брандт. Могу я это написать от вашего имени и этими словами?

Я почувствовал странное нежелание позволить ей написать в этих выражениях о мистрис Ван-Брандт. Несчастливая история любви моего зрелого возраста прежде никогда не была для нас запрещенной темой. Почему мне показалось, что теперь эта тема запрещенная? Почему я избегал дать ей прямой ответ?

— У нас впереди много времени, — сказал я. — Я хочу говорить с вами о вас.

Она приподняла руку в темноте, окружавшей ее, как бы протестуя против вопроса, к которому я вернулся, однако я настойчиво возвращался к нему.

— Если я должен ехать, — продолжал я, — я могу осмелиться сказать вам на прощание то, чего еще не говорил. Я не могу и не хочу верить, что вы неизлечимо больны. Я получил, как уже говорил вам, профессию врача. Я хорошо знаком с некоторыми знаменитейшими

врачами в Эдинбурге и Лондоне. Позвольте мне описать вашу болезнь (насколько я понимаю ее) людям, привыкшим лечить болезни самого сложного нервного свойства, и позвольте мне в письме сообщить вам о результате.

Я ждал ее ответа. Ни словом, ни знаком не поощряла она меня вступить с ней в переписку. Я осмелился намекнуть на другую причину, которая могла бы заставить ее получить от меня письмо.

— Во всяком случае, я считаю необходимым написать вам, — продолжал я. — Вы вполне убеждены, что мне и маленькой Мери предназначено встретиться опять. Если ваши ожидания сбудутся, вы, конечно, надеетесь, что я сообщу вам об этом?

Опять я ждал. Она заговорила, но не в ответ на мой вопрос, а только чтобы переменить тему разговора.

— Время проходит, — вот все, что сказала она, — мы еще не начали письма к вашей матушке.

Было бы жестоко настаивать на своем дольше. Ее голос говорил мне, что она страдает. Слабый проблеск света сквозь раздвинутые занавеси быстро исчезал. Действительно, было пора писать письмо. Я мог найти другой удобный случай поговорить с ней, прежде чем уеду.

— Я готов, — ответил я, — начнем.

Первую фразу было легко продиктовать моему терпеливому секретарю. Я сообщал матушке, что вывихнутая рука почти вылечена и что ничто не мешает мне оставить Шетлендские острова, когда начальник над маяками будет готов вернуться. Вот все, что необходимо было сказать о моем здоровье. Открытие моей раны по очевидным причинам было скрыто от матушки. Мисс Денрос молча написала первые строки письма и ждала следующих слов.

Дальше я сообщал, какого числа вернется пароход, и упомянул, когда матушка может ожидать меня, если позволит погода. Эти слова мисс Денрос также написала — и опять ждала продолжения. Я начал соображать, что мне сказать еще. К удивлению моему и испугу, я не мог сосредоточить свои мысли на этом. Они разбрелись самым странным образом от моего письма к мистрис Ван-Брандт. Мне было стыдно за себя, я сердился на себя — я решил писать что-нибудь, только бы непременно закончить письмо. Нет! Как я ни старался, все усилия моей воли не привели ни к чему. Слова мистрис Ван-Брандт

при нашем последнем свидании звучали в моих ушах — мои собственные слова не приходили мне на ум!

Мисс Денрос положила перо и медленно повернула голову, чтобы взглянуть на меня.

— Наверное, вы хотите еще что-нибудь прибавить к вашему письму? — сказала она.

— Непременно, — ответил я. — Я не знаю, что такое со мной. Сегодня вечером я как будто не в силах диктовать.

— Не могу ли я помочь вам? — спросила она.

Я с радостью принял предложение.

— Есть много такого, — сказал я, — о чем матушка была бы рада услышать, если бы я не был так глуп, чтобы подумать об этом. Я уверен, что могу положиться на ваше сочувствие, — вы подумаете об этом за меня.

Этот опрометчивый ответ предоставил мисс Денрос удобный случай вернуться к мистрис Ван-Брандт. Она воспользовалась этим случаем с настойчивой решимостью женщины, которая поставила цель и решила достигнуть ее во что бы то ни стало.

— Вы еще не сказали вашей матушке, начала она, — что ваше увлечение мистрис Ван-Брандт закончилось. Хотите сказать это вашими собственными словами или мне написать это за вас, подражая вашему стилю и языку как сумею?

В том расположении духа, в котором я находился в ту минуту, ее настойчивость победила меня. Я лениво подумал про себя:

"Если я скажу «нет», она опять вернется к этому вопросу и успокоится (после всего, чем я обязан ее доброте), лишь заставив меня сказать «да».

Прежде чем я успел ответить ей, она оправдала мои Ожидания. Она вернулась к этому вопросу и заставила меня сказать «да».

— Что значит ваше молчание? — спросила она. — Вы просите меня помочь вам — и отказываетесь принять мое первое предложение?

— Возьмите ваше перо, — возразил я. — Пусть будет по вашему желанию.

— Вы мне продиктуете?

— Постараюсь.

Я постарался и на этот раз преуспел, между тем как образ мистрис Ван-Брандт живо представлялся моим мыслям. Я придумал первые

слова фразы, сообщаящей моей матери, что мое «увлечение» кончилось.

«Вы будете рады слышать, — начал я, — что время и перемена произвели свое действие».

Мисс Денрос написала эти слова и остановилась, ожидая следующей фразы. Свет исчезал и исчезал, комната становилась темнее и темнее. Я продолжал:

«Надеюсь, что я не стану более возбуждать ваше беспокойство, милая матушка, относительно мистрис Ван-Брандт».

В глубокой тишине я мог слышать даже скрип пера моего секретаря, быстро бегавшего по бумаге, когда оно писало эти слова.

— Написали вы? — спросил я, когда скрип пера прекратился.

— Написала, — ответила она своим обычным спокойным тоном.

Я опять продолжал диктовать письмо:

«Дни теперь проходят, а я редко или даже никогда не думаю о ней, надеюсь, что я, наконец, покорился потере мистрис Ван-Брандт».

Когда дошел до конца фразы, я услышал, что мисс Денрос слабо вскрикнула. Тотчас посмотрев на нее, я успел увидеть, что ее рука опустилась на спинку кресла. Первым моим побуждением, разумеется, было вскочить и подбежать к ней. Только что я встал, как вдруг какой-то неопределимый страх парализовал меня. Прислонившись к камину, я стоял, чувствуя себя неспособным сделать ни шага. Я мог только сделать усилие, чтобы заговорить.

— Вы больны? — спросил я.

Она смогла ответить мне, она говорила шепотом, не поднимая головы.

— Я испугалась, — сказала она.

— Что вас испугало?

Я почувствовал как она задрожала в темноте. Вместо того, чтобы ответить мне, она прошептала про себя:

— Что я ему скажу?

— Скажите мне, что вас испугало, — повторил я. — Вы знаете, что можете решиться сказать мне правду.

Она собралась с своими ослабевающими силами, она ответила мне такими странными словами:

— Что-то стало между мной и письмом, которое я писала для вас.

— Что такое?

— Не могу сказать вам.

— Смогли увидеть?

— Нет.

— Смогли почувствовать?

— Да!

— Какое испытали ощущение?

— Точно холодный воздух встал между мной и письмом.

— Было отворено окно?

— Окно крепко заперто.

— А дверь?

— Дверь также заперта — насколько я могу видеть.

Удостоверьтесь в этом сами. Где вы? Что вы делаете?

Я смотрел в окно. Когда она произнесла последние слова, я почувствовал перемену в этой части комнаты.

Между раздвинувшимися занавесами засиял новый свет — не тусклые, серые сумерки позднего вечера, а чистая и звездная лучезарность, бледный неземной свет. Пока я смотрел на него, звездная лучезарность заколыхалась, как будто ее зашевелил порыв воздуха. Когда опять все успокоилось, передо мной засияла неземным светом женская фигура. Постепенно она становилась все яснее. Я узнал эту благородную фигуру, я узнал эту грустную, нежную улыбку. Во второй раз я оказался в присутствии призрака мистрис Ван-Брандт.

Она была одета не так, как я видел ее в последний раз, а в платье, которое было на ней в тот достопамятный вечер, когда мы встретились на мосту, — в платье, в котором я увидел ее в первый раз у водопада в Шотландии. Звездный свет сиял вокруг нее как венец. Она смотрела на меня грустными и умоляющими глазами, как в то время, когда я видел ее призрак в беседке. Она подняла руку, не маня меня к себе, но словно делая мне знак остаться там, где я стоял.

Я ждал — чувствуя ужас, но не страх. Сердце мое все принадлежало ей, когда я смотрел на нее.

Она двигалась, скользя от окна к стулу, на котором сидела мисс Денрос, медленно обходя вокруг него, пока остановилась у спинки. При свете бледного сияния, окружавшего призрачное явление и двигавшегося вместе с ним, я мог видеть темную фигуру живой женщины, сидевшей неподвижно на стуле. Письменная шкатулка стояла на ее коленях, письмо и перо лежали на шкатулке, руки висели

по бокам, голова под вуалью была теперь наклонена вперед. Она имела такой вид, как будто превратилась в камень в то время, когда хотела встать со своего места.

Прошла минута — и я увидел, как призрачное явление наклонилось над живой женщиной. Оно подняло письменную шкатулку с ее колен. Оно положило письменную шкатулку на ее плечо. Белые пальцы взяли перо и написали на неоконченном письме. Оно положило письменную шкатулку обратно на колени живой женщины. Все еще стоя за стулом, оно обернулось ко мне. Оно посмотрело на меня опять. Теперь оно манило меня — манило приблизиться. Двигаясь бессознательно, как я двигался, когда увидел ее первый раз в беседке, влекомый ближе и ближе непреодолимой силой, я приблизился и остановился за несколько шагов от нее. Оно подошло и положило руку на мою грудь. Опять я почувствовал те странно смешанные ощущения восторга и ужаса, которые наполняли меня, когда я сознавал ее духовное прикосновение. Опять оно заговорило тихим, мелодичным голосом, который я помнил так хорошо. Опять оно сказало эти слова: «Помните обо мне. Придите ко мне». Оно отняла свою руку от моей груди. Бледный свет, в котором оно стояло, заколебался, побледнел, исчез. Я увидел сумерки, мелькавшие между занавесями, — и не видел ничего больше. Оно сказало. Оно исчезло.

Я стоял возле мисс Денрос довольно близко, протянул руку и дотронулся до нее.

Она вздрогнула и задрожала, как женщина, внезапно проснувшаяся от страшного сна.

— Говорите со мной! — шепнула она. — Дайте мне знать, что вы дотронулись до меня!

Я сказал несколько успокоительных слов, прежде чем Спросил ее:

— Видели вы что-нибудь в комнате?

Она отвечала:

— Мною овладел страшный испуг. Я не видела ничего, кроме того, что письменная шкатулка была поднята с моих колен.

— Видели вы руку, которая приподняла ее?

— Нет.

— Видели вы звездный свет и фигуру, стоявшую в нем?

— Нет.

— Видели вы письменную шкатулку после того, как она была поднята с ваших колен?

— Я видела, как она была положена на мое плечо.

— Видели вы написанное на вашем письме не вами?

— Я видела на бумаге тень темнее той тени, в которой я сидела.

— Она двигалась?

— Двигалась по бумаге.

— Как передвигается, когда пишешь?

— Да, как передвигается, когда пишешь.

— Могу я взять письмо?

Она подала его мне.

— Могу я зажечь свечу?

Она плотнее закуталась вуалью и молча наклонила голову.

Я зажег свечу на камине и посмотрел написанное.

Там, на пустом пространстве письма, так же, как я видел на пустом пространстве альбома, были написаны слова, которые оставило после себя призрачное явление. Опять в две строки, как я записываю их здесь:

В конце месяца.

Под тенью Св. Павла.

Глава XXIII

ПОЦЕЛУЙ

Я снова был ей нужен. Она опять звала меня к себе. Я почувствовал всю свою старую любовь, всю свою старую преданность, показывавшие опять всю ее власть надо мной. Все, что раздражало и сердило меня в наше последнее свидание, было теперь забыто и прощено. Все мое существо трепетало от ужаса и восторга при взгляде на видение, явившееся мне во второй раз. Минуты проходили, я стоял у камина как околдованный, думая только о сказанных ею словах: «Помните обо мне. Придите ко мне», смотря только на ее мистические письма: «В конце месяца. Под тенью Св. Павла».

Конец месяца был еще далек. Ее призрак явился мне в предвидении неприятностей, еще предстоявших в будущем. Достаточно было еще времени для путешествия, которому я посвящал себя, — путешествия под тень Св. Павла.

Другие люди в моем положении могли бы заколебаться относительно того места, куда звали их. Другие люди могли бы напрягать свою память, припоминая церкви, учреждения, улицы, города за границей, посвященные христианским благоговением имени великого апостола, и безуспешно спрашивали бы себя, куда им следовало направить свои шаги. Такое затруднение не волновало меня. Мое первое заключение было единственным заключением, допускаемым моими мыслями. «Св. Павел» означал знаменитый лондонский собор. Где падала тень великого собора, там в конце месяца я найду мистрис Ван-Брандт или ее следы. Опять в Лондоне, а не в другом месте, предназначено мне было увидеть женщину, которую я любил, конечно, живую, такой, как видел ее в призрачном явлении.

Кто мог истолковать таинственную близость, еще соединявшую нас, несмотря на расстояние, несмотря на время? Кто мог предсказать, какой окажется наша жизнь в предстоящие годы?

Эти вопросы еще возникали в моих мыслях, мои глаза были еще устремлены на таинственные письма, когда я инстинктивно почувствовал странную перемену в комнате. Вдруг забытое сознание о

присутствии мисс Денрос вернулось ко мне. Пораженный упреками совести, я вздрогнул и повернулся взглянуть на стул у окна.

Стул был пуст. Я был в комнате один.

Почему она оставила меня незаметно, не сказав ни слова на прощание? Не потому ли, что она страдала душевно или телесно? Или потому, что сердилась, сердилась весьма естественно, на мое невнимание?

Одно подозрение, что я огорчил ее, было нестерпимо для меня. Я позвонил, чтобы спросить о мисс Денрос.

На звон колокольчика явился не молчаливый слуга Питер, как обыкновенно, а женщина средних лет, очень степенно и опрятно одетая, которую я два раза встречал в комнатах, но настоящего положения которой в доме еще не знал.

— Вы желаете видеть Питера? — спросила она.

— Нет, я желаю знать, где мисс Денрос.

— Мисс Денрос в своей комнате. Она послала меня с этим письмом.

Я взял письмо, удивляясь и тревожась. Первый раз мисс Денрос общалась со мной таким церемонным образом.

Я старался разузнать что-нибудь, расспрашивая ее посланную.

— Вы горничная мисс Денрос? — спросил я.

— Я давно служу у мисс Денрос, — был ответ, сказанный очень нелюбезно.

— Вы думаете, что она примет меня, если я дам вам поручение к ней?

— Не могу знать, сэр. Может быть, письмо скажет вам.

Вам лучше прочесть письмо.

Мы посмотрели друг на друга. Очевидно, я произвел на эту женщину неблагоприятное впечатление. Неужели я в самом деле огорчил или оскорбил мисс Денрос? И неужели служанка, может быть, верная служанка, любившая ее, — узнала и сердилась на это? Эта женщина хмурилась, смотря на меня. Расспрашивать ее значило бы напрасно тратить слова. Я не удерживал ее.

Оставшись опять один, я прочел письмо. Оно начиналось без всякого предисловия такими строками:

"Я пишу, вместо того чтобы говорить с вами, потому что мое самообладание уже подвергалось сильному испытанию, а я недостаточно сильна, чтобы переносить более. Для моего отца, не для себя — я должна беречь, сколько могу, то слабое здоровье, которое осталось у меня.

Обдумывая то, что вы сказали мне о призрачном существе, которое вы видели в беседке в Шотландии, и то, что вы сказали, когда спросили меня в вашей комнате несколько минут тому назад, я не могу не заключить, что то же самое видение явилось вам во второй раз. Страх, который я почувствовала, странные вещи, которые я видела (или которые мне представились), могли быть смутными отражениями в моей душе того, что происходило в вашей. Я не спрашиваю себя, не жертвы ли мы оба обманчивой мечты, или не выбраны ли мы поверенными сверхъестественного явления. В том и другом случае для меня достаточно результата. Вы опять находитесь под влиянием мистрис Ван-Брандт. Не могу решиться сказать о беспокойствах и предчувствиях, которые тяготят меня. Я только сознаю, что моя единственная надежда относительно вас состоит в вашем быстром соединении с более достойным предметом вашего постоянства и преданности. Я еще верю и нахожу в том утешение, что вы встретитесь с предметом вашей первой любви.

Написав это, я оставляю этот вопрос, и не вернусь более к нему, разве только в своих собственных мыслях.

Необходимые приготовления для вашего отъезда завтра все сделаны. Мне остается только пожелать вам благополучного и приятного путешествия домой. Умоляю вас, не считайте меня нечувствительной к тому, чем я вам обязана, если прощусь с вами здесь.

Небольшие услуги, которые вы позволили мне оказать вам, озарили радостью последние дни моей жизни. Вы оставили мне сокровищницу счастливых воспоминаний, которые я буду беречь, как скряга. Хотите прибавить новое право на мое признательное воспоминание? Я попрошу У вас последней милости — не старайтесь увидеться со мной! Не ожидайте, чтобы я простилась с вами! Самое печальное слово — «Прощайте», у меня достаёт только сил написать его — не более. Господь да сохранит вас и осчастливит! Прощайте!

Еще одна просьба. Я прошу, чтобы вы не забыли обещанного мне, когда я рассказала вам о моей сумасбродной фантазии, о зеленом флаге. Куда бы вы ни ездили, пусть вещь, подаренная вам на память Мери, находится с вами. Письменного ответа не надо — я предпочитаю не получать его. Поднимите глаза, когда выйдете завтра из дома, на среднее окно над дверью — это будет достаточным ответом".

Сказать, что эти грустные строки вызвали слезы на мои глаза, значило бы только сознаться, что и мое сочувствие можно было затронуть. Когда ко мне в некоторой степени вернулось спокойствие, желание написать к мисс Денрос было так сильно, что я не мог устоять против него. Я не беспокоил ее длинным письмом — я только умолял ее передумать о своем решении со всей убедительностью, к какой только был способен. Ответ был принесен служанкой мисс Денрос и состоял в одном решительном слове: «Нельзя».

На этот раз женщина сказала сурово, прежде чем оставила меня.

— Если вы хоть сколько-нибудь заботитесь о моей барышне — не заставляйте ее писать.

Она посмотрела на меня с нахмуренными бровями и вышла из комнаты.

Бесполезно говорить, что слова верной служанки только увеличили мое желание еще раз увидеть мисс Денрос, прежде чем мы расстанемся, — может быть, навсегда. Моей единственной надеждой на успех достижения этой цели было вмешательство ее отца.

Я послал Питера спросить, можно ли мне вечером засвидетельствовать мое уважение его барину. Посланный вернулся с ответом, который был для меня новым разочарованием. Мистер Денрос просил меня извинить его, если он отложит предлагаемое свидание до утра моего отъезда. Следующее утро было утром моего отъезда. Не значило ли это, что он не желал видеть меня до той поры, как придет время проститься с ним? Я спросил Питера, не занят ли чем-нибудь особенным его барин в этот вечер. Он не успел сказать мне. Книжный Мастер, против обыкновения, не находился в своем кабинете. Когда посылал ко мне с этим поручением, он сидел на диване в комнате своей дочери.

Ответив в этих выражениях, слуга оставил меня одного до следующего утра. Не желаю самому злему моему врагу проводить время так печально, как провел я последний вечер моего пребывания в доме мистера Денроса.

Расхаживая до усталости взад и вперед по комнате, я вздумал отвлечь себя от грустных мыслей, тяготивших меня, чтением. Единственная свеча, которую я зажег, недостаточно освещала комнату. Подойдя к камину зажечь вторую свечу, стоявшую тут, я заприметил неоконченное письмо к моей матери, лежавшее там, где я положил его, когда служанка мисс Денрос в первый раз явилась ко мне. Я зажег вторую свечу и взял письмо, чтобы положить его между другими бумагами. Сделав это (между тем как мои мысли еще были заняты мисс Денрос), я машинально взглянул на письмо — и тотчас увидел в нем перемену.

Слова, написанные рукой призрака, исчезли! Под последними строками, написанными рукой мисс Денрос, глаза мои видели только белую бумагу!

Моим первым побуждением было посмотреть на свои часы.

Когда призрак у водопада написал в моем альбоме, слова исчезли через три часа. Теперь, насколько я мог рассчитать, слова исчезли через час.

Обращаясь к разговору, который я имел с мистрис Ван-Брандт, когда мы встретились у источника Святого Антония, и к открытиям, последовавшим в позднейший период моей жизни, я могу только повторить, что с ней опять случился припадок или сон, когда ее призрак явился мне во второй раз. Как и прежде, она вполне положила на меня и прямо обратилась ко мне в своем бессознательном состоянии с просьбой помочь ей, когда ее душа могла не стесняясь общаться с моей душой.

Когда она пришла в себя через час, она, видимо, опять устыдилась той фамильярности, с которой обращалась со мной во сне, опять бессознательно уничтожила своей волей наяву влияние своей воли во сне и, таким образом, заставила письма опять исчезнуть через час после той минуты, когда перо начертало (или, как казалось, начертало) их.

Это единственное объяснение, которое я могу предложить. В то время, когда случилось это происшествие, я еще не пользовался

полным доверием мистрис Ван-Брандт и, конечно, не был способен как бы то ни было, справедливо или ошибочно, разрешить эту тайну. Я мог только спрятать письмо, смутно сомневаясь, не обманули ли меня мои собственные чувства. После печальных мыслей, вызванных в душе моей письмом мисс Денрос, я не был расположен заниматься различными догадками для отыскания ключа к тайне исчезнувших писем. Мои нервы были расшатаны, я испытывал сильное недовольство собой и другими.

«Куда бы я ни отправлялся», думал я нетерпеливо, — а тревожное влияние женщин, кажется, единственное влияние, которое мне суждено чувствовать".

Когда я все еще ходил взад и вперед по комнате, бесполезно было стараться обратить теперь мое внимание на книгу, мне представлялось, что я понимаю причины, заставляющие таких молодых людей, как я, удаляться до конца жизни в монастырь. Я отдернул занавес и выглянул в окно. Мне бросилась в глаза только темнота, которой было окутано озеро. Я не мог видеть ничего, не мог делать ничего, не мог думать ни о чем. Мне ничего больше не оставалось, как постараться заснуть. Мои познания в медицине ясно говорили мне, что нормальный сон в моем нервном состоянии был недостижимой роскошью в эту ночь. Аптечка, которую мистер Денрос оставил в моем распоряжении, находилась в комнате. Я приготовил для себя крепкое снотворное и скоро нашел убежище от своих неприятностей в постели.

Особенность многих снотворных лекарств состоит в том, что они не только действуют совершенно различным образом на различные организмы, но что даже нельзя положиться и на то, чтобы они действовали одинаково на одного и того же человека. Я позаботился потушить свечи, прежде чем лег в постель. При обычных обстоятельствах, после того как я спокойно пролежал в темноте полчаса, лекарство, принятое мной, вызвало бы у меня сон. В настоящем положении моей нервной системы это лекарство только привело меня в отупление, и больше ничего.

Час за часом лежал я совершенно неподвижно, зажмурив глаза, не то во сне, не то наяву, в состоянии очень напоминающем обычный сон собаки. Когда ночь уже уходила, мои веки так отяжелели, что мне было буквально невозможно раскрыть их — такое сильное изнеможение овладело всеми моими мускулами, что я не мог пошевелиться на моем

изголовье, лежал как труп. А между тем в этом сонном состоянии мое воображение могло лениво предаваться приятным мыслям. Слух сделался так тонок, что улавливал самое слабое веяние ночного ветерка, шелестевшего тростником на озере. В моей спальне я еще больше стал чувствителен к тому причудливому ночному шуму, присутствовавшему в комнате, к падению внезапно погаснувшего угля в камине, столь знакомого плохо спящим людям, столь пугающего раздраженные нервы!

С точки зрения науки это будет не правильным заявлением, но я в точности опишу мое состояние в ту ночь, если скажу, что одна половина моего существа спала, а другая бодрствовала.

Сколько часов прошло до момента, когда мой раздраженный слух уловил новый звук в комнате, я сказать не могу. Я могу только рассказать, что вдруг стал внимательно прислушиваться с крепко зажмуренными глазами. Звук, потревоживший меня, был чрезвычайно слабый звук, как будто что-то мягкое и легкое медленно проходило по ковру и задевало его чуть слышно.

Мало-помалу звук приближался к моей постели и вдруг остановился, как мне казалось, около меня.

Я все лежал неподвижно, с зажмуренными глазами, сонно ожидая следующего звука, который может долететь до моих ушей, сонно довольный тишиной, если тишина продолжится. Мои мысли (если это можно назвать мыслями) вернулись обратно к своему прежнему течению, когда я вдруг почувствовал нежное дыхание надо мной. Через минуту я почувствовал прикосновение к моему лбу — легкое, нежное, дрожащее, подобно прикосновению губ, поцеловавших меня. Наступила минутная пауза, потом легкий вздох услышал в тишине. Потом я опять услышал тихий, слабый звук чего-то шелестевшего по ковру, на этот раз удалявшегося от моей постели, и так быстро, что в одно мгновение этот звук исчез в ночной тишине.

Все еще в оцепенении от принятого лекарства, я мог только спрашивать себя, что случилось, а больше ничего сделать не мог. Действительно ли чьи-то нежные губы коснулись меня? Действительно ли звук, слышанный мной, был вздох? Или все это было бредом, начавшимся и кончившимся сном? Время проходило, а я не решил и даже не заботился о том, чтобы решить эти вопросы. Постепенно успокаивающее влияние лекарства начало, наконец,

оказывать свое действие на мой мозг. Как будто облако закрыло мои последние впечатления наяву. Одна за одной, все связи, связывавшие меня с сознательной жизнью, тихо порвались. Я спокойно заснул совсем.

Вскоре после восхода солнца я проснулся. Когда память вернулась ко мне, моим первым ясным воспоминанием было воспоминание о нежном дыхании, которое я чувствовал над собою, потом прикосновение к моему лбу и вздох, который я услышал после этого. Возможно ли, чтобы кто-нибудь входил в мою комнату ночью? Это было очень возможно. Я двери не запер — никогда не имел привычки запира́ть дверь во время моего пребывания в доме мистера Денроса.

Подумав об этом, я встал, чтобы осмотреть комнату.

Никаких открытий не сделал, пока не дошел до двери. Хотя я и не запер ее на ночь, но, однако, помнил, что она была затворена, когда я лег в постель. Теперь она была полуотворена. Не отворилась ли она сама оттого, что была не совсем притворена? Или тот, кто входил и ушел, забыл ее затворить?

Случайно посмотрев вниз, пока прикидывал эти версии, я заметил небольшой черный лоскуток на ковре возле самой двери внутри комнаты. Я поднял этот лоскуток и увидел, что это оторванный кусочек черного кружева.

Как только я увидел этот лоскуток, я вспомнил длинную черную вуаль, висевшую ниже пояса, которую мисс Денрос имела привычку носить. Не шелест ли ее платья по ковру слышал я, не ее ли губы коснулись моего лба, не ее ли вздох раздался в тишине? Не в тишине ли ночной простилось со мной в последний раз это несчастное и благородное существо, положась относительно сохранения своей тайны на обманчивую наружность, убеждавшую ее, что я сплю? Я опять посмотрел на лоскуток черного кружева. Ее длинная вуаль легко могла зацепиться и разорваться о ключ в замке двери, когда она быстро выходила из моей комнаты.

Печально и благоговейно положил я лоскуток кружева между драгоценностями, которые привез из дома. Я дал обет, что до конца жизни ее не потревожит сомнение, что ее тайна навсегда скрыта в ее собственной груди. Как горячо ни желал я пожать ее руку на прощанье, я теперь решил не предпринимать новых усилий, чтобы увидиться с ней. Может быть, я не совладаю со своим собственным волнением,

может быть, что-нибудь в моем лице или обращении выдаст меня ее быстрой и тонкой проницательности. Зная то, что я теперь знал, я мог принести ей последнюю жертву и повиноваться ее желаниям. Я принес жертву.

Через час Питер доложил мне, что пони у дверей и что сам барин ждет меня в передней.

Я заметил, что мистер Денрос подал мне руку, не смотря на меня. Его поблекшие голубые глаза в те немногие минуты, пока мы находились вместе, были потуплены.

— Да пошлет вам Господь благополучного пути, сэр, и благополучного возвращения домой! — сказал он. — Прошу вас простить меня, если я не провожу вас хоть несколько миль. Некоторые причины принуждают меня оставаться дома с моей дочерью.

Он был чрезвычайно, даже тягостно вежлив, но в его обращении было что-то такое в первый раз с тех пор, как я его знал, что как будто показывало желание держать меня поодаль. Зная полное понимание и совершенное доверие, существовавшие между отцом и дочерью, я почувствовал сомнение, было ли тайной для мистера Денроса событие прошлой ночи. Его следующие слова разрешили это сомнение и открыли мне правду.

Благодаря его за добрые пожелания, я пытался также выразить ему (и через него мисс Денрос) мою искреннюю признательность за доброту, которой я пользовался в его доме. Он остановил меня вежливо и решительно, говоря тем странным и точным, отборным языком, который я заметил у него при нашем первом свидании.

— Вы властны, сэр, — сказал он, — отплатить за всякое одолжение, которое, по вашему мнению, вы получили в моем доме. Если вам будет угодно считать ваше пребывание здесь незначительным эпизодом вашей жизни, который закончится — закончится положительно, с вашим отъездом, вы более чем вознаградите меня за всю доброту, какой могли пользоваться как мой гость. Я говорю это из чувства долга, который обязывает меня отдать справедливость вам как джентльмену и честному человеку. Взамен я могу только надеяться, что вы не перетолкуете в дурную сторону те причины, если я не объяснюсь подробнее.

Слабый румянец вспыхнул на его бледных щеках. Он ждал с какой-то гордой решимостью моего ответа. Я уважил ее тайну, уважил

больше прежнего перед ее отцом.

— После всего, чем я вам обязан, сэръ, ваши желания служат для меня законом.

Сказав это и больше ничего, я поклонился ему с чрезвычайным уважением и вышел из дома.

Сев на пони у дверей, я посмотрел на среднее окно, как она велела мне. Окно было отворено, но темные занавеси, старательно задернутые, не пропускали света в комнату. При шуме копыт пони по шероховатой дороге острова, когда лошадь двинулась, занавеси раздвинулись только на несколько дюймов. В отверстии между темных занавесок появилась исхудалая, белая рука, слабо махнула в знак последнего прощания и исчезла из моих глаз навсегда. Занавеси опять задернулись на ее мрачную и одинокую жизнь. Унылый ветер затянул свою длинную, тихую, печальную песню над струистой водой озера. Пони заняли места на пароме, который перевозит людей и животных с острова и на остров. Медленными и правильными ударами весел паромщики перевезли нас на твердую землю и простились. Я оглянулся на видневшийся в отдалении дом. Я подумал о ней, терпеливо ожидающей смерти в темной комнате. Жгучие слезы ослепили меня. Проводник взял повод моего пони в свою руку.

— Вы нездоровы, сэръ, — сказал он, — я буду править пони.

Когда я опять посмотрел на местность, окружавшую меня, мы уже спустились ниже. Дом и озеро не было видно больше.

Глава XXIV

В ТЕНИ СВ. ПАВЛА

Через десять дней я был опять дома — в объятиях моей матери.

Я весьма неохотно оставил ее для путешествия по морю, потому что она была слабого здоровья. Возвратившись, я с огорчением заметил перемену к худшему, к которой не приготовили меня письма матушки. Посоветовавшись с нашим доктором и другом, мистером Мек-Глю, я узнал, что он также заметил расстройство здоровья матушки, но приписывал его причине легко устранимой — шотландскому климату. Детство и молодость матушки протекли на южных берегах Англии. Перемена на суровый, холодный климат была слишком тяжела для женщины ее здоровья и возраста. По мнению мистера Мек-Глю, благоразумнее всего было бы вернуться на юг до осени и провести наступающую зиму в Пензансе или Торквее.

Решившись явиться на таинственное свидание, призывавшее меня в Лондон в конце месяца, я со своей стороны не возражал предложению мистера Мек-Глю. По моему мнению, таким образом я избавлялся от необходимости второй раз расставаться с матушкой — если только она одобрит совет доктора. Я сказал ей об этом в тот же день. К моему величайшему удовольствию, она не только согласилась, но даже обрадовалась поездке на юг. Время года было необыкновенно дождливое даже для Шотландии, и матушка неохотно созналась, что «чувствует влечение» к теплему воздуху и приятному солнцу девонширского берега.

Мы решились путешествовать в нашем спокойном экипаже на почтовых лошадях, разумеется, останавливаясь ночевать в придорожных гостиницах. В то время, когда не было еще железных дорог, не так-то легко было путешествовать больному из Пертшира в Лондон — даже в легком экипаже с упряжкой в четыре лошади. Рассчитав продолжительность пути со дня нашего отъезда, я увидел, что мы только что успеем приехать в Лондон в последний день месяца.

Я ничего не скажу о тайном беспокойстве, тяготившем мою душу. К счастью, матушка хорошо выдержала переезд. Легкий и (как мы тогда думали) быстрый способ путешествия оказал благотворное

влияние на ее нервы. Она спала лучше, чем дома, когда мы останавливались ночевать. Раза два были задержки в дороге, поэтому мы приехали в Лондон в три часа пополудни в последний день месяца. Вовремя ли поспел я?

Так, как я понял написанное призраком, то в моем распоряжении оставалось еще несколько часов. Фраза «в конце месяца» означала, как я понимал ее, последний час последнего дня этого месяца. Если я стану под «тенью святого Павла» в десять часов, то буду иметь на месте свидания два часа в запасе, прежде чем последний удар часов возвестит начало нового месяца.

В половине десятого я оставил матушку отдыхать после продолжительного путешествия и потихоньку вышел из дома. Еще не было десяти часов, а я уже стоял на своем посту. Ночь была прекрасная, светлая, и громадная тень собора ясно обозначала границы, в которых мне приказано было ждать дальнейшего развития событий.

Большие часы на соборе святого Павла пробили десять — и не случилось ничего.

Следующий час тянулся очень медленно. Я ходил взад и вперед, некоторое время погруженный в свои мысли, а затем следя за постепенным уменьшением числа прохожих по мере того, как надвигалась ночь. Сити (так называется эта часть города) самая многолюдная в Лондоне днем, но ночью, когда она перестает быть центром торговли, ее суетливое народонаселение исчезает и пустые улицы принимают вид отдаленного и пустынного квартала столицы.

Когда пробило половину одиннадцатого, потом три четверти, потом одиннадцать часов, мостовая становилась все пустынее и пустынее. Теперь я мог считать прохожих по-двое и по-трое, мог видеть, как места публичных увеселений начинали уже запираяться на ночь.

Я посмотрел на часы: было десять минут двенадцатого. В этот час мог ли я надеяться встретить мистрис Ван-Брандт одну на улице?

Чем больше я думал об этом, тем нереальней мне это казалось. Всего вероятнее было то, что я встречу ее в сопровождении какого-нибудь друга, а может быть, даже самого Ван-Брандта. Я спрашивал себя, сохраню ли самообладание во второй раз в присутствии этого человека.

Пока мои мысли еще устремлялись по этому направлению, мое внимание было привлечено грустным голоском, задавшим мне странный вопрос:

— Позвольте спросить, сэр, не знаете ли вы, где я могу найти открытую аптеку в такое позднее время?

Я оглянулся и увидел бедно одетого мальчика с корзинкой и с бумажкой в руке.

— Аптеки все теперь заперты, — сказал я, — а если вам нужно лекарство, то вы должны позвонить в ночной колокольчик.

— Не смею, сэр, — ответил маленький посланец, — я такой маленький мальчик и боюсь, что меня прибьют, если я заставлю встать с постели, если никто не замолвит за меня слово.

Мальчик посмотрел на меня при фонаре с таким печальным опасением быть прибитым, что я не мог устоять от желания помочь ему.

— Кто-нибудь опасно болен? — спросил я.

— Не знаю, сэр.

— У вас рецепт?

— Вот у меня что.

Я взял бумажку и посмотрел. Это был обыкновенный рецепт крепительного лекарства. Я посмотрел на подпись доктора, это было имя совершенно неизвестное. Под ним стояло имя больной, для которой было выписано лекарство. Я вздрогнул, когда прочел. Это было имя мистрис Бранд.

Мне тотчас пришло в голову, что англичанин так написал иностранное Ван-Брандт.

— Вы знаете даму, которая послала вас за лекарством? — спросил я.

— О! Я знаю ее, сэр. Она живет у моей матери и должна за квартиру. Я сделал все, что она приказала мне, только лекарства достать не мог. Я заложил ее перстень, купил хлеба, масла и яиц и сдачи получил. Матушка из этой сдачи хочет взять за квартиру. Я не виноват, что заблудился. Мне только десять лет — и все аптеки заперты!

Тут чувство незаслуженной обиды победило моего маленького друга, и он расплакался.

— Не плачьте, — сказал я. — Я вам помогу. Но прежде расскажите мне об этой даме. Одна она?

— С ней ее девочка.

Биение моего сердца участилось. Ответ мальчика напомнил мне о той девочке, которую видела моя мать.

— Муж этой дамы с ней? — спросил я потом.

— Нет, сэр, теперь нет. Он был с ней, но уехал и еще не возвратился.

Я наконец задал последний решительный вопрос.

— Муж ее англичанин? — спросил я.

— Матушка говорит, что он иностранец, — отвечал мальчик.

Я отвернулся, чтобы скрыть свое волнение. Даже ребенок мог заметить его.

Будучи известна под именем «мистрис Бранд», бедная, такая бедная, что принуждена была заложить свой перстень, брошенная человеком, который был в нашей стране иностранец, оставшаяся одна с своей девочкой — не попал ли я на след мистрис Ван-Брандт в эту минуту? Не предназначено ли этому заблудившемуся ребенку, быть невинным орудием, которое сведет меня с любимой женщиной, в то самое время, когда она больше всего нуждается в сочувствии и помощи? Чем больше я думал об этом, тем больше укреплялось мое намерение отправиться с мальчиком в дом, в котором жила постоянщица его матери. Часы пробили четверть двенадцатого. Если мои ожидания обманут меня, у меня все-таки еще оставалось три четверти часа, прежде чем кончится месяц.

— Где вы живете? — спросил я.

Мальчик назвал улицу, название которой я тогда услышал в первый раз. Он мог только сказать, когда я стал расспрашивать подробнее, что он живет возле реки, а на каком берегу, он не мог сказать мне оттого, что совсем сбился с толку от испуга.

Когда мы еще старались понять друг друга, недалеко проезжал кеб. Я окликнул извозчика и назвал ему улицу. Он знал ее очень хорошо. Улица эта отстояла от нас за целую милю в восточном направлении. Он взялся отвезти меня туда и обратно к собору святого Павла (если окажется необходимым) менее чем за двадцать минут. Я отворил дверцу кеба и велел садиться моему маленькому другу. Мальчик колебался.

— Позвольте спросить, мы едем в аптеку, сэр? — сказал он.

— Нет. Ты едешь прежде домой со мной.

Мальчик опять заплакал.

— Матушка побьет меня, сэр, если я вернусь без лекарства.

— Я позабочусь, чтобы твоя мать не побила тебя. Я сам доктор и хочу видеть эту даму прежде, чем мы купим лекарство.

Объявление моей профессии, по-видимому, внушило мальчику некоторое доверие, но он все-таки не показывал желания ехать со мной к матери.

— Вы хотите получить плату с этой дамы? — спросил он. — Я ведь выручил за перстень немного. Матушка хочет взять эти деньги за квартиру.

— Я не возьму ничего, — ответил я.

Мальчик тотчас сел в кеб.

— Ну, пожалуй, — сказал он, — только бы матушка получила свои деньги.

Увы, бедные люди!

Воспитание ребенка в отношении треволнений жизни уже было закончено в десятилетнем возрасте!

Мы поехали.

Глава XXV

Я ДЕРЖУ СЛОВО

Бедная темная улица, когда мы поехали по ней, грязный и ветхий деревянный дом, когда мы остановились у двери, предупредили бы многих в моем положении, что они должны приготовиться к неприятному открытию, когда войдут внутрь жилища. Первое впечатление, которое это место произвело на меня, состояло, напротив, в том, что ответы мальчика на мои вопросы сбили меня с толку. Просто было невозможно соединить мистрис Ван-Брандт (как я помнил ее) с картиной бедности, с которой я столкнулся теперь. Я позвонил в колокольчик у дверей, будучи уверен заранее, что мои розыски не приведут ни к чему.

Когда я поднимал руку к колокольчику, страх перед побоями охватил мальчика с новой силой. Он спрятался за меня, а когда я спросил, что с ним, он ответил шепотом:

— Пожалуйста, станьте между нами, сэр, когда матушка отворит дверь!

Высокая, свирепой наружности женщина отворила дверь. Ни в каких представлениях не было надобности.

Держа в руке палку, она сама объявила себя матерью моего маленького приятеля.

— А я думала, что это мой негодный сынишка, — объяснила она, извиняясь за палку. — Он послан с поручением уже два часа тому назад. Что вам угодно, сэр?

Я заступился за несчастного мальчика, прежде чем объяснил мое дело.

— Я должен просить вас простить вашего сына на этот раз, — сказал я, — я нашел его заблудившимся на улице и привез его домой.

От удивления женщина, когда она услышала, что я сделал, и увидела сына позади меня, буквально онемела. Глаза, заменившие на этот раз язык, прямо обнаруживали впечатление, которое я произвел на нее.

— Вы привезли домой моего заблудившегося мальчишку в кебе? Господин незнакомец, вы сумасшедший.

— Я слышал, что у вас в доме живет дама по имени Бранд, — продолжал я. — Я, может быть, ошибаюсь, считая ее моей знакомой. Но мне хотелось бы удостовериться, прав я или нет. Не поздно потревожить вашу жилищу сегодня?

К женщине возвратился дар речи.

— Моя жилища не спит и ждет этого дурака, который до сих пор не умеет найти дорогу в Лондоне!

Она подкрепила эти слова, погрозив кулаком сыну, который тотчас вернулся в свое убежище за фалдами моего сюртука.

— С тобой ли деньги? — спросила эта страшная особа, крича на своего прятавшегося наследника через мое плечо. — Или ты и деньги потерял, дурак?

Мальчик подошел и вложил деньги в руку матери. Она сосчитала их, явно удостовериваясь глазами, что каждая монета была настоящая серебряная, потом отчасти успокоилась.

— Ступай навверх, — заворчала она, обращаясь к сыну, — и не заставляй эту даму больше ждать. Она умирает с голоду со своим ребенком, — продолжала женщина, обращаясь ко мне. — Еда, которую мой мальчик принес им в корзине, будет первой, которую мать отведаст сегодня. Она заложила все, и что она сделает, если вы не поможете ей, уж этого я не могу сказать. Доктор делает что может, но он сказал мне сегодня, что если не будет у нее лучшей еды, то нет никакой пользы посылать за ним. Ступайте за мальчиком, и сами посмотрите, та ли это дама, которую вы знаете. Я слушал эту женщину, все больше убеждаясь, что приехал в ее дом под влиянием обманчивой мечты. Как было возможно соединить очаровательный предмет обожания моего сердца с жалким рассказом о лишениях, который я сейчас выслушал? Я остановил мальчика на первой лестничной площадке и приказал ему доложить обо мне просто как о докторе, услышавшем о болезни мистрис Бранд и приехавшем навестить ее.

Мы поднялись на вторую лестничную площадку, а затем и на третью. Дойдя до самого верха, мальчик постучался в дверь, ближайшую к нам на площадке. Никто не отвечал. Он отворил дверь без церемоний и вошел. Я ждал за дверью, слушая, что за ней говорили. Дверь осталась полуотворенной. Если голос «мистрис Бранд» окажется мне незнаком (как я думал), я решился предложить ей

деликатно такую помощь, какой мог располагать, и вернуться к моему посту под «тенью св. Павла».

Первый голос, заговоривший с мальчиком, был голос ребенка.

— Я так голодна, Джеми, я так голодна!

— Я вам принес покушать, мисс.

— Поскорее, Джеми, поскорее!

Наступило минутное молчание, а потом я опять услышал голос мальчика:

— Вот ломтик хлеба с маслом, мисс. А яичко подождите, пока я сварю. Не торопитесь глотать, подавитесь. Что такое с вашей мамой? Вы спите, сударыня?

Я едва мог слышать ответ — голос был так слаб, и он произнес только одно слово:

— Нет!

Мальчик заговорил опять:

— Ободритесь, сударыня. Доктор ждет за дверью. Он желает видеть вас.

На этот раз я ответа не слышал. Мальчик показался мне в дверях.

— Пожалуйте, сэр! Я ничего не могу добиться от нее.

Не решаться дальше войти в комнату было бы неуместной деликатностью. Я вошел.

На противоположном конце жалко мебелированной спальни, в старом кресле лежало одно из тысячи покинутых существ, умиравших с голода в эту ночь в, большом городе. Белый носовой платок лежал на ее лице, как бы защищая его от пламени камина. Она подняла носовой платок, испуганная шумом моих шагов, когда я вошел в комнату. Я посмотрел на нее и узнал в бледном, исхудалом, помертвелом лице — лицо любимой мной женщины!

С минуту ужас открытия заставил меня побледнеть и почувствовать головокружение. Еще через минуту я стоял на коленях возле ее кресла. Моя рука обвилась вокруг нее — ее голова лежала на моем плече. Она не могла уже говорить, не могла плакать — она молча дрожала, и только. Я не говорил ничего. Слова не срывались с моих губ, слез не было, чтобы облегчить меня. Я прижимал ее к себе, она прижимала меня к себе. Девочка, жадно евшая хлеб с маслом за круглым столиком, смотрела на нас, вытаращив глаза. Мальчик, стоя на коленях перед камином и поправляя огонь, смотрел на нас,

вытаращив глаза. А минуты тянулись медленно, и жужжание мухи в углу было единственным звуком в комнате.

Скорее инстинкт той профессии, которой я был обучен, чем ясное понимание ужасного положения, в которое я был поставлен, пробудили меня наконец. Она умирала с голода! Я определил это по мертвенному цвету ее кожи, я почувствовал это по слабому и учащенному биению ее пульса. Я позвал мальчика и послал его в ближайший трактир за вином и бисквитами.

— Проворнее, — сказал я, — и у тебя будет так много денег, как еще не бывало никогда!

Мальчик посмотрел на меня, хлопнул по деньгам, лежавшим на руке его, сказал: "Вот счастье-то!" и выбежал из комнаты так быстро, как, видимо, никогда еще никакой мальчик не бегал.

Я повернулся, чтобы сказать несколько первых слов утешения матери девочки. Крик ребенка остановил меня.

— Как я голодна! Как я голодна!

Я дал еще еды голодной девочке и поцеловал ее. Она подняла на меня удивленные глаза.

— Вы новый папа? — спросила девочка. — Мой другой папа никогда меня не целует.

Я взглянул на мать. Глаза ее были закрыты, слезы медленно текли по ее исхудалым щекам. Я взял ее слабую руку.

— Наступают счастливые дни, — сказал я, — теперь я буду заботиться о вас.

Ответа не было. Она все еще молча дрожала — и только.

Менее чем через пять минут мальчик вернулся и получил обещанную награду. Он сел на пол у камина, пересчитывая свое сокровище, единственное счастливое существо в комнате. Я намочил несколько кусочков бисквита в вине и мало-помалу начал возвращать покинувшие ее силы едой, которую давал понемногу и осторожно.

Через некоторое время она подняла голову и посмотрела на меня изумленными глазами, очень похожими на глаза ее ребенка. Слабый, нежный румянец начал появляться на ее лице, она заговорила со мной первый раз шепотом, который я едва мог расслышать, сидя возле нее:

— Как вы нашли меня? Кто показал вам дорогу сюда?

Она замолчала, мучительно вспоминая что-то, медленно приходившее ей на память. Румянец ее стал ярче, она вспомнила и

взглянула на меня с робким любопытством.

— Что привело вас сюда? — спросила она. — Не сон ли мой?

— Подождите, моя дорогая, пока соберетесь с силами. Я расскажу вам все.

Я тихо приподнял ее на руках и положил на жалкую постель. Девочка пошла за нами, влезла на постель без моей помощи и прижалась к матери. Я послал мальчика сказать хозяйке, что я должен остаться с больной на всю ночь, наблюдать за ее выздоровлением. Он побежал, весело брэнча деньгами в кармане. Мы остались втроем.

По мере того, как ночные часы бежали один за другим, она погружалась иногда в беспокойный сон, просыпалась, вздрагивая, и дико смотрела на меня, как на незнакомого. К утру пища, которую я все это время осторожно давал ей, произвела перемену к лучшему в частоте ударов ее пульса и вызвала у нее более спокойный сон.

Когда взошло солнце, она спала так спокойно, как девочка возле нее. Я мог оставить ее, с тем чтобы вернуться попозже, под надзором хозяйки дома. Волшебная сила денег превратила эту сварливую и страшную женщину в послушную и внимательную сиделку — до такой степени желавшую исполнять в точности все мои поручения, что она попросила меня даже написать их.

Я еще постоял минуту у постели спящей женщины и удостоверился в сотый раз, что жизнь ее спасена. Какое счастье чувствовать к этом уверенность, слегка дотрагиваться до ее посвежевшего лба своими губами, смотреть и смотреть на бледное, изнуренное лицо, всегда дорогое, всегда прекрасное для моих глаз, как бы оно ни изменилось. Я тихо затворил дверь и вышел на свежий воздух ясного утра опять счастливым человеком. Так тесно связаны радости и горести человеческой жизни! Так близко в нашем сердце, как на наших небесах, самое яркое солнце к самой мрачной туче!

Глава XXVI

РАЗГОВОР С МОЕЙ МАТЕРЬЮ

Я доехал до моего дома как раз вовремя, чтобы соснуть часа три, прежде чем нанес свой обычный утренний визит в комнату матушки. Я заметил на этот раз некоторые особенности в выражении лица и обращении, которых прежде мне не случалось замечать в ней.

Когда глаза наши встретились, она взглянула на меня пристально и вопросительно, как будто ее волновало какое-то сомнение, которое ей не хотелось выразить словами. Когда я, по обыкновению, осведомился о ее здоровье, она удивила меня, ответив так нетерпеливо, как будто сердилась, зачем я упомянул об этом.

С минуту я готов был думать, что эти перемены означают, что она узнала о моем отсутствии из дома ночью и подозревает настоящую причину этого отсутствия. Но она не упомянула даже издали мистрис Ван-Брандт и с ее губ не сорвалось ни слова, которое показало бы, прямо или косвенно, что я огорчил или разочаровал ее. Я мог только заключить, что она хочет сказать что-нибудь важное о себе или обо мне и что по некоторым причинам, одной ей известным, она неохотно умалчивает на этот раз.

Обратившись к нашим обыкновенным темам разговора, мы заговорили о событии (всегда интересном для моей матери), о моей поездке на Шетлендские острова. Заговорив об этом, мы, естественно, заговорили также о мисс Денрос. Тут опять, когда я менее всего ожидал этого, для меня готовился сюрприз.

— Ты говорил намерении, — сказала матушка, — о зеленом флаге, который дочь бедного Дермоди сшила для тебя, когда вы были детьми. Неужели ты сохранял его все это время?

— Да.

— Где ты его оставил? В Шотландии?

— Я привез его с собой в Лондон.

— Зачем?

— Я обещал мисс Денрос всегда возить с собой зеленый флаг, куда ни поехал бы.

Матушка улыбнулась.

— Возможно ли, Джордж, что ты думаешь об этом, как думает молодая девушка на Шетлендских островах? По прошествии стольких лет, неужели ты веришь, что зеленый флаг сведет тебя с Мери Дермоди?

— Конечно, нет! Я только исполняю фантазию бедной мисс Денрос. Могу ли я отказать в ее ничтожной просьбе после всего, чем я обязан ее доброте?

Матушка перестала улыбаться. Она внимательно посмотрела на меня.

— Кажется, мисс Денрос произвела на тебя очень благоприятное впечатление, — сказала она.

— Я сознаюсь. Я очень интересуюсь ей.

— Не будь она неизлечимо больной, Джордж, я тоже заинтересовалась бы, может быть, мисс Денрос, как моей невесткой.

— Бесплезно рассуждать о том, что могло бы случиться, матушка. Достаточно грустной действительности.

Матушка помолчала немного, прежде чем задала мне следующий вопрос:

— Мисс Денрос никогда не поднимала вуали в твоём присутствии, когда в комнате было светло?

— Никогда.

— И никогда она не позволяла тебе взглянуть мельком на ее лицо?

— Никогда.

— И единственная причина, на которую она ссылалась, была та, что свет причинял ей болезненное ощущение, когда падал на открытое лицо.

— Вы говорите это, матушка, как будто сомневаетесь, правду ли сказала мне мисс Денрос.

— Нет, Джордж. Я только сомневаюсь, всю ли правду сказала она тебе.

— Что вы хотите сказать?

— Не обижайся, дружок, я думаю, что мисс Денрос имела более серьезную причину скрывать лицо, чем та, которую она сообщила тебе.

Я молчал. Подозрение, заключавшееся в этих словах, никогда не приходило мне в голову. Я читал в медицинских книгах о болезненной нервной чувствительности к свету, совершенно такой, какой страдала

мисс Денрос, по ее описанию, — и этого было для меня достаточно. Теперь, когда матушка высказала мне свое мнение, впечатление, произведенное на меня, было мучительно в высшей степени. Страшные фантазии о безобразии вселились в мою голову и осквернили все, что было самого чистого и дорогого в моих воспоминаниях о мисс Денрос. Было бесполезно переменять тему разговора — злое влияние сомнений, овладевшее мной, было слишком могущественно для того, чтобы его можно было прогнать разговором. Сославшись на первый представившийся мне предлог, я торопливо вышел из комнаты матушки искать убежища от самого себя там, где только мог надеяться найти его — в присутствии мистрис Ван-Брандт.

Глава XXVII

РАЗГОВОР С МИСТРИС ВАН-БРАНДТ

Хозяйка сидела на свежем воздухе у своей двери, когда я подъехал к дому. Ее ответ на мои вопросы оправдал самые лучшие мои надежды. Бедная жилица выглядела уже «совсем другой женщиной», а девочка в эту минуту стояла на лестнице, ожидая возвращения «своего нового папы».

— Я хочу сказать вам только одно, сэр, прежде чем вы пойдете наверх, — продолжала женщина. — Не давайте этой госпоже больше денег, чем ей понадобится на один день. Если у нее будут лишние деньги, они все будут истрачены ее негодным мужем.

Поглощенный высшими и более дорогими интересами, наполнявшими мою душу, я забыл о существовании Ван-Брандта.

— Где он? — спросил я.

— Где он должен быть, — было ответом. — В тюрьме за долги.

В то время человек, посаженный в тюрьму за долги, часто оставался там на всю жизнь. Нечего было опасаться, чтобы мое посещение было прервано появлением на сцену Ван-Брандта.

Поднимаясь по лестнице, я нашел девочку, ожидавшую меня на верхней площадке с потрепанной куклой в руках.

Я купил дорогой пирожное. Девочка отдала мне куклу, а сама пошла в комнату с пирожным в руках, сказав матери обо мне такими словами:

— Мама, мне этот папа нравится лучше другого. И тебе он также нравится больше.

Исхудалое лицо матери покраснело, потом побледнело, когда она протянула мне руку. Я с тревогой поглядел на нее и заметил явные признаки выздоровления. Ее большие серые глаза смотрели на меня опять с тихой радостью и нежностью. Рука, лежавшая в моей вчера такой холодной, теперь несла в себе жизнь и теплоту.

— Умерла ли бы я до утра, если бы вы не подросли? — спросила она тихо. — Не спасли ли вы мне жизнь во второй раз? Я очень этому верю!

Прежде чем я догадался в чем дело, она наклонила голову к моей руке и нежно коснулась ее губами.

— Я не неблагодарная женщина, — прошептала она. — А между тем я не знаю, как мне благодарить вас.

Девочка быстро подняла глаза от своего пирожного.

— Почему ты его не поцелуешь? — с изумлением вытаращив глазки, спросило это странное созданище.

Она опустила голову на грудь, она горько вздохнула.

— Перестанем говорить обо мне, — вдруг сказала она, успокоившись и принудив себя опять на меня взглянуть. — Скажите мне, какой счастливый случай привел вас сюда вчера?

— Тот же самый случай, — ответил я, — который привел меня к источнику святого Антония.

Она поспешно приподнялась.

— Вы опять видели меня так, как видели в беседке у водопада! — воскликнула она. — И опять в Шотландии?

— Нет. Дальше Шотландии — на Шетлендских островах.

— Расскажите мне! Пожалуйста, пожалуйста, расскажите мне!

Я рассказал, что случилось, с такой точностью, как только мог. Умолчав только об одном. Скрыв от нее самое существование мисс Денрос, я дал ей возможность предполагать, что во время моего пребывания в доме Денроса, меня принимал только один хозяин.

— Это странно! — воскликнула она, внимательно выслушав меня до конца.

— Что странно? — спросил я.

Она колебалась, пристально рассматривая мое лицо своими большими серьезными глазами.

— Я неохотно говорю об этом, — сказала она. — А между тем мне не следует скрывать от вас что-нибудь в таком деле. Я понимаю все, что вы рассказали мне, за одним исключением. Мне кажется странно, что когда вы были в Шотландии, у вас только был собеседником один старик.

— О каком же другом собеседнике ожидали вы услышать? — спросил я.

— Я ожидала, — ответила она, — услышать об одной даме в том доме.

Не могу положительно сказать, чтобы этот ответ удивил меня. Он заставил меня подумать, прежде чем я заговорил опять. Я знал из своего прошлого опыта, что она, должно быть, видела меня во время нашей разлуки с ней, когда я духовно присутствовал в ее душе, в ясновидении или во сне. Не видела ли она также мою ежедневную собеседницу на Шетлендских островах — мисс Денрос?

Я задал вопрос таким образом, чтобы оставить себе свободу решить, надо ли сообщить ей все, или нет.

— Справедлив ли я, предполагая, что вы видели меня во сне на Шетлендских островах, — начал я, — как прежде в то время, когда я был в моем Пертширском доме?

— Да, — отвечала она, — на этот раз это было вечером. Я заснула или лишилась чувств — не знаю. И видела вас опять в видении или во сне.

— Где вы видели меня?

— Прежде видела вас на мосту, на шотландской реке, когда встретила вас в тот вечер, в который вы спасли мне жизнь. Через некоторое время река и ландшафт померкли, а с ними померкли и вы. Я подождала немного, и мрак постепенно исчезал. Я стояла, как казалось мне, в кругу звездного света, напротив меня было окно, позади озеро, а предо мной темная комната. Я заглянула в комнату, и звездный свет показал мне вас опять.

— Когда это случилось? Вы помните число?

— Я помню, что это было в начале месяца. Несчастья, которые потом довели меня до такой крайности, еще не случились со мной, а между тем, когда я стояла и смотрела на вас, я испытывала странное предчувствие предстоящего несчастья. Я почувствовала то же самое неограниченное доверие в вашу власть помочь мне, какое чувствовала, когда первый раз видела вас во сне в Шотландии. Я сделала то же самое. Я положила мою руку к вам на грудь. Я сказала вам: «Вспомните обо мне, придите ко мне». Я даже написала... Она замолчала, вздрогнув, как будто ею внезапно овладел какой-то страх. Видя это и опасаясь сильного волнения, я поспешил предложить не говорить больше на этот раз об ее сне.

— Нет, — отвечала она твердо. — Ничего нельзя выиграть откладыванием. Мой сон оставил в моей душе одно страшное

воспоминание. Пока я жива, мне кажется, я буду дрожать, когда подумаю о том, что видела возле вас в этой темной комнате.

Она опять замолчала. Не говорила ли она о женщине с черной вуалью на голове? Не приступала ли она к описанию мисс Денрос, которую она видела во сне?

— Скажите мне прежде, — продолжала она, — правду ли я говорила вам до сих пор? Правда ли, что вы были в темной комнате, когда видели меня?

— Совершенная правда.

— Было ли это в начале месяца и в конце вечера?

— Да.

— Одни ли были вы в комнате? Отвечайте мне правду!

— Я был не один.

— Кто был с вами? Хозяин или кто-нибудь другой?

Было бы абсолютно бесполезно (после того, что я теперь слышал) пытаться обманывать ее.

— Со мной в комнате была женщина, — ответил я.

Лицо ее показывало, что она опять была взволнована страшным воспоминанием, о котором говорила сейчас. Мне самому было трудно сохранить свое спокойствие. Все-таки я решился не проронить ни слова, которое могло бы подсказать что-нибудь моей собеседнице. Я только сказал:

— Вы хотите еще задать мне какие-нибудь вопросы?

— Только один, — отвечала она. — Было ли что-нибудь необыкновенное в одежде вашей собеседницы?

— Да. На ней была черная вуаль, закрывавшая ее голову и лицо и спускавшаяся ниже пояса.

Мистрис Ван-Брандт откинулась на спинку кресла и закрыла руками лицо.

— Я понимаю почему вы скрыли от меня присутствие этой несчастной женщины в доме, — сказала она. — Это показывает доброту и ласку, как все, что отличает ваши поступки, но это бесполезно. Когда я лежала в этом забытьи, я видела все точь-в-точь как в действительности, и я также видела это страшное лицо!

Эти слова буквально поразили меня.

Мне тотчас пришел в голову разговор мой с матушкой в это утро. Я вскочил.

— Боже мой! — воскликнул я. — Что вы хотите сказать?

— Неужели вы еще не понимаете? — спросила она, изумляясь со своей стороны. — Должна ли я говорить еще откровеннее. Когда вы увидели мой призрак, вы прочли, что я писала?

— Да. На письме, которое эта дама писала для меня. Я видел потом слова — слова, которые привели меня к вам вчера: «В конце месяца, под тенью святого Павла».

— Как я писала на неоконченном письме?

— Вы подняли письменную шкатулку, на которой лежали письмо и перо, с колен этой дамы и, пока писали, поставили шкатулку на ее плечо.

— Вы заметили, произвело ли на нее какое-нибудь действие, когда я подняла шкатулку?

— Я не заметил ничего, — ответил я, — она осталась неподвижна на своем стуле.

— Я во сне видела иначе. Она подняла руку — не ту, которая была ближе к вам, но ту, которая была ближе ко мне. Когда подняла шкатулку, она подняла руку и отвела складки вуали от лица — наверно, для того, чтобы лучше видеть. Это было только одно мгновение, я увидела, что скрывала вуаль. Не будем говорить об этом. Вы, наверно, дрожали от этого страшного зрелища в действительности, как я дрожала от него во сне. Вы, должно быть, спрашивали себя, как я: «Неужели никто не решится увести это страшное лицо и сострадательно скрыть его в могиле?»

При этих словах она вдруг остановилась. Я не мог сказать ничего — мое лицо говорило за меня. Она увидела это и угадала правду.

— Боже мой! — вскричала она. — Вы не видели ее! Она, должно быть, скрывала от вас лицо за вуалью. О! Зачем, зачем обманом заставили вы меня заговорить об этом? Никогда больше не буду об этом говорить. Посмотрите, мы испугали девочку! Поди сюда, душечка. Нечего бояться. Поди и принеси с собой пирожное. Ты будешь знатная дама, которая дает большой обед, а мы два друга, которых ты пригласила обедать у себя, кукла будет девочка, которая приходит после обеда и получает фрукты за десертом.

Так болтала она, напрасно стараясь забыть удар, нанесенный мне, говоря ребенку разный вздор.

Вернув в некоторой степени спокойствие, я постарался всеми силами помогать ее усилиям. Более спокойное размышление навело меня на мысль, что, может быть, она ошибается, думая, что страшное зрелище, явившееся ей в видении, есть действительное отражение истины. По самой простой справедливости к мисс Денрос мне, конечно, не следовало верить в ее безобразия, основываясь на сновидении? Как ни благоразумна была эта мысль, она, однако, оставила некоторые сомнения в моей душе. Девочка вскоре почувствовала, что ее мать и я, ее товарищи в игре, не испытывали искреннего удовольствия заниматься игрою. Она без церемонии выпроводила своих гостей и вернулась со своей куклой к любимому месту своих игр, где я ее встретил, — площадке у дверей. Никакие убеждения матери или мои не могли вернуть ее назад. Мы остались вдвоем с запрещенным предметом разговора — мисс Денрос.

Глава XXVIII

ЛЮБОВЬ И ДЕНЬГИ

Чувствуя тягостное замешательство, мистрис Ван-Брандт заговорила первая.

— Вы ничего не говорили мне о себе, — начала она. — Была ли ваша жизнь счастливее с тех пор, как я видела вас в последний раз?

— По совести, не могу этого сказать, — отвечал я.

— Есть надежда, что вы женитесь?

— Это зависит от вас.

— Не говорите этого! — воскликнула она, бросая на меня умоляющий взгляд. — Не портите моего удовольствия при новом свидании со мной, говоря о том, чего никогда не может быть. Неужели вам опять надо говорить, каким образом вы нашли меня здесь одну с моим ребенком?

Я принудил себя произнести имя Ван-Брандта, только бы не слышать его от нее.

— Мне сказали, что мистер Ван-Брандт сидит в тюрьме за долги, — сказал я, — а я сам увидел вчера, что он оставил вас одну без помощи.

— Он оставил мне все деньги, какие были у него, когда его арестовали, — возразила она грустно. — Его жестокие кредиторы более достойны осуждения, чем он.

Даже эта относительная защита Ван-Брандта задела меня за живое.

— Мне следовало говорить о нем осторожно, — сказал я с горечью. — Мне следовало помнить, что женщина может простить даже оскорбление мужчине, когда она его любит.

Она зажала мне рот рукой и остановила, прежде чем я успел продолжить.

— Как вы можете говорить со мной так жестоко? — спросила она. — Вы знаете, к стыду моему, я призналась в этом вам, когда мы виделись в последний раз, вы знаете, что мое сердце втайне всецело принадлежит вам. О каком «оскорблении» говорите вы? О том ли, что Ван-Брандт женился на мне при живой жене? Неужели вы думаете, что

я могу забыть главное несчастье моей жизни — несчастье, сделавшее меня недостойной вас? Богу известно, что это не моя вина, но тем не менее справедливо, что я не замужем, а милочка, играющая со своей куклой, моя дочь. А вы, зная это, говорите о том, чтобы я стала вашей женой!

— Девочка считает меня своим вторым отцом, — сказал я. — Было бы лучше для нас обоих, если бы в вас было так же мало гордости, как и в ней.

— Гордости? — повторила она. — В таком положении, как мое? Беспомощная женщина, мнимый муж, сидящий в тюрьме за долги! Согласитесь с тем, что я пала еще не так низко, чтобы забыть свое положение относительно вас, и вы сделаете мне комплимент, недалекий от истины. Разве мне следует выходить за вас замуж из-за пищи и приюта? Разве мне следует выходить за вас потому, что законные узы не связывают меня с отцом моего ребенка? Как жестоко ни поступил он со мной, он имеет еще это право на меня. Как он ни плох, а он еще не бросил меня, он был к этому принужден. Мой единственный друг! Возможно ли, что вы считаете меня настолько неблагодарной, что я соглашусь стать вашей женой? Женщина (в моем положении) должна быть действительно бездушной, чтобы лишиться вас уважения света и друзей. Несчастное существо, таскающееся по улицам, посовестились бы поступить с вами таким образом. О, из чего созданы мужчины? Как вы можете — как вы можете говорить об этом!

Я уступил — и не говорил об этом больше. Каждое слово, произнесенное ею, увеличивало мой восторг к благородному существу, которое я любил и которого лишился. Какое прибежище оставалось мне? Только одно. Я мог еще принести себя в жертву для нее. Как ни горько ненавидел я человека, разлучившего нас, я любил ее так нежно, что был даже способен помочь ему для нее. Непростительное ослепление! Я не отрицаю этого, я этого не извиняю — непростительное ослепление!

— Вы простили мне, — сказал я. — Позвольте мне заслужить ваше прощение. Быть вашим единственным другом что-нибудь да значит. У вас должны быть планы на будущее время. Скажите мне прямо, как я могу вам помочь.

— Довершите доброе дело, начатое вами, — ответила она с признательностью. — Помогите мне выздороветь. Помогите мне

собраться с силами, чтобы иметь возможность, как меня обнадежил доктор, прожить еще несколько лет.

— Как вас обнадежил доктор, — повторил я. — Что это значит?

— Право, не знаю, как вам сказать, — ответила она, — не говоря опять о мистере Ван-Брандте.

— Не значит ли говорить о нем все равно, что говорить об его долгах? — спросил я. — Зачем вам надобно еще колебаться? Вы знаете, что я готов сделать все, чтобы избавить вас от беспокойства.

Она смотрела на меня с минуте с безмолвной тоской.

— О? Неужели вы думаете, что я допущу вас отдать ваши деньги Ван-Брандту? — спросила она, как только смогла заговорить. — Я, всем обязанная вашей преданности ко мне! Никогда! Позвольте мне сказать вам прямо правду. Он непременно должен освободиться из тюрьмы. Он должен заплатить своим кредиторам и нашел средство сделать это — с моей помощью.

— С вашей помощью? — воскликнул я.

— Да! Вот о его делах в двух словах. Некоторое время назад он получил от своего богатого родственника предложение занять хорошее место за границей и дал свое согласие на то, чтобы занять это место. К несчастью, он только что вернулся рассказать мне о своей удаче, как в тот же день был арестован за долги. Родственник обещал ему никого не назначать на это место некоторое время — и это время еще не прошло. Если он станет уплачивать проценты своим кредиторам, они дадут ему свободу, и он думает, что сможет достать денег, если я соглашусь застраховать свою жизнь.

Застраховать ее жизнь! Сети, расставленные ей, ясно обнаружили в этих словах.

В глазах закона она была женщина незамужняя, совершеннолетняя и во всем сама себе госпожа. Что же могло помешать ей застраховать свою жизнь, если бы она хотела, застраховать ее так, чтобы дать Ван-Брандту прямой интерес в ее смерти? Зная его, считая его способным ко всякой гнусности, я задрожал при одной мысли о том, что могло бы случиться, если бы я позднее отыскал ее. Благодаря моему счастливому положению единственный способ защитить ее находился в моих руках. Я мог предложить негодяю дать займы деньги, нужные ему, а он был способен принять мое предложение так же легко, как я мог сделать его.

— Вы, кажется, не одобряете нашу мысль, — сказала она, заметив очевидное неудовольствие, в которое она привела меня. — Я очень несчастна, мне кажется, я неумышленно расстроила вас во второй раз.

— Вы ошибаетесь, — ответил я. — Я только сомневаюсь, так ли прост ваш план освободить мистера Ван-Брандта от его затруднений, как вы предполагаете. Известно вам, какое пройдет время, прежде чем вам будет можно занять деньги под ваш страховой полис?

— Я ничего об этом не знаю, — ответила она грустно.

— Позвольте мне спросить совета моих поверенных. Это люди надежные и опытные, и я уверен, что они могут быть полезны нам.

Как ни осторожно выражался я, ее самолюбие было задето.

— Обещайте, что вы не станете просить меня занять у вас деньги для мистера Ван-Брандта, — сказала она, — и я с признательностью приму вашу помощь.

Я мог спокойно обещать это. Единственная возможность спасти ее заключалась в том, чтобы скрыть от нее то, что я решил теперь сделать. Я встал, весьма поддерживаемый своей решимостью. Чем скорее я наведу справки (напомнил я ей), тем скорее разрешатся наши сомнения и затруднения.

Она встала, когда я встал, со слезами на глазах и с румянцем на щеках.

— Поцелуйте меня, — шепнула она, — прежде чем уйдете! И не обращайтесь внимания на мои слезы. Я совершенно счастлива теперь. Меня трогает только ваша доброта.

Я прижал ее к сердцу с невольной нежностью прощального объятия. Мне было невозможно скрыть от себя то положение, в которое я поставил себя, — я, так сказать, произнес свой собственный приговор изгнания. Когда мое вмешательство возвратит свободу недостойному сопернику, могу ли я покориться унижительной необходимости видеть ее в его присутствии, говорить с нею на его глазах? Эта жертва была свыше сил — и я это знал.

«Последний раз! — думал я, удерживая ее у своего сердца лишнюю минуту. — Последний раз!»

Девочка бросилась ко мне навстречу с распростертыми объятиями, когда я вышел на площадку. Мое мужество поддержало меня в разлуке с матерью. Только когда милое, невинное личико ребенка с любовью прижалось к моему лицу, твердость моя изменила

мне. Говорить я не мог — я молча поставил ее на пол и подождал на нижней площадке, пока был в состоянии выйти на Божий свет.

Глава XXIX

СУДЬБА РАЗЛУЧАЕТ НАС

Спустившись на нижний этаж дома, я послал мальчика позвать хозяйку. Мне надо было еще узнать, в какой тюрьме сидит Ван-Брандт, и только ей одной я мог решиться задать этот вопрос.

Ответив мне, женщина по-своему растолковала мое желание навестить заключенного.

— Разве деньги, оставленные вами наверху, перешли уже в его жадные руки? — спросила она. — Будь я так богата, как вы, я не согласилась бы на это. На вашем месте я не дотронулась бы до него даже щипцами.

Грубое предостережение женщины оказалось полезно мне. Оно пробудило новую мысль в моей голове. Прежде чем она сказала это, я был так глуп или так озабочен, что не подумал, что совершенно бесполезно унижать себя личным свиданием с Ван-Брандтом в тюрьме. Мне пришло в голову только теперь, что моим поверенным, разумеется, приличнее быть моими представителями в этом деле, — с тем очень важным преимуществом, что они могут скрыть даже от самого Ван-Брандта мое участие в этой сделке.

Я тотчас поехал в контору моих поверенных. Меня принял старший партнер — испытанный друг и советник нашего семейства.

Мои инструкции, весьма естественно, удивили его. Он должен был немедленно удовлетворить кредитора заключенного моими деньгами, не упоминая о моем имени никому. А в качестве гарантии за уплату он должен был получить расписку Ван-Брандта.

— Я думал, что мне хорошо известны различные способы, посредством которых джентльмен может растрачивать свои деньги, — заметил старший партнер. — Поздравляю вас, мистер Джермень, с открытием совершенно нового способа опустошать свой кошелек. Основать газету, стать содержателем театра, держать беговых лошадей, вести игру в Монако — все это прекрасные способы бросаться деньгами. Но все это не идет в сравнение, сэр, с уплатой долгов Ван-Брандта!

Я оставил его и отправился домой.

Служанка, отворившая мне дверь, имела поручение ко мне от моей матери. Матушка хотела меня видеть, как только я выберу время поговорить с ней.

Я тотчас отправился в гостиную матушки.

— Ну, Джордж? — спросила она, ни одним словом не приготовив меня к тому, что последовало. — Как ты оставил мистрис Ван-Брандт?

Я был совершенно озадачен.

— Кто вам сказал, что я видел мистрис Ван-Брандт?

— Друг мой! Твое лицо сказало мне. Разве я не знаю, как ты смотришь и говоришь, когда у тебя в голове мистрис Ван-Брандт? Сядь возле меня. Я хочу сказать тебе то, что уже хотела сказать утром, но, право, не знаю, почему у меня не хватило духа. Я теперь смелее и могу это сказать. Сын мой! Ты еще любишь мистрис Ван-Брандт. Ты имеешь мое позволение жениться на ней.

Вот что сказала она! Не прошло и часа с тех пор, как мистрис Ван-Брандт сама сказала мне, что наш союз невозможен. Не прошло и получаса, как я отдал распоряжения, которые должны были возвратить свободу человеку, служившему единственным препятствием к моей женитьбе. И это время матушка невинно выбрала для своего согласия принять невесткой мистрис Ван-Брандт!

— Я вижу, что удивляю тебя, — продолжала она. — Дай мне объяснить причины так прямо, как могу. Я не сказала бы правды, Джордж, если бы стала уверять тебя, что перестала находить важные препятствия к твоей женитьбе на этой женщине. Единственную разницу в моем образе мыслей составляет то, что я согласна теперь устранить мои возражения из уважения к твоему счастью. Я стара, дружок. По закону природы я не могу надеяться еще долго оставаться с тобой. Когда я умру, кто останется, чтобы заботиться и любить тебя взамен твоей матери? Никого не останется — если ты не женишься на мистрис Ван-Брандт. Твое счастье — моя первая забота, и женщина, которую ты любишь (хотя ее сбили с пути таким печальным образом), достойна лучшей участи. Женись на ней.

Я не мог решиться заговорить. Я мог только стать на колени перед матушкой и спрятать лицо на ее коленях, как будто опять стал ребенком.

— Подумай об этом, Джордж, — сказала она, — и вернись ко мне, когда успокоишься, чтобы поговорить о будущем.

Она приподняла мою голову и поцеловала меня. Когда я встал, я увидел в милых, поблекших глазах, так нежно встретившихся с моими, что-то такое, пронзившее меня внезапным страхом — сильным и жестоким, как удар ножа.

Как только я затворил дверь, я спустился вниз к привратнику.

— Матушка выезжала, — спросил я, — пока меня не было?

— Нет, сэр.

— Были гости?

— Один гость был, сэр.

— Вы знаете, кто это?

Привратник назвал одного знаменитого доктора — человека в то время известнейшего среди людей своей профессии. Я тотчас взял шляпу и пошел к нему.

Он только что вернулся домой. Мою карточку отнесли к нему, и меня тотчас провели в его кабинет.

— Вы видели мою мать, — сказал я, — видимо, она опасно больна — и вы не скрыли этого от нее? Ради Бога, скажите мне правду! Я все перенесу.

Знаменитый доктор ласково взял меня за руку.

— Вашу мать нет надобности предупреждать, — сказал он, — она сама знает о критическом состоянии своего здоровья. Она посылала за мной, чтобы услышать подтверждение своих убеждений. Я не мог скрыть от нее, не должен был скрывать, что жизненная энергия падает. Она может прожить на несколько месяцев дольше в более теплом климате, чем лондонский. Вот все, что я могу сказать. В ее лета дни ее сочтены.

Он дал мне время прийти в себя от полученного удара, а потом передал в мое распоряжение свой огромный опыт, свои недюжинные знания. Под его диктовку я записал необходимые инструкции о том, как поддерживать слабое здоровье моей матери.

— Позвольте мне предостеречь вас, — сказал он, когда мы расстались. — Ваша мать особенно желает, чтобы вы не знали о плохом состоянии ее здоровья. Она заботится только о вашем счастье. Если она узнает о вашем посещении меня, я не отвечаю за последствия. Придумайте какой хотите предлог, чтобы тотчас увезти ее из Лондона, и, что бы ни чувствовали втайне, сохраняйте веселость в ее присутствии.

В этот вечер я придумал предлог. Его найти было легко, мне стоило только сказать моей бедной матушке об отказе мистрис Ван-Брандт выйти за меня, и для моего предложения уехать из Лондона была понятная причина.

В этот же самый вечер я написал мистрис Ван-Брандт о печальном обстоятельстве, которое стало причиной моего внезапного отъезда, и дал ей знать, что нет никакой необходимости застраховать ее жизнь.

«Мои поверенные (писал я) взялись немедленно устроить дела г-на Ван-Брандта. Через несколько часов он будет в состоянии занять место, предложенное ему».

Последние строчки моего письма уверяли ее в моей неизменной любви и умоляли писать мне до ее отъезда из Англии.

Этим все было сделано. Странно, что в это самое печальное время моей жизни я не чувствовал сильного страдания. Есть границы, и нравственные, и физические, для нашей способности страдать. Я могу только одним способом описать мои ощущения во время несчастий, вновь обрушившихся на меня, — я чувствовал себя как человек оглушенный.

На следующий день мы с матушкой отправились в путь к южному берегу Девоншира.

Глава XXX

ВЗГЛЯД НАЗАД

Через три дня после того, как мы с матушкой поселились в Торкее, я получил от мистрис Ван-Брандт ответ на свое письмо. После первых фраз (сообщавших мне, что Ван-Брандт был освобожден при обстоятельствах, заставлявших мою корреспондентку подозревать жертву с моей стороны) письмо продолжалось в следующих выражениях:

"Новая служба, которую предоставили мистеру Ван-Брандту, обеспечивает нам удобства, если не роскошь в жизни. С того самого времени, как начались мои неприятности, я надеялась вести спокойную жизнь между чужестранцами, от которых можно было скрыть мое фальшивое положение, — не для меня, а для моего ребенка. Большого счастья, которым наслаждаются некоторые женщины, я не должна и не смею домогаться.

Мы уезжаем за границу завтра рано утром. Говорить ли мне вам, в какой части Европы будет мое новое местопребывание?

Нет! Вы, пожалуй, опять мне напишете, и я, пожалуй, отвечу вам. А единственное жалкое вознаграждение, которым я могу отплатить доброму ангелу моей жизни, состоит в том, чтобы помочь ему забыть меня. Какое право имею я занимать незаслуженное место в ваших воспоминаниях? Настанет время, когда вы отдадите ваше сердце женщине достойнее его, чем я. Позвольте мне исчезнуть из вашей жизни, кроме случайного воспоминания, когда вы иногда будете думать о днях, прошедших навсегда.

У меня тоже будет утешение со своей стороны, когда я стану заглядывать в прошлое. Я стала лучше с тех пор, как встретила вас. Как долго ни проживу, я всегда буду это помнить.

Да! Влияние ваше на меня с самого начала оказалось влиянием хорошим. Положим, что я поступила дурно (в моем положении), что полюбила вас, — и еще хуже, что призналась в этом, — все-таки эта любовь была невинна, и усилие обуздать ее было по крайней мере честно. Но, кроме этого, сердце говорит мне, что я стала лучше от

сочувствия, соединившего нас. Я могу признаться вам, в чем еще не признавалась, — теперь, когда мы разъединены и вряд ли встретимся опять. Когда я свободно предавалась моим лучшим впечатлениям, они влекли меня к вам. Когда душа моя была спокойна и я была в состоянии молиться от чистого и раскаивающегося сердца, я чувствовала, что какая-то невидимая связь притягивала нас все ближе друг к другу. И странно, что это всегда случалось со мной (как и сны, в которых я видела вас), когда я была в разлуке с Ван-Брандтом. В такие времена, в думах или во сне, всегда мне казалось, что я знала вас короче, чем в то время, когда мы встретились лицом к лицу. Желала бы знать, есть ли прежняя жизнь и не были ли мы постоянными товарищами в какой-нибудь сфере тысячу лет тому назад? Это пустые догадки! Пусть для меня будет достаточно помнить, что я стала лучше, познакомившись с вами, — не спрашивая, как и почему.

Прощайте, мой возлюбленный благодетель, мой единственный друг! Девочка посылает вам поцелуй, а мать подписывается вашей признательной и любящей М. Ван-Брандт".

Когда я прочел эти строки, они опять напомнили мне довольно странное, как мне тогда казалось, предсказание бабушки Дермоди в дни моего детства. Вот предсказанная симпатия, духовно соединявшая меня с Мери, осуществлялась с посторонней, с которой я встретился позднее.

Размышляя об этом, как я не подвинулся дальше? Ни одним шагом дальше? Ни малейшего подозрения об истине не представлялось моему уму даже теперь.

Следовало ли обвинять в этом мою недалекость? Узнал ли бы другой в моем положении то, чего не ведал я?

Я оглядываюсь на цепь событий, прошедших через мой рассказ, и спрашиваю себя: была ли возможность для меня или кого другого узнать ребенка Мери Дермоди в женщине мистрис Ван-Брандт? Осталось ли что-нибудь в наших лицах, когда мы встретились у шотландской реки, что напоминало бы нам нашу молодость? Мы за этот промежуток времени превратились из мальчика и девочки в мужчину и женщину, в нас не осталось следов прежних Джорджа и Мери. Скрытые друг от друга нашими лицами, мы были также скрыты

нашими именами. Ее мнимое супружество переменяло ее фамилию. Завещание моего отчима переменяло мою. Ее имя было самое распространенное, а мое также ничем не отличалось от обыкновенных мужских имен. Если вспомнить все случаи, когда мы встречались, разве мы достаточно имели времени, чтобы в ходе разговора узнать друг друга? Мы встречались всего четыре раза: раз на мосту, раз в Эдинбурге, два раза в Лондоне. Каждый раз беспокойство и интересы настоящего наполняли ее мысли и мои, вдохновляли ее слова и мои. Когда же события, сводившие нас, давали нам достаточно времени и спокойствия, чтобы оглянуться на прошедшую жизнь и спокойно сравнить воспоминания нашей юности? Никогда! С начала до конца развитие событий увлекало нас все дальше и дальше от случая, который натолкнул бы нас хотя на подозрение истины. Она могла только думать, когда писала мне, оставляя Англию, и я мог только думать, когда читал ее письмо, что мы встретились первый раз у реки и что наши расходящиеся судьбы наконец разлучили нас навсегда.

Читая ее последнее письмо позднее, озаренный светом жизненного опыта, я теперь примечаю, как вера бабушки Дермоди в чистоту соединяющей нас связи, как родственных душ, оправдалась впоследствии.

Только когда моя неизвестная Мери расставалась с Ван-Брандтом, другими словами, когда она превращалась в чистый дух, — тогда она чувствовала мое влияние на нее, как влияние, очищающее ее жизнь, и ее призрак сообщался со мной, очевидно, и вполне сходный с ней. Со своей стороны, когда я видел ее во сне (как в Шотландии) или чувствовал таинственное предостережение ее присутствия наяву (как на Шетлендских островах)? Всегда в то время, когда мое сердце нежнее открывалось ей и другим, когда мои мысли были свободнее от горьких сомнений, эгоистических стремлений, унижающих божество внутри нас. Тогда, и только тогда мое сочувствие к ней было недоступно случайностям и переменам, обманам и искушениям земной жизни.

Глава XXXI

МИСС ДЕНРОС

Поглощенный заботами о здоровье моей матери, я находил в этой священной обязанности свое последнее утешение в несбывшейся надежде жениться на мистрис Ван-Брандт.

Постепенно матушка почувствовала благотворное влияние спокойной жизни и мягкого воздуха. Я слишком хорошо знал, что это может быть только временное улучшение. Все-таки было облегчением видеть ее избавленной от страданий и радостной и счастливой присутствием сына. Исключая часы, посвященные отдыху, я не отходил от нее.

До сих пор помню я с нежностью, не содержащейся ни в каких других моих воспоминаниях, книги, которые я ей читал, солнечный уголок на морском берегу, где я сидел с ней, карточные игры, в которые я с ней играл, пустую болтовню, забавлявшую ее, когда у ней не доставало сил заняться чем-нибудь другим. Эти мои драгоценные воспоминания, эти все мои действия я чаще всего буду любить вспоминать, когда тени смерти станут смыкаться надо мной.

В те часы, когда я оставался один, мои мысли, занятые по большей части прошлыми событиями, не раз обращались к Шетлендским островам и мисс Денрос.

Сомнение, преследовавшее меня относительно того, что действительно скрывала вуаль, уже не сопровождалось чувством ужаса, когда приходило на ум. Чем яснее мои последние воспоминания о мисс Денрос напоминали о ее телесном недуге, тем больше представлялась мне благородная натура этой женщины, достойной моего уважения.

Первый раз после моего отъезда с Шетлендских островов почувствовал я искушение ослушаться запрещения, наложенного ее отцом на меня при расставании. Когда я подумал опять о тайном поцелуе в памятную ночь; когда я припомнил тонкую, белую руку, махавшую мне сквозь темные занавеси на прощание в последний раз, и когда к этим воспоминаниям примешалось то, что подозревала моя мать и что мистрис Ван-Брандт видела во сне, — желание найти

способ уверить мисс Денрос, что она все еще занимает особое место в моей памяти и в моем сердце, стало так сильно, что ни один смертный не мог бы устоять против него. Я обязался честью не возвращаться на Шетлендские острова и не писать. Как связаться с ней тайным образом или каким-нибудь другим способом, было постоянным вопросом в душе моей по мере того, как время шло. Я желал только намека, чтобы узнать, как мне поступить, — и, по иронии обстоятельств, намек этот подала мне матушка.

Мы все еще иногда говорили о мистрис Ван-Брандт. Наблюдая за мной в то время, когда мы находились в обществе знакомых в Торкее, матушка ясно примечала, что никакая другая женщина, как бы ни была она прелестна, не могла занять в моем сердце место женщины, которой я лишился. Видя только одну возможность сделать меня счастливым, она не отказалась от мысли женить меня на мистрис Ван-Брандт. Когда женщина призналась, что любит человека (так матушка выражала свое мнение), то этот человек сам будет виноват, каковы бы ни были препятствия, если она не станет его женой. Возвращаясь к этому вопросу различными способами, она однажды заговорила со мной вот о чем:

— Счастье находиться здесь с тобой, Джордж, портит для меня одно обстоятельство. Я мешаю тебе видеться с мистрис Ван-Брандт.

— Вы забываете, — сказал я, — что она уехала из Англии, не сказав мне, где я могу найти ее.

— Если бы тебе не мешала твоя мать, дружок, ты мог бы легко отыскать ее. Не можешь ли ты написать к ней? Не перетолковывай в другую сторону причин, побуждающих меня говорить тебе об этом, Джордж. Если бы я имела надежду, что ты забудешь ее, если бы я видела, что ты хоть сколько-нибудь увлекся очаровательными женщинами, которых мы встречаем здесь, — я сказала бы, что нам не следует ни говорить, ни думать о мистрис Ван-Брандт. Но, дружок мой, твое сердце закрыто для всех женщин, кроме одной. Будь счастлив, по своему, и дай мне увидеть твое счастье, прежде чем я умру. Негодяй, которому эта бедная женщина принесла в жертву свою жизнь, рано или поздно дурно поступит с ней или бросит ее — и тогда она должна обратиться к тебе. Не заставляй мистрис Ван-Брандт думать, что ты смирился с потерей ее. Чем решительнее ты будешь побеждать ее совесть, тем больше она будет любить тебя и

восхищаться тобой втайне. Женщины любят это. Пошли к ней письмо и маленький подарок. Ты хотел отвести меня в мастерскую молодого художника, который недавно оставил свою карточку. Мне говорили, что он отлично пишет миниатюрные портреты. Почему бы тебе не послать своего портрета мистрис Ван-Брандт?

Вот выход, которого я искал напрасно! Совершенно бесполезный, чтобы ходатайствовать за меня перед мистрис Ван-Брандт, портрет представлял самый лучший способ общения с мисс Денрос, не нарушая обязательств, взятого с меня ее отцом. Таким образом, не написав ни слова, даже не дав никому словесного поручения, я мог сказать ей, с какой признательностью помню о ней, мог нежно напоминать ей обо мне в самые горькие минуты ее грустной и одинокой жизни.

В тот же самый день я тайно отправился к художнику. Сеансы потом продолжались до окончания портрета в те часы, когда матушка отдыхала в своей комнате. Я велел вложить портрет в простой золотой медальон с цепочкой и отправил мой подарок к единственному человеку, которому я мог поручить доставить его по назначению. Это был старый друг (который на этих страницах назывался сэра Джемс) и который возил меня на Шетлендские острова на казенной яхте.

Я не имел причины, давая необходимые объяснения, скрываться от сэра Джемса. На обратном пути мы не раз говорили о мисс Денрос. Сэр Джемс слышал ее печальную историю от червикского доктора, его школьного товарища. Прося сэра Джемса передать мой подарок доктору, я не колеблясь рассказал о сомнении, тяготившем меня, относительно тайны черной вуали. Разумеется, невозможно было предполагать, в состоянии ли доктор разрешить это сомнение. Я мог только просить, чтобы вопрос был задан осторожно при обычных расспросах о здоровье мисс Денрос.

В те годы почта работала медленно, и я должен был ждать не несколько дней, а недель, чтобы получить ответ сэра Джемса. Письмо его мне пришлось ожидать необыкновенно долго. По этой или по какой-нибудь другой причине, которую я угадать не могу, я так сильно предчувствовал неприятные известия, что не хотел распечатать письмо при матушке. Я подождал, пока мог уйти в свою комнату, — и только тогда распечатал письмо.

Предчувствие не обмануло меня. Ответ сэра Джемса состоял только из таких слов:

«Письмо, прилагаемое при сем, само расскажет свою грустную историю без моей помощи. О ней я сожалеть не могу. А вас мне искренно жаль».

* * *

Письмо, о котором говорилось таким образом, было адресовано к сэру Джемсу червикским доктором. Я привожу его без всяких замечаний:

* * *

"Бурная погода задержала корабль, с помощью которого мы сообщаемся с материком. Я только сегодня получил ваше письмо. С ним вместе пришел ящичек с золотым медальоном и цепочкой, подарок, который вы просите меня тайно передать мисс Денрос от вашего друга, имя которого вы не считаете себя вправе упомянуть.

Давая мне это поручение, вы невольно поставили меня в чрезвычайно затруднительное положение.

Бедная девушка, для которой назначался этот подарок, находится при смерти. Она испытывает такие страшные страдания, что смерть для нее буквально есть благодеяние и успокоение. При таких грустных обстоятельствах, я думаю, что меня нельзя порицать, если я не решаюсь отдать ей медальон втайне, не зная, с какими воспоминаниями связана эта вещь и не опасное ли волнение она может возбудить.

Испытывая это сомнение, я осмелился раскрыть медальон — и, конечно, моя нерешительность увеличилась. Мне совершенно неизвестно, какие воспоминания для моей несчастной больной связываются с этим портретом. Я не знаю, приятно или прискорбно ей будет получить его в ее последние минуты на земле. Я мог только

решился взять его с собой, когда увижу ее завтра, и предоставить обстоятельствам решить, могу ли отдать его, или нет. Наша почта на юг уходит только через три дня. Я могу не запечатывать моего письма и сообщить вам результат.

** * **

Я видел ее и только что вернулся домой. Велико мое душевное беспокойство. Но я постараюсь собраться с силами и описать понятно и подробно то, что случилось.

Ее слабеющий организм, когда я видел ее утром, взбодрился на минуту. Сиделка сказала мне, что она спала утром несколько часов. До этого были симптомы горячки с легким бредом. Слова, вырывавшиеся у нее в бреду, относились к какому-то отсутствующему лицу, которого она называла «Джорджем». Мне сказали, что она только желала увидеть этого «Джорджа» перед смертью.

Когда я это услышал, мне показалось вполне возможным, что портрет в медальоне изображает это отсутствующее лицо. Я высрал сиделку из комнаты и взял за руку больную. Полагаясь отчасти на ее удивительное мужество и душевную силу, а отчасти на доверие, которое она испытывала ко мне как к старому другу и советнику, я заговорил о словах, которые вырывались у нее в лихорадочном состоянии, а потом сказал:

— Вы знаете, что всякая ваша тайна сохранится у меня. Скажите мне, не ожидаете ли вы от Джорджа какой-нибудь вещицы на память?

Это был риск. Черная вуаль, которую она всегда носит, была опущена на ее лице. Ничего не могу сказать о том действии, которое я произвел на нее, кроме учащения пульса и слабого движения руки, лежавшей в моей под шелковым одеялом.

Сначала она не сказала ничего. Рука ее вдруг из холодной стала горячей и сжала мою руку. Дыхание ее стало тяжелым. Она с трудом заговорила со мной. Она не сказала мне ничего, а только задала вопрос.

— Он здесь? — спросила она.

— Здесь нет никого, кроме меня, — ответил я.

— Есть письмо?

— Нет, — сказал я.

Она молчала некоторое время. Рука ее вновь стала холодной, пальцы, сжимавшие мою руку, разжались. Она заговорила опять:

— Говорите скорее, доктор! Что бы это ни было, дайте мне, пока я не умерла.

Я решился на риск, раскрыл медальон и вложил ей в руку. Как мне показалось, она сначала не хотела на него взглянуть. Она сказала:

— Поверните меня на постели лицом к стене.

Я повиновался. Спиной ко мне, она подняла свою вуаль, и потом (я так думаю) взглянула на портрет. Продолжительный тихий крик, не печальный, а крик восторга и восхищения, вырвался у нее. Я слышал, что она поцеловала портрет. Привыкший в моей профессии к печальным зрелищам и звукам, я не помню, чтобы когда-нибудь потерял свое самообладание до такой степени. Я принужден был отойти к окну.

Едва ли прошла минута, как я снова уже находился у кровати. Вуаль опять закрывала ее лицо. Ее голос опять ослабел. Я мог только слышать, что она говорила, наклонившись к ней и приложив ухо к ее губам.

— Наденьте мне на шею, — шепнула она.

Я застегнул цепочку на ее шее. Она хотела поднести к ней руку, но у нее на это не хватило сил.

— Помогите мне спрятать, — сказала она.

Я водил ее рукой. Она спрятала медальон на груди под белой блузой, которая была на ней в этот день. Дыхание ее становилось все тяжелее. Я приподнял ее на изголовье. Изголовье было не очень высоким. Я положил ее голову на свое плечо и немножко приподнял вуаль. Она опять заговорила, почувствовав минутное облегчение.

— Обещайте мне, — сказала она, — что чужие руки не коснутся меня. Обещайте похоронить меня так, как я теперь.

Я дал ей обещание.

Ее ослабевшее дыхание участилось. Она едва могла произнести следующие слова:

— Опять закройте мне лицо.

Я закрыл. Она некоторое время молчала. Вдруг дыхание ее прервалось. Она вздрогнула и приподняла голову с моего плеча.

— Вы страдаете? — спросил я.

— Я на небесах! — ответила она.

С этими словами голова ее опустилась на мою грудь. В этом последнем радостном порыве остановилось ее последнее дыхание. Минута великого счастья была минутой ее смерти. Милосердие Божие наконец посетило ее.

** * **

Возвращаясь к моему письму, пока не ушла почта.

Я принял необходимые меры для исполнения моего обещания. Она будет похоронена с медальоном, спрятанным на груди, и с черной вуалью на лице. Не было на свете существа благороднее. Скажите тому, кто прислал ей свой портрет, что ее последние минуты были радостны благодаря его памяти о ней, выраженной этим подарком.

Я замечаю одно место в вашем письме, на которое еще не отвечал. Вы спрашиваете, была ли более серьезная причина постоянно скрывать ее лицо под вуалью, чем та, на которую она обыкновенно ссылалась окружающим ее. Это правда, что она страдала болезненной чувствительностью от действия света. Также правда, что это был не единственный и не худший результат болезни, постигшей ее. Она имела другую причину скрывать свое лицо — причину, известную только двум лицам: доктору, живущему в деревне близ дома ее отца, и мне. Мы оба обязались не открывать никому на свете того, что видели одни наши глаза. Мы сохраняли ее ужасную тайну даже от ее отца и унесем эту тайну в могилу. Мне нечего больше сказать об этом печальном предмете тому, по поручению кого вы пишете. Когда он будет думать о ней теперь, пусть думает о красоте, которую не может испортить телесная болезнь, — красоте свободного духа, вечно счастливого в союзе с ангелами Господними.

Я могу прибавить, прежде чем кончу это письмо, что бедный, старый отец не останется в печальном одиночестве в доме у озера. Он проведет свою остальную жизнь у меня. Моя добрая жена будет

заботиться о нем, а мои дети станут напоминать ему о более светлой стороне жизни".

Так кончалось письмо. Я положил его и вышел. Моя уединенная комната напоминала о неумолимо наступающем одиночестве в моей жизни. Мои интересы в этом хлопотливом свете ограничивались теперь одной целью — заботой о слабеющем здоровье моей матери. Из двух женщин, сердца которых участливо бились с моим, одна лежала в могиле, а другая была потеряна для меня на чужой стороне. На дороге у моря я встретил матушку в маленьком кабриолете, медленно двигавшемся под теплым зимним солнцем. Я отпустил лакея, бывшего с ней, и пошел возле кабриолета с вожжами в руках. Мы спокойно болтали о пустяках. Я закрыл глаза на печальную будущность, открывавшуюся передо мной, и старался в промежутках, свободных от воспоминаний, жить безропотно сегодняшним днем.

Глава XXXII

МНЕНИЕ ДОКТОРА

Прошло шесть месяцев. Снова наступило лето.

Миновало время разлуки. Продленная моими заботами, жизнь моей матушки подошла к концу. Она умерла на моих руках, ее последние слова были сказаны мне, ее последний взгляд на земле принадлежал мне. Я теперь, в самом прямом и печальном значении этого слова, один на свете.

Горе, постигшее меня, наложило на меня некоторые обязанности, исполнение которых требовало личного присутствия в Лондоне. Мой дом отдан внаймы, и я остановился в гостинице. Друг мой сэра Джемс, он также в Лондоне по делу, занимает комнаты возле моих. Мы завтракаем и обедаем вместе в моей гостиной. Пока одиночество для меня ужасно, а между тем я в обществе бывать не смогу: мне неприятны просто знакомые.

Однако, по предложению сэра Джемса, мы пригласили к себе обедать одного гостя, которого нельзя считать обыкновенным посетителем. Доктор, предупредивший меня о критическом состоянии здоровья моей матери, хотел узнать от меня об ее последних минутах. Он не может терять своего драгоценного времени по утрам и приехал к нам в обеденный час, когда больные оставляют ему возможность посещать друзей.

Обед почти кончился. Я сделал над собой усилие сохранить самообладание и в нескольких словах рассказал простую историю о последних днях матушки на земле. Потом разговор перешел на предметы, неинтересные для меня. Моя душа успокоилась после сделанных над собой усилий, ко мне вернулась моя наблюдательность.

Мало-помалу, пока разговор продолжался, я заметил кое-что в поведении знаменитого доктора, что сначала привело меня в недоумение, а потом возбудило мое подозрение о какой-то причине его присутствия, в которой он не признавался и которая касалась меня.

Я неоднократно замечал, что глаза его останавливались на мне с тайным интересом и вниманием, которое он, по-видимому, старался скрыть. Беспреданно замечал я, что он старался увести разговор от

общих тем и заставить меня разговориться о себе, а еще необычнее (если я не ошибался) было, что сэр Джемс понимал и поощрял его.

Под разными предлогами меня расспрашивали, чем я болел прежде и какие планы строю на будущее время. Между прочими вопросами, лично интересовавшими меня, коснулись сверхъестественных явлений. Меня спросили, верю ли я в тайное духовное, общение с призраками умерших или отсутствующих существ. Меня очень скоро заставили признать, что мои взгляды на этот трудный и спорный вопрос в некоторой степени подчиняются влиянию собственного опыта. Признания, однако, оказалось недостаточно для удовлетворения невинного любопытства доктора. Он старался убедить меня рассказать подробнее, что я видел и чувствовал.

Но я уже остерегался, извинился и не захотел ни в чем признаваться моему другу. Для меня уже было абсолютно ясно, что я стал предметом опыта, интересующего и сэра Джемса, и доктора. Делая вид, будто не догадываюсь ни о чем, я про себя решил узнать настоящую причину присутствия доктора в этот вечер и какую роль играл сэр Джемс, пригласив его быть моим гостем.

События благоприятствовали моему намерению вскоре после того, как десерт был поставлен на стол.

Слуга вошел в комнату с письмом ко мне и сказал, что посланный ждет ответа. Я распечатал конверт и вынул письмо от моих поверенных, извещавших меня об окончании одного дела. Я тотчас воспользовался случаем, представившимся мне. Вместо того, чтобы дать устный ответ, я извинился и воспользовался предложением дать на него письменный ответ, чтобы выйти из комнаты.

Отпустив посланного, ждавшего внизу, я вернулся в коридор, в котором находились мои комнаты, и тихо отворил дверь своей спальни. Другая дверь вела в гостиную и наверху был вентилятор. Мне стоило только встать под вентилятором и каждое слово разговора сэра Джемса с доктором доносилось до моих ушей.

— Так вы находите, что я прав? — были первые слова сэра Джемса, услышанные мной.

— Вполне, — ответил доктор.

— Я старался всеми силами заставить его переменить скучный образ жизни, — продолжал сэр Джордж. — Я приглашал его к себе в Шотландию, предлагал путешествовать с ним за границей, взять с

собою на мою яхту. У него один ответ — он просто говорит «нет» на все мои предложения. Вы слышали от него самого, что у него нет определенных планов на будущее время. Что будет с ним? Что нам лучше сделать?

— Это нелегко сказать, — услышал я ответ доктора.

— Сказать по правде, его нервная система очень расстроена. Я заметил уже в нем что-то странное, когда он приезжал советоваться со мной о здоровье своей матери. Не одна ее смерть причина расстройства. По-моему мнению, его ум — как бы сказать? — утратил ясность уже давно. Он человек очень сдержанный. Я подозреваю, что его мучило беспокойство, о котором он не рассказывал никому. В его лета всякие скрываемые огорчения происходят от женщин. По своему темпераменту он романтически смотрит на любовь, и, возможно, какая-нибудь пошлая современная женщина разочаровала его. Какова бы ни была причина, ее воздействие ясно — нервы молодого человека расстроены и оказывают влияние на мозг. Я знал людей в его положении дурно кончавших. Он может быть доведен до галлюцинаций, если не изменит настоящего образа жизни. Помните вы, что он сказал, когда мы говорили о привидениях?

— Чистый вздор! — заметил сэр Джемс.

— Чистая галлюцинация будет более правильное выражение, — возразил доктор. — И другие галлюцинации могут появиться каждую минуту.

— Что же делать? — настаивал сэр Джемс. — По правде могу сказать, доктор, что интересуюсь этим бедным молодым человеком как отец. Его мать была одним из самых старых и дорогих моих друзей, а он наследовал многие из ее привлекательных и милых качеств. Надеюсь, вы не находите болезнь его настолько опасной, чтобы она требовала присмотра?

— Конечно, нет пока, — ответил доктор. — Болезни мозга еще нет, следовательно, нет и причины содержать его под присмотром. Это случай сомнительный и трудный. Пусть надежный человек наблюдает за ним тайком и не перечит ему ни в чем, насколько возможно. Малейшая безделица может возбудить его подозрение, а если это случится, мы потеряем над ним всякую власть.

— Вы не думаете, что он уже подозревает нас, доктор?

— Надеюсь, что нет. Я видел, что он раза два взглянул на меня довольно странно — и вот уже давно вышел из комнаты.

Услышав это, я не стал ждать больше. Я вернулся в гостиную (через коридор) и занял свое место за столом.

Негодование, которое я чувствовал, мне кажется, довольно естественно при подобных обстоятельствах, сделало из меня первый раз в жизни хорошего актера. Я придумал необходимый предлог для своего продолжительного отступления и принял участие в разговоре, строго наблюдая за каждым своим словом, но не обнаруживая никакой сдержанности. Что такое сны мистрис Ван-Брандт, что такое призрачные появления ее, виденные мной? Галлюцинации, потихоньку увеличивавшиеся с годами? Галлюцинации, ведущие меня медленно и постепенно все ближе и ближе к помешательству? Это подозрение в помешательстве так рассердило меня на добрых друзей, старавшихся спасти мой рассудок? Не ужас ли помешательства заставляет меня бежать из гостиницы, как преступника, вырвавшегося из тюрьмы?

Эти вопросы мучили меня в ночном одиночестве. Моя постель стала для меня местом нестерпимой пытки. Я встаю, одеваюсь, жду рассвета и смотрю в открытое окно на улицу.

Летние ночи коротки. Серый рассвет является мне как освобождение, блеск великолепного солнечного восхода еще раз веселит мою душу. Зачем буду я ждать в комнате, еще заполненной моими страшными ночными сомнениями? Я беру свой дорожный мешок, я оставляю мои письма на столе гостиной и спускаюсь с лестницы к наружной двери. Швейцар дремлет на стуле. Он просыпается, когда я прохожу мимо него, и (да поможет мне Господь!) у него на лице выражается сомнение, не сумасшедший ли я.

— Уже оставляете нас, сэръ? — говорит он, смотря па мешок в моей руке.

Сумасшедший я или в полном рассудке, а ответ у меня готов. Я говорю ему, что уезжаю на день за город, а чтобы подольше побыть на воздухе, должен ехать рано.

Швейцар все же не спускает с меня глаз. Он спрашивает, не позвать ли кого, чтобы донести мой мешок. Я не позволяю никого будить. Он спрашивает, не оставлю ли я какого-нибудь поручения к моему другу. Я уведомляю его, что оставил письма наверху к сэру Джемсу и хозяину гостиницы. После этого он отодвигает запоры и

отворяет дверь. До последней минуты по лицу его видно, что он считает меня сумасшедшим.

Прав он или не прав? Кто может отвечать за себя? Как могу я ответить?

Глава XXXIII

ПОСЛЕДНИЙ ВЗГЛЯД НА ОЗЕРО ЗЕЛЕННЫХ ВОД

Душа моя пробудилась, когда я шел по светлым, пустынным улицам и дышал свежим утренним воздухом.

Идя на восток по большому городу, я остановился у первой конторы, мимо которой проходил, и занял место в дилижансе, отходившем рано утром в Ипсвич. Оттуда я на почтовых лошадях доехал до города, ближайшего к озеру Зеленых Вод. Прогулка в несколько миль прохладным вечером привела меня, по хорошо знакомым проселочным дорогам, в наш старый дом. В последних лучах заходящего солнца взглянул я на знакомый ряд окон и увидел, что ставни все закрыты. Ни одного живого существа не было видно нигде. Даже собаки не залаяли, когда я позвонил в большой колокольчик у дверей. Дом был пуст и закрыт.

После долгого ожидания я услышал тяжелые шаги в передней. Какой-то старик отпер дверь.

Как он ни изменился, я сейчас же узнал в нем одного из наших бывших арендаторов. К изумлению старика, я назвал его по имени. Он, со своей стороны, усиленно старался узнать меня, и, очевидно, старался напрасно. Без сомнения, я гораздо больше изменился, нежели он, — я был вынужден назвать себя. Сморщенное лицо бедняги медленно и робко просияло улыбкой, как будто он был и не способен, и боялся позволить себе такую непривычную роскошь. Сильно смутившись, он приветствовал меня как хозяина, вернувшегося домой, как будто дом был мой.

Проведя меня в маленькую заднюю комнату, в которой он жил, старик предложил мне все, что у него было, — окорок и яйца на ужин и стакан домашнего пива. Он, очевидно, с трудом понял, когда я сообщил ему, что единственной целью моего посещения было еще раз взглянуть на знакомые места около моего старого дома. Но он охотно предложил мне свои услуги и вызвался, если я желаю, предоставить мне ночлег.

Дом был заперт, и слуги распущены уже более года. Страсть к скачкам, вспыхнувшая под старость, разорила богатого купца, нанявшего наш дом во время наших семейных неприятностей. Он уехал за границу с женой жить на небольшой доход, оставшийся от его состояния, и оставил дом и земли в таком запущении, что ни один новый арендатор не нашелся, чтобы снять их. Мой теперешний старый приятель был приглашен смотреть за домом. А коттедж Дермоди был пуст, как наш дом. Я мог посмотреть его, если бы захотел. Старик достал ключ от дома из связки других ключей и надел свою старую шляпу на голову готовый провожать меня везде, куда я захочу идти. Я не хотел беспокоить его просьбой проводить меня или устраивать мне ночлег в пустом доме. Ночь была прекрасная, всходила луна. Я поужинал, я отдохнул. Когда увижу все то, что хотел увидеть, я смогу легко пройти пешком до города и переночевать в гостинице.

Взяв ключ, я один отправился в коттедж Дермоди. Опять шел я по лесистым тропинкам, по которым когда-то так весело гулял с моей маленькой Мери. На каждом шагу я видел то, что напоминало мне о ней. Вот старая скамья, на которой мы сживали вместе под тенью старого кедрового дерева и дали обет в верности друг другу до конца нашей жизни. Там — прозрачный источник, из которого мы пили, когда, бывало, уставали и чувствовали жажду в жаркие летние дни, еще журчал так же весело, как прежде, пробираясь к озеру.

Слушая приятное журчание ручья, я почти ожидал увидеть Мери, в ее простеньком белом платьице и соломенной шляпке, напевающую под музыку ручейка и освежающую свой букет полевых цветов в холодной воде. Еще несколько шагов, и я дошел до прогалины в лесу и остановился на маленьком мысу, на возвышенности, с которой открывался прелестнейший вид на озеро Зеленых Вод. Деревянная платформа была сделана для купанья хороших пловцов, которые не боялись погрузиться в глубокую воду. Я стал на платформу осмотрелся вокруг. Деревья, окаймлявшие берега с каждой стороны, напевали свою нежную лесную музыку в ночном воздухе, лунное сияние дрожало на струистой воде. По правую руку я мог видеть старый, деревянный навес, в котором когда-то стояла моя лодка, в то время, когда Мери каталась со мною по озеру и вышила зеленый флаг. По левую руку был деревянный частокол, шедший по изгибам извилистой

бухты, а за ним возвышались темные аркады Приманки диких уток, теперь никому не нужной и развалившейся.

При ярком лунном свете я мог видеть то самое место, на котором мы с Мери стояли и смотрели на ловлю уток. В то отверстие в частоколе, в котором показывалась собака по сигналу Дермоди, теперь пробежала водяная крыса, словно маленькая черная тень на блестящем грунте, и исчезла в водах озера. Куда бы я ни посмотрел, счастливое прошлое время напоминало о себе насмешливо и голоса прошлого слышались отовсюду с тяжелым упреком: «Смотри, какова была когда-то твоя жизнь! Стоит ли теперь жить твоей настоящей жизнью?»

Я поднял камень и бросил его в озеро. Я смотрел на круги, разбегавшиеся вокруг того места, где камень погрузился в воду. Я спрашивал себя, пробовал ли когда-нибудь утопиться такой опытный пловец, как я, и так ли твердо решил он умереть, что мог устоять от искушения воспользоваться своим искусством, чтобы не пойти ко дну. Что-то в самом озере или нечто в соединении с мыслью, которую озеро вложило в мою голову, возмутило меня. Я вдруг повернулся спиной к красивому виду и пошел по лесной тропинке, которая вела в домик управляющего.

Отворив дверь своим ключом, я ошупью пробрался в хорошо знакомую гостиную и, отворив ставни, впустил в комнату лунный свет.

С тяжелым сердцем осмотрелся я вокруг. Старая мебель, оставленная, может быть, в одном или двух местах, предьявляла свое безмолвное право на мое знакомство в каждой части комнаты. Нежный лунный свет струился искоса в тот угол, в котором мы с Мери, бывало, приутились, пока бабушка Дермоди у окна читает свои мистические книги. В темноте противоположного угла я различил кресло из резного дуба с высокой спинкой, на котором Сивилла этого коттеджа сидела в тот достопамятный день, когда предсказала нам нашу наступающую разлуку и дала нам свое благословение в последний раз.

Потом, осматривая стены комнаты, я узнавал старых друзей, где бы ни останавливались мои глаза, — ярко раскрашенные гравюры, картины в рамках, вышитые шерстями, которые мы считали удивительными произведениями искусства, старое зеркало, к которому я поднимал Мери, когда ей хотелось «посмотреть на свое лицо в зеркале». Куда ни проникало бы лунное сияние, оно показывало мне знакомый предмет, напоминавший мне мои счастливейшие дни. Опять

прошлое время напоминало насмешливо о себе. Опять голоса прошлого слышались отовсюду с тяжелым упреком: «Смотри, какова была когда-то твоя жизнь! Стоит ли теперь жить твоей настоящей жизнью?»

Я сел у окна, откуда мог видеть там и сям между деревьями блеск воды в озере. Я думал про себя: «Мое земное странствование привело меня сюда, почему не кончиться ему здесь?»

Кто будет скорбеть обо мне, если о моем самоубийстве станет известно завтра? Из всех живых людей у меня, может быть, меньше всего друзей, меньше всего обязанностей по отношению к другим, меньше причин колебаться оставить свет, в котором нет места для моего честолюбия, нет существа для моей любви.

Кроме того, какая необходимость разглашать, что моя смерть была вызвана самоубийством? Легко будет представить, что эта смерть была случайной.

В ту прекрасную летнюю ночь, после долгого дня, проведенного в дороге, разве я не мог самым естественным образом выкупаться в прохладной воде, прежде чем лечь в постель? И как ни опытен был я в искусстве плавания, разве со мной не могли случиться судороги? На уединенных берегах озера Зеленых Вод крик утопающего человека о помощи никто не услышит ночью, «смертельный» случай объяснится сам собой. Было буквально только одно затруднение на пути моем, затруднение, уже приходившее мне в голову. Мог ли я наверняка преодолеть животный инстинкт самосохранения, чтобы добровольно пойти ко дну при первом погружении в воду?

Атмосфера в комнате была душная и тяжелая. Я ходил взад и вперед то в тени, то при лунном свете, то под деревьями перед дверью коттеджа.

Из нравственных препятствий к самоубийству ни одно теперь не имело на меня влияния. Я, когда-то находивший невозможным извинить, невозможным даже понять отчаяние, которое заставило мистрис Ван-Брандт покуситься на самоубийство, — я теперь замышлял спокойно тот самый поступок, который приводил меня в ужас, когда его совершал другой! Должны ли мы не спешить осуждать недостатки наших ближних по той неоспоримой причине, что мы никогда не можем быть уверены, как скоро подобные искушения могут довести нас самих до подобного проступка? Вспоминая события той

ночи, я могу припомнить только одно соображение, остановившее мои шаги на гибельном пути, который вел меня к озеру. Я все еще сомневался, будет ли возможно утопиться такому пловцу, как я. Вот все, что волновало мою душу. Относительно всего остального мое завещание было написано, других дел, еще не устроенных, у меня было немного. У меня не оставалось никакой надежды соединиться в будущем с мистрис Ван-Брандт. Она ни разу не написала мне, со времени нашей последней разлуки я ни разу не видал ее во сне. Она, без всякого сомнения, примирилась со своей жизнью за границей. Я простил ее за то, что она забыла меня. Мои мысли о ней и о других были снисходительными мыслями человека, душа которого уже отделилась от этого мира, взгляды которого быстро ограничивались одной идеей о его собственной смерти.

Мне надоело ходить взад и вперед. Уединение начало тяготить меня. Моя собственная нерешительность раздражала мои нервы. После продолжительного созерцания озера сквозь деревья я пришел наконец к положительному заключению. Я решил попытаться выяснить, сможет ли утопиться хороший пловец.

Глава XXXIV

НОЧНОЕ ВИДЕНИЕ

Вернувшись в гостиную коттеджа, я сел у окна и раскрыл свою записную книжку на пустой странице. Я должен был дать некоторые указания своим душеприказчикам, указания, которые могли избавить их от хлопот и нерешимости в случае моей смерти. Скрыв мои последние инструкции под пошлым заглавием «Заметка для моего возвращения в Лондон», я начал писать.

Я исписал целую страницу записной книжки и только что собирался писать на следующей, как начал чувствовать затруднение сосредоточить свое внимание на предмете, непосредственно подлежащем ему. Я тотчас вспомнил точно такое же затруднение, которое почувствовал на Шетлендских островах, когда напрасно старался сочинить письмо к моей матери. Его тогда должна была писать мисс Денрос. В довершение сходства мои мысли теперь устремились, как устремлялись тогда, к последним воспоминаниям о мистрис Ван-Брандт.

Минуты через две я начал опять чувствовать те же странные физические ощущения, которые испытал первый раз в саду Денроса. Та же самая таинственная дрожь пробегала по мне с головы до ног. Я опять осматривался вокруг, неясно сознавая, на каких предметах останавливались мои глаза. Нервы мои напряглись в эту прелестную летнюю ночь, как будто в атмосфере преобладало электричество и наступала магнитная буря.

Я положил на стол свою записную книжку и карандаш и встал, чтобы опять выйти под деревья. Даже то ничтожное усилие, которое я должен был сделать, чтобы перейти через комнату, оказалось свыше моих сил. Я остался прикованным к месту, обернувшись лицом к лунному сиянию, струившемуся в отворенную дверь.

Прошел некоторый промежуток времени, и, когда я еще смотрел в дверь, я стал сознавать, что между деревьями, окаймлявшими берег озера, что-то движется. Прежде всего заметил я две серые тени, медленно направлявшиеся ко мне между стволами деревьев. Постепенно тени принимали более и более определенные очертания и

наконец предстали двумя фигурами, из которых одна была выше другой. По мере того как они приближались, их сероватый оттенок исчезал. Они нежно сияли своим собственным внутренним светом, приближаясь к открытому пространству перед дверью. Третий раз находился я в призрачном присутствии мистрис Ван-Брандт, а с ней, держа ее за руку, находился второй призрак, никогда прежде не виданный мной, — призрак ее дочери.

Рука об руку, сияя неземным блеском при ярком лунном свете, обе стояли передо мной. Лицо матери опять смотрело на меня грустными и умоляющими глазами, которые я помнил так хорошо. Но лицо ребенка невинно сияло ангельской улыбкой. Я ждал молча, какое слово будет сказано, какое движение будет сделано. Движение было сделано раньше слова. Ребенок выпустил руку матери и, медленно поднимаясь вверх, остался висющим в воздухе — нежно сияющим призраком из-за темной листвы деревьев. Мать скользнула в комнату и, остановилась у стола, на который я положил записную книжку и карандаш, когда не смог больше писать. Как и прежде, она взяла карандаш и написала на пустой странице. Как и прежде, она сделала мне знак подойти ближе к ней. Я приблизился к ее распростертой руке и опять почувствовал таинственный восторг ее прикосновения к моей груди, и опять услышал ее тихий, мелодичный голос, повторявший слова: «Вспомните обо мне. Придите ко мне». Она отняла руку от груди моей. Бледный свет, обнаруживавший ее присутствие, задрожал, померк, исчез. Она сказала. Она исчезла.

Я придвинул к себе развернутую записную книжку. И на этот раз увидел только эти слова, написанные рукой призрака:

«Следуйте за ребенком».

Я опять посмотрел на пустынный ночной ландшафт.

Там в воздухе, нежно сияя из-за темной листвы деревьев, все еще порхал звездный призрак ребенка.

Совершенно бессознательно переступил я за порог двери. Нежно сияющее видение ребенка медленно двигалось передо мной между деревьями. Я шел как человек, скованный чарами. Призрак, медленно подвигавшийся вперед, вывел меня из леса и мимо нашего старого дома повел обратно к уединенным проселочным дорогам, по которым я шел из города к озеру Зеленых Вод. Время от времени, когда мы шли своей дорогой, светлый призрак ребенка останавливался, порхая низко

на безоблачном небе. Его лучезарное личико смотрело на меня с улыбкой, оно манило меня своей ручкой и опять неслось далее, ведя меня как звезда вела восточных волхвов в былое время.

Я дошел до города. Воздушный призрак ребенка остановился, порхая над домом, где я оставил вечером свой дорожный экипаж. Я велел опять запрячь лошадей. Кучер ждал моих распоряжений. Я поднял глаза. Рука ребенка указывала к югу по дороге, которая вела в Лондон. Я велел кучеру вернуться к тому месту, где я нанял экипаж. Время от времени, пока мы ехали, я смотрел в окно. Светлый призрак ребенка все порхал передо мной, тихо скользя на безоблачном небе. Меня лошадей на каждой станции, я ехал целую ночь — ехал, пока солнце не взошло на востоке неба. И все время, и ночью и днем, призрак ребенка порхал передо мной в своем неизменном и мистическом свете. Милю за милей вел он меня к югу, пока мы оставили за собой сельскую местность и, проехав сквозь шум и суету большого города, остановились под тенью древней башни на берегу реки, текущей возле нее. Кучер подошел к дверце экипажа, спросить, имею ли я еще надобность в его услугах. Я велел ему остановиться, когда увидел, что призрак ребенка замер в своем воздушном странствовании. Я опять поднял глаза вверх. Рука ребенка указывала на реку. Я заплатил кучеру и вышел из экипажа. Порхая передо мной, ребенок указывал путь к пристани, заполненной путешественниками и их поклажей. У пристани стоял корабль, готовый к отплытию. Ребенок привел меня к кораблю, опять остановился и порхал надо мной в дымном воздухе.

Я поднял глаза. Ребенок посмотрел на меня с лучезарной улыбкой и указал к востоку вдоль реки на отдаленное море. Пока мои глаза были еще устремлены на нежно сияющую фигуру, я увидел, как она исчезла, поднимаясь все выше и выше к более сильному солнечному свету, как жаворонок исчезает в утреннем небе. Я опять оставался один с моими земными ближними — без всякого ключа к дальнейшим действиям, кроме воспоминания о руке ребенка, указывавшего на восток в сторону моря.

Возле меня стоял матрос, свертывая канат на палубе. Я спросил его, куда идет этот корабль. Матрос посмотрел на меня с изумлением и ответил:

— В Роттердам.

Глава XXXV

ПО СУШЕ И ПО МОРЮ

Для меня было все равно, куда шел корабль. Куда бы он ни отправлялся, я знал, что я на пути к мистрис Ван-Брандт. Она опять нуждалась во мне, она опять звала меня к себе. Куда ни указывала бы призрачная рука ребенка, за границу или на родину, это не значило ничего — туда предназначено было мне отправиться. Когда я выйду на берег, мне опять укажут путь, лежащий передо мной. Я верил этому так твердо, как верил тому, что до сих пор мной руководил призрак ребенка.

Я не спал две ночи — усталость пересилила меня. Я спустился в каюту и нашел незанятый уголок, где мог прилечь и отдохнуть. Когда я проснулся, была уже ночь, корабль вышел в море.

Я отправился на палубу подышать свежим воздухом. Скоро вернулось желание спать. Я опять проспал несколько часов подряд. Мой приятель доктор, без сомнения, приписал, эту продолжительную потребность к отдыху слабому состоянию моего мозга, раздраженного галлюцинациями, непрерывно продолжавшимися несколько часов сряду. Какова бы ни была причина, я просыпался большую часть пути только изредка. Все остальное время я спал, как усталое животное.

Когда я вышел на берег в Роттердаме, я прежде всего спросил дорогу к дому английского консула. Денег у меня осталось немного, и откуда я знал, может, быть прежде всего мне следовало наполнить свой кошелек.

Со мной был дорожный мешок. По дороге к озеру Зеленых Вод я оставил его в гостинице, а слуга положил его в экипаж, когда я возвращался в Лондон. В мешке лежали чековая книжка и письмо, которые могли засвидетельствовать мою личность консулу. Он очень обстоятельно дал мне необходимые указания к роттердамским корреспондентам моих лондонских банкиров.

Получив деньги и сделав некоторые необходимые покупки, я медленно шел по улице, сам не зная, что мне делать дальше, и доверчиво ожидая события, которое должно было руководить мной. Не

прошел я и ста шагов, как заметил имя «Ван-Брандт» на стене дома, в котором, должно быть, занимались торговлей.

Дверь с улицы была отворена. Вторая дверь, с другой стороны передней, вела в контору. Я вошел в комнату и спросил г-на Ван-Брандта. Ко мне вышел конторщик, говоривший по-английски. Он сказал мне, что три хозяина этой фирмы носят это имя, и спросил, которого из них хочу я видеть. Я вспомнил, как зовут Ван-Брандта, и назвал его. В конторе не знали никакого «Эрнеста Ван-Брандта».

— Мы только здесь отделение фирмы Ван-Брандт, — объяснил конторщик. — Главная контора в Амстердаме. Может быть, там знают, где отыскать господина Эрнеста Ван-Брандта, если вы спросите там.

Мне было все равно, куда ни отправляться, только бы находиться на пути к мистрис Ван-Брандт. В этот день отправиться в путь было уже слишком поздно. Я переночевал в гостинице. Ночь прошла спокойно и без всяких происшествий. На следующее утро я отправился в дилижансе в Амстердам.

Когда, по приезде, я задал свои вопросы в главной конторе, меня отвели к одному из товарищей фирмы. Он прекрасно говорил по-английски и принял меня с очевидным участием, которое я сначала никак не мог объяснить себе.

— Господин Эрнест Ван-Брандт хорошо здесь известен, — сказал он. — Могу я спросить, не родственник ли вы или друг англичанки, которая здесь слыла его женой?

Я отвечал утвердительно и прибавил:

— Я здесь затем, чтобы оказать этой даме помощь, в которой она, может быть, нуждается.

Следующие слова купца объяснили то участие, с которым он принял меня.

— Это очень приятно, — сказал он, — вы освобождаете моих товарищей и меня от большого беспокойства. Для объяснения моих слов мне необходимо упомянуть о делах моей фирмы. У нас есть рыбные промыслы в старинном городе Энкгуизине (Энкхейзин) на берегах Зейдерзе. Господин Ван-Брандт имел одно время долю в этих рыбных промыслах, которую потом продал. Последние годы наша прибыль из этого источника уменьшилась, и мы думаем оставить эти рыбные промыслы, если только наши дела не улучшатся еще после нескольких попыток. Между тем, имея незанятое место в

энкгуизинской конторе, мы позаботились о мистере Эрнесте Ван-Брандте и предоставили ему возможность возобновить его отношения с нами в качестве конторщика. Он родственник одному из моих товарищей, но я обязан сказать вам по правде, что он очень дурной человек. Он вознаградил нас за нашу доброту к нему тем, что похитил наши деньги и убежал — куда, мы еще не узнали. Англичанка и ее дочь брошены в Энкгуизине — и до вашего приезда сюда все не решили, что с ними делать. Я не знаю, известно ли вам, сэр, что положение этой дамы вдвойне прискорбно из-за наших сомнений, действительно ли она жена господина Эрнеста Ван-Брандта. Нам точно известно, что он женился несколько лет тому назад на другой, а мы не имеем доказательств, что его первая жена умерла. Если мы можем способствовать каким бы то ни было образом помочь вашей несчастной соотечественнице, прошу вас верить, что наши услуги в вашем распоряжении. С каким горячим интересом выслушал я эти слова, бесполезно говорить. Ван-Брандт бросил ее! Наверно (как говорила моя бедная мать), «она должна обратиться теперь ко мне». Надежды, оставившие меня, опять заполнили мое сердце, будущее, которого я так долго опасался, опять засияло мне мечтами о возможном счастье. Я поблагодарил доброго купца с горячностью, удивившей его.

— Только помогите мне найти путь в Энкгуизин, — сказал я, — а за остальное я ручаюсь.

— Это путешествие потребует от вас некоторых издержек, — ответил купец. — Простите, если я прямо спрошу вас: есть у вас деньги?

— Целая куча!

— Очень хорошо. Остальное будет довольно легко. Я поручу вас одному вашему соотечественнику, который несколько лет служит в нашей конторе. Всего легче вам, как иностранцу, ехать морем, и тот англичанин, о котором я говорю, покажет вам, где нанять судно.

Через несколько минут конторщик и я были на пути к пристани.

Затруднения, которых я и не ожидал, встретились, когда пришлось отыскивать судно и нанимать экипаж. После этого оказалось необходимым купить провизии в дорогу. Благодаря опытности моего спутника и его желанию услужить мне мои приготовления кончились до наступления ночи. Я мог отправиться на следующий день.

Судно мое имело двойное преимущество для Зейдерзе — оно было достаточно велико и неглубоко сидело в воде. Капитанская каюта была на корме, а три человека, составлявшие экипаж, помещались на носу. Вся середина судна, разделенная на две половины, от капитанской каюты и кубрика, была отведена для моей каюты. Следовательно, я не имел причины жаловаться на недостаток места. Судно весило от пятидесяти до шестидесяти тонн. У меня были удобная кровать, стол и стулья. Кухня была от меня далеко, в носовой части судна. По моему собственному желанию я отправился в путь без лакея и переводчика. Я предпочитал быть один. Голландский капитан в молодости служил во французском купеческом флоте, и мы могли, когда это было необходимо или желательно, объясниться на французском языке.

Оставили мы амстердамские шпиль за спиной и поплыли по заливу Эй на пути к Зейдерзе.

Капитан посоветовал мне посетить знаменитые города Зандам и Хорн, но я отказался съехать на берег. Единственным моим желанием было добраться до старинного города, в котором была брошена мистрис Ван-Брандт. Когда мы изменили направление нашего пути, чтобы повернуть к тому мысу, на котором расположен Энкхейзин, ветер спал — потом повернул в другую сторону и подул с силой, чрезвычайно замедлившей скорость нашего плавания. Я все настаивал, пока было возможно, чтобы держаться нашего маршрута. После заката солнца сила ветра уменьшилась. Ночь настала безоблачная, и звездное небо мерцало нам своим бледным и меланхолическим светом. Через час причудливый ветер опять переменился в нашу пользу. К десяти часам мы повернули к пустынной пристани Энкхейзина.

Капитан и матросы, утомленные своим нелегким трудом, сели за свой скромный ужин и потом легли спать. Через несколько минут я один не спал на судне.

Я вышел на палубу и осмотрелся вокруг.

Судно наше бросило якорь у пустынной набережной. Исключая небольшое число маленьких судов, стоявших около нас, пристань этого когда-то богатого города была обширной водной пустыней, желтеющей там и сям печальными песчаными берегами. Заглянув в глубину берега, я увидел скромные постройки мертвого города — черные, угрюмые и страшные в таинственном звездном сиянии. Ни

одного человеческого существа, даже заблудившегося пса не было видно нигде. Точно свирепая чума опустошила это место, так оно казалось пусто и безжизненно. Чуть больше ста лет назад население города доходило до шестидесяти тысяч. Количество жителей сократилось на десятую часть от этого числа теперь, когда я глядел на Энкхейзин.

Я разговаривал сам с собой о том, что мне теперь делать.

Невероятно было, чтобы я нашел мистрис Ван-Брандт, если бы пошел в город ночью один без проводника. С другой стороны, теперь, когда я дошел до того дома, в котором она жила со своей дочерью, без друзей и брошенная всеми, мог ли я терпеливо ожидать окончания этого скучного промежутка времени, который должен был пройти до наступления утра и начала рабочего дня в городе? Я слишком хорошо знал свой беспокойный характер, чтобы решиться на последнее. Что бы ни вышло из этого, я решил идти по Энкхейзину на случай, не посчастливится ли найти контору рыбных промыслов и узнать адрес мистрис Ван-Брандт.

Сначала очень осторожно заперев дверь каюты, я сошел на уединенную набережную и отправился в ночное странствование по мертвому городу.

Глава XXXVI

ПОД ОКНОМ

Я уточнил расположение пристани по карманному компасу, а потом пошел по первой же улице, находившейся передо мной. С каждой стороны, когда я шел, уединенные, старые дома хмурились на меня. В окнах не было огней, на улице фонарей. С четверть часа, по крайней мере, я углублялся все дальше в город, не встретив живого существа, и только сопровождаемый звездным мерцанием.

Все еще следуя по извилинам пустынных улиц, я дошел до предполагаемого мной конца города.

Вернувшись к веренице домов, еще сохранившихся, я осмотрелся вокруг, намереваясь вернуться по той самой улице, по которой пришел. В ту минуту, когда мне показалось, что нашел эту улицу, я заметил живое существо в пустынном городе. У дверей одного из крайних домов, по правую мою сторону, стоял человек и смотрел на меня.

Рискуя встретить грубый прием, я решился сделать последнее усилие, отыскать мистрис Ван-Брандт, прежде чем вернуться на судно.

Увидев, что я подхожу к нему, незнакомец встретил меня на полдороге. Его одежда и обращение ясно показали, что я встретил человека не низкого звания. Он отвечал на мой вопрос вежливо на своем языке. Увидев, что я не понимаю его слов, он пригласил меня знаками следовать за ним.

Пройдя несколько минут по направлению совершенно для меня новому, мы остановились на мрачном, маленьком сквере с заброшенным садиком посередине. Указав на нижнее окно в одном из домов, в котором мелькал тусклый огонек, мой проводник сказал мне по-голландски: «Контора Ван-Брандта», — поклонился и оставил меня.

Я подошел к окну. Оно было отворено и находилось выше моей головы. Огонь в комнате пробивался сквозь щели запертых деревянных ставней. Все еще преследуемый предчувствием наступающих неприятностей, я не решался позвонить в колокольчик. Почему я знал, какое новое бедствие могло встретить меня, когда отворится дверь? Я ждал под окном — и слушал.

Не прошло и минуты, как я услышал женский голос в комнате. Нельзя было ошибиться в очаровании этого голоса. Это был голос мистрис Ван-Брандт.

— Пойдем, душечка? — говорила она. — Уже очень поздно — тебе следовало лежать в постели два часа тому назад.

Голос ребенка отвечал:

— Мне не хочется спать, мама.

— Но, душа моя, вспомни, что ты была больна. Ты опять занеможешь, если так долго не будешь ложиться в постель. Только ляг, и ты скоро заснешь, когда я погашу свечу.

— Ты не должна гасить свечу, — возразила девочка выразительно, — мой новый папа придет. Как он отыщет к нам дорогу, если ты погасишь свечу?

Мать отвечала резко, как будто эти слова ребенка раздражали ее.

— Ты говоришь вздор, — сказала она, — и должна лечь в постель. Мистер Джермень ничего о нас не знает. Мистер Джермень в Англии.

Я не мог сдерживаться больше. Я закричал под окном:

— Мистер Джермень здесь!

Глава XXXVII

ЛЮБОВЬ И ГОРДОСТЬ

Крик испуга из комнат показал мне, что меня услышали. Еще с минуту не случилось ничего. Потом голос ребенка донесся до меня дико и пронзительно:

— Отвори ставни, мама! Я сказала, что он придет, я хочу видеть его!

Была еще минута нерешительности, прежде чем мать отворила ставни. Она сделала это наконец. Я увидел ее у окна, огонь сзади освещал ее, а голова ребенка виднелась выше подоконника. Милое личико быстро качалось, как будто моя самоназванная дочь плясала от радости.

— Могу ли я поверить глазам? — сказала мистрис Ван-Брандт. — Неужели это мистер Джермень?

— Как вы себя чувствуете, новый папа? — вскричала девочка. — Отворите большую дверь и войдите. Я хочу поцеловать вас.

Между холодно-сдержанным тоном матери и веселым приветствием ребенка была громадная разница. Не слишком ли поспешно явился я перед мистрис Ван-Брандт? Подобно всем людям с чувствительной натурой, она обладала внутренним чувством достоинства, которое есть не что иное, как гордость под другим названием. Не была ли ее гордость оскорблена одной этой мыслью, что я увидел ее брошенной и обманутой, брошенной подло, беспомощной и ненужной для посторонних, человеком, для которого она так много пожертвовала и выстрадала так много? И этот человек оказался вором, убежавшим от обманутых им хозяев! Я отворил тяжелую дубовую дверь, опасаясь, что это может быть настоящее объяснение перемены, которую я уже заметил в ней. Мои опасения подтвердились, когда она отперла внутреннюю дверь, ведущую со двора в гостиную, и впустила меня в дом.

Когда я взял ее за обе руки и поцеловал, она быстро отвернула голову, так что мои губы коснулись только ее щеки. Она сильно покраснела, опустила от смущения глаза, когда высказала весьма

церемонно свое удивление при виде меня. Когда девочка бросилась в мои объятия, мистрис Ван-Брандт закричала раздраженно:

— Не беспокой мистера Джермена!

Я сел на стул и взял девочку на колени. Мистрис Ван-Брандт села поодаль от меня.

— Я полагаю, бесполезно спрашивать вас, знаете ли вы, что случилось, — сказала она, опять побледнев так же внезапно, как покраснела, и все еще упорно смотря в землю.

Прежде чем я успел ответить, девочка весело выболтала причину исчезновения своего отца.

— Мой другой папа убежал! Мой другой папа украл деньги! Уже пора, чтобы у меня был новый папа, не так ли?

Она обвила руками вокруг моей шеи.

— Теперь уже он у меня! — вскричала она пронзительным голосом.

Мать посмотрела на нас. Некоторое время гордая, чувствительная женщина успешно боролась с собой. Но страдание, терзавшее ее, нельзя было переносить молча. С тихим криком боли закрыла она руками лицо. Сломленная сознанием своего унижения, она даже стыдилась показать свои слезы любимому человеку.

Я поставил девочку на пол. В гостиной была другая дверь, которая оставалась открытой. Там была спальня и свеча, горевшая на туалетном столике.

— Ступай туда играть, — сказал я, — я хочу поговорить с твоей мамой.

Девочка надулась. Мое предложение, по-видимому, не прельстило ее.

— Дайте мне чем играть, — сказала она, — мне надоели игрушки. Дайте мне посмотреть, что у вас в карманах.

Ее суетливые ручки начали обыскивать мои карманы. Я позволил ей взять то, что она хотела, и этим добился, чтобы она убежала в другую комнату. Как только она исчезла, я приблизился к бедной матери и сел возле нее.

— Думайте об этом так, как думаю я, — сказал я. — Теперь он бросил вас, он предоставил вам свободу стать моей.

Она немедленно подняла голову.

— Теперь, когда он бросил меня, — ответила она, — я недостойна вас еще более, чем прежде!

— Почему? — спросил я.

— Почему? — повторила она горячо. — Разве женщина не дошла до самой низкой степени унижения, когда дожила до того, что ее бросил вор?

Бесполезно было пытаться рассуждать с ней в ее теперешнем расположении духа. Я старался привлечь ее внимание к менее тягостному предмету, упомянув о странных событиях, которые привели меня к ней в третий раз. Она уныло остановила меня в самом начале.

— Бесполезно опять говорить о том, о чем мы уже говорили в других случаях, — ответила она. — Я опять явилась вам во сне, как являлась уже прежде два раза.

— Нет, — сказал я. — Не так, как вы являлись прежде два раза. На этот раз я видел вас рядом с девочкой.

Этот ответ оживил ее. Она вздрогнула и тревожно посмотрела на дверь спальни.

— Не говорите громко, — сказала она, — девочка не должна слышать нас. Мой сон на этот раз оставил тягостное впечатление в моей душе. Девочка замешана в нем, а это мне не нравится. Потом место, в котором я видела вас во сне, соединяется...

Она замолчала, не закончив фразы.

— Я растревожена и несчастна сегодня, — продолжала она, — и не хочу говорить об этом. Но мне хотелось бы узнать, неужели вы точно были именно в том коттедже?

Я никак не мог понять замешательства, с которым она задала мне этот вопрос. По моему мнению, ничего не было удивительного в том, что она бывала в Суффолке и знала озеро Зеленых Вод. Это озеро было известно во всем графстве и было любимым местом для пикников, а хорошенький коттедж Дермоди считался одним из лучших украшений местоположения. Мне только удивительно было видеть, а я видел это ясно, что у нее есть какие-то тягостные воспоминания о моем прежнем доме. Я решался ответить на ее вопрос в таких выражениях, которые могли бы поощрять ее доверие ко мне. Еще минута, и я сказал бы ей, что мое детство прошло у озера Зеленых Вод, еще минута, и мы узнали бы друг друга, но пустое препятствие остановило слова,

готовые сорваться с моих губ. Девочка выбежала из спальни с каким-то странным ключом в руке.

— Что это такое? — спросила она, подходя ко мне.

— Мой ключ, — ответил я, узнав одну из тех вещиц, которые она вынула из моих карманов.

— Что он отпирает?

— Дверь каюты на моем судне.

— Возьмите меня на ваше судно.

Мать остановила ее. Начался новый спор о том, идти или не идти спать. В то время, когда девочка опять оставила нас с позволением поиграть еще несколько минут, разговор между мистрис Ван-Брандт и мной принял новое направление. Заговорив теперь о здоровье девочки, мы весьма естественно перешли к вопросу об отношении девочки к сновидению ее матери.

— У нее была лихорадка, — начала мистрис Ван-Брандт, — и ей стало лучше только в тот день, когда я была брошена в этом жалком месте. К вечеру с ней случился другой приступ болезни, страшно испугавший меня. Она лишилась чувств, ее маленькие ручки и ножки окоченели. Здесь остался еще один доктор. Разумеется, я послала за ним. Он сказал, что ее потеря сознания связана с невропсихическим расстройством. В то же время он успокоил меня, сказав, что ей не угрожает смерть, и оставил мне лекарства, которые следовало дать, если появятся некоторые симптомы. Я уложила дочь в постель и прижала к себе, чтобы согреть ее. Я не верю месмеризму, но как вы думаете, не могли ли мы иметь какого-нибудь влияния друг на друга, которое могло бы объяснить, что случилось потом?

— Весьма вероятно. В то же время месмерическая теория (если бы вы могли поверить ей), повела бы объяснение еще дальше. Месмеризм объяснил бы не только то, что вы и дочь ваша имели влияние друг на друга, но что, несмотря на расстояние, вы обе имели влияние на меня. И, таким образом, месмеризм объяснил бы мое видение, как необходимый результат высоко развитой симпатии между нами. Скажите мне, вы заснули с ребенком на руках?

— Да. Я ужасно утомилась, несмотря на мое намерение не спать всю ночь. В моем одиночестве брошенная в незнакомом месте, с больным ребенком, я опять увидела вас во сне и опять обратилась к вам как к покровителю и другу. В моем сновидении было только одно

новое обстоятельство — девочка была со мной, когда я подошла к вам, и она внушила мне слова, когда я писала в вашей книге. Вы, вероятно, видели слова, и, конечно, они исчезли, когда я проснулась? Я нашла мою милую малютку еще лежащей как мертвая в моих объятиях. Целую ночь перемены в ней не было. Она только очнулась в полдень на следующий день. Отчего вы вздрогнули? Что в моих словах показалось вам удивительным?

Для моего изумления была основательная причина. В тот день и в тот час, когда девочка очнулась, я стоял на палубе судна и видел, как ее призрак исчез из моих глаз!

— Сказала она что-нибудь, — спросил я, — когда пришла в сознание?

— Да. Она также видела во сне, что находится с вами. Она сказала: «Он едет к нам, мама, и я показывала ему дорогу». Я спросила, где она видела вас. Она сбивчиво говорила о разных местах. Она говорила о деревьях, коттедже, озере. Потом о полях, изгородях и уединенных переулках. Потом об экипаже и лошадях, и о большой белой дороге. Потом о многолюдных улицах и домах, о реке и корабле. Ничего нет удивительного, что она говорила об этих последних предметах. Дома, реку и корабль, которые она видела во сне, она видела и наяву, когда мы везли ее из Лондона в Роттердам, когда ехали сюда. Но относительно других мест, особенно коттеджа и озера (как она описывала их), я могу только предполагать, что ее сновидение было отражением моего. Я видела во сне коттедж и озеро, которые я знала в давно прошедшие годы, и, Господь знает почему, я соединила вас с этим местом. Не будем говорить об этом теперь. Не знаю, какое ослепление заставляет меня шутить таким образом со старыми воспоминаниями, огорчающими меня в моем настоящем положении. Мы говорили о здоровье девочки — вернемся к этому.

Нелегко было вернуться к разговору о здоровье девочки. Мистрис Ван-Брандт оживила мое любопытство, упомянув о своих воспоминаниях об озере Зеленых Вод. Малютка еще спокойно играла в спальне. Мне еще раз представился удобный случай. Я воспользовался им.

— Я не стану вас огорчать, — сказал я. — Я только прошу позволения, прежде чем мы переменим тему разговора, задать вам один вопрос о коттедже и озере.

Так было угодно року, преследующему нас, что теперь она в свою очередь стала невинным препятствием к тому, чтобы мы узнали друг друга.

— Ничего не могу сказать вам больше сегодня, — перебила она, вставая с нетерпением. — Мне пора укладывать девочку в постель, и кроме того, я не могу говорить о том, что огорчает меня. Вы должны дождаться время, если оно наступит когда-нибудь, когда я стану спокойнее и счастливее, чем теперь.

Она повернулась и пошла в спальню. Действуя опрометчиво по минутному побуждению, я взял ее за руку и остановил.

— Это зависит от вас, — сказал я, — и более спокойное и счастливое время наступит для вас с этой минуты.

— Наступит для меня? — повторила она. — Что вы хотите сказать?

— Скажите одно слово, — возразил я, — и у вас и вашей дочери будут домашний кров и светлая будущность.

Она посмотрела на меня и с изумлением, и с гневом.

— Вы предлагаете мне ваше покровительство? — спросила она.

— Я предлагаю вам покровительство мужа, — ответил я. — Я прошу вас быть моей женой.

Она сделала шаг ко мне и посмотрела мне прямо в глаза.

— Вы, очевидно, не знаете того, что случилось, — сказала она. — А между тем Богу известно, что девочка сказала довольно ясно.

— Девочка только сказала мне, — возразил я, — то, что я уже слышал, едучи сюда.

— Вы слышали все?

— Все.

— И еще хотите жениться на мне?

— Я не могу вообразить большего счастья, как видеть вас своей женой.

— Зная то, что вам известно теперь?

— Зная то, что мне известно теперь, я прошу вас убедительно вашей руки. Какие права ни имел бы этот человек на вас как отец вашего ребенка, он теперь нарушил их тем, что так гнусно бросил вас. В полном значении слова, моя дорогая, вы женщина свободная. У нас было довольно горя в нашей жизни. Счастье, наконец, стало для нас доступно. Придите ко мне, скажите да!

Я хотел заключить ее в свои объятия; но она отступила, как будто я испугал ее.

— Никогда! — сказала она твердо.

Я произнес шепотом следующие слова, чтобы девочка в другой комнате не могла слышать нас:

— Вы когда-то говорили, что любите меня.

— Я и теперь вас люблю.

— Так же нежно, как и прежде?

— Гораздо нежнее прежнего.

— Поцелуйте меня!

Она машинально уступила. Она поцеловала меня. Губы ее были холодны. Крупные слезы катились из глаз.

— Вы не любите меня! — вскричал я сердито. — Вы целуете меня как бы по обязанности. Губы ваши холодны, сердце ваше холодно. Вы не любите меня!

Она посмотрела на меня грустно, с нежной улыбкой.

— Следует помнить разницу между вашим положением и моим, — сказала она. — Вы человек безукоризненной честности, занимающий неоспоримое положение в свете. А я что такое? Я брошенная любовница вора. Один из нас должен помнить это. Вы великодушно забыли об этом. Я должна держать это в мыслях. Конечно, я холодна. Страдание имеет на меня влияние, а я признаюсь, что теперь очень страдаю.

Я был так страстно влюблен в нее, что не мог испытывать того сочувствия, на которое она, очевидно, рассчитывала, говоря эти слова. Мужчина может уважать совесть женщины, когда она обращается к нему с безмолвной мольбой в глазах и со слезами. Но холодное выражение в словах только раздражает его или надоедает ему.

— Чья вина, если вы страдаете? — возразил я холодно. — Я прошу вас сделать мою и вашу жизнь счастливой. Вы женщина жестоко оскорбленная, но не порочная. Вы достойны быть моей женой, а я готов гласно объявить об этом. Вернитесь со мной в Англию. Мое судно ждет вас.

Она села на стул. Ее руки беспомощно опустились на колени.

— Как это жестоко! — прошептала она. — Как жестоко искушать меня!

Она подождала немного и вернулась к своему твердому решению.

— Нет! — сказала она. — Если бы я даже умерла из-за этого, я все-таки стану отказываться обесславить вас. Оставьте меня, мистер Джермень. Вы можете еще раз проявить ко мне вашу доброту. Ради Бога, оставьте меня!

Я обратился с последней мольбой к ее сердцу.

— Знаете ли вы, какова будет моя жизнь, если я буду жить без вас? — спросил я. — Мать моя умерла. На свете не осталось ни одного живого существа, любимого мной, кроме вас. А вы просите меня оставить вас! Куда мне деваться? Что мне делать? Вы говорите о жестокости! Разве не жестоко жертвовать счастьем моей жизни из-за пустой деликатности, из-за безрассудного опасения мнения света? Я люблю вас — вы любите меня. Все другие соображения не стоят ничего. Вернитесь со мной в Англию, вернитесь и будьте моей женой!

Она упала на колени и, взяв мою руку, молча поднесла ее к губам. Я старался приподнять ее. Это было бесполезно.., она твердо не хотела этого.

— Это значит: нет? — спросил я.

— Это значит, — сказала она слабым, прерывающимся голосом, — что я ценю вашу честь выше своего счастья. Если я выйду за вас, ваша карьера будет испорчена вашей женой и когда-нибудь вы скажете мне об этом. Я могу страдать, я могу умереть, но такой будущности не могу себе представить. Простите меня и забудьте обо мне. Я не могу сказать ничего больше!

Она выпустила мою руку и упала на пол. Полное отчаяние этого поступка сказало мне, гораздо красноречивее слов, сейчас сказанных ею, что ее намерение неизменно. Она добровольно рассталась со мной, ее собственный поступок разлучил нас навсегда.

Глава XXXVIII

ДВЕ СУДЬБЫ

Я не сделал движения, чтобы выйти из комнаты, я ни малейшим признаком не обнаружил своего горя. Мое сердце ожесточилось против женщины, так упорно отказывавшей мне. Я стоял и смотрел на нее без жалости, охваченный гневом, одно воспоминание о котором ужасает меня и теперь. Для меня было только одно извинение. Рассудок мой не мог перенести последнего разрушения надежды, привязывавшей меня к жизни. В ту ужасную ночь (чего не было в другое время), я сам думаю, что был помешан. Я первый прервал молчание.

— Встаньте, — сказал я холодно.

Она приподняла свое лицо от пола и посмотрела на меня, сомневаясь, то ли она слышала.

— Наденьте шляпку и плащ, — продолжал я — я должен просить вас отправиться со мной на судно.

Она медленно приподнялась. Глаза ее остановились на моем лице с тупым и изумленным выражением.

— Зачем мне идти с вами на судно? — спросила она. Девочка услышала ее. Девочка подбежала к нам, держа в одной руке свою шляпу, а в другой ключ от каюты.

— Я готова! — сказала она. — Я отворю дверь каюты.

Мать сделала ей знак вернуться в спальню. Она подошла к двери, которая вела на двор, и ждала там прислушиваясь. Я холодно повернулся к мистрис Ван-Брандт и ответил на вопрос, с которым она обратилась ко мне.

— Вы остались, — сказал я, — без всяких средств, чтобы уехать отсюда. Через два часа настанет прилив, и я тотчас отправлюсь в обратный путь. На этот раз мы расстанемся с тем, чтобы не встречаться никогда. Прежде чем уеду, я решил обеспечить вас материально. Деньги мои лежат в дорожном мешке в каюте. Вот по этой причине я и должен просить вас отправиться со мной на мое судно.

— Благодарю вас за доброту, — сказала она. — Мне совсем не так нужна помощь, как вы предполагаете.

— Бесплезно пытаться обмануть меня, — продолжал я. — Я говорил с главным партнером дома Ван-Брандт в Амстердаме и знаю в точности ваше положение. Ваша гордость должна смириться и принять из моих рук средства к существованию вашему и вашей дочери. Если бы я умер в Англии...

Я остановился. Я хотел было сказать ей, что она получит наследство по моему завещанию и что могла бы взять от меня деньги при жизни, как возьмет их от душеприказчиков после моей смерти. Когда я собирался выразить эту мысль словами, воспоминания, вызванные ею, весьма естественно оживили в моей памяти намерение самоубийства в озере. Примешавшись к воспоминаниям, таким образом возбужденным, во мне возникло непрошеное искушение, столь невыразимо гнусное и вместе с тем столь непреодолимое в настоящем расположении моего духа, что оно потрясло меня до глубины души.

«Тебе не для чего жить теперь, когда она отказалась принадлежать тебе, — шептал мне злой дух. — Переселись в другой мир — и заставь любимую тобой женщину переселиться туда вместе с тобой!»

Пока я смотрел на нее, пока последние слова, которые я сказал ей, не замерли еще на моих губах, ужасная возможность для совершения двойного преступления явственно представилась моим глазам. Мое судно было причалено в той части разрушенной пристани, где у набережной было еще довольно глубоко. Мне стоило только убедить ее следовать за мной, а когда я вступлю на палубу, схватить ее на руки и броситься вместе с ней в воду, прежде чем, она успеет позвать на помощь. Моих сонных матросов, как я знал по опыту, было трудно разбудить, и, даже проснувшись, они шевелились медленно. Мы оба утонем, прежде чем самый молодой и проворный из них поднимется с койки и выйдет на палубу. Да! Мы оба будем вычеркнуты из списка живых в одну и ту же минуту. Почему бы и не так? Она, постоянно отказывавшаяся стать моей женой, заслуживает ли, чтобы я предоставил ей свободу, может быть, во второй раз вернуться к Ван-Брандту? В тот вечер, когда я спас ее из вод шотландской реки, я стал властелином ее судьбы. Она хотела утопиться — она утонет теперь в объятиях человека, который когда-то стал между ней и ее смертью!

Предаваясь таким рассуждениям, я стоял с ней лицом к лицу и вернулся к моей неоконченной фразе.

— Если бы я умер в Англии, вы бы были обеспечены моим завещанием. То, что вы взяли бы от меня тогда, вы можете взять от меня теперь. Пойдемте на судно.

В выражении ее лица произошла перемена при этих моих словах, смутное подозрение относительно меня начало появляться в ее глазах. Она отступила немного назад, не ответив ничего.

— Пойдемте на судно! — повторил я.

— Слишком поздно!

С этим ответом, она посмотрела на девочку, все ожидавшую у дверей.

— Пойдем, Эльфи, — сказала она, называя малютку любимым прозвищем. — Пойдем спать.

Я тоже посмотрел на Эльфи. Не могла ли она (спросил я сам себя) служить невинным способом для того, чтобы принудить мать выйти из дома? Положившись на безбоязненный характер ребенка и на ее нетерпение увидеть судно, я вдруг отворил дверь. Как я и ожидал, она тотчас выбежала. Вторую дверь, которая вела на сквер, я не затворил, когда вышел на двор. Через минуту Эльфи была уже на сквере, с торжеством радуясь своей свободе. Пронзительный голосок ее нарушал могильную тишину места и часа, зовя меня опять отвести ее на судно.

Я обернулся к мистрис Ван-Брандт. Хитрость удалась. Мать Эльфи не могла отказаться следовать за ней.

— Вы пойдете с нами? — спросил я, — или мне прислать деньги с девочкой?

Глаза ее остановились на мне на одно мгновение с усилившимся выражением недоверия — потом она опять отвернулась. Она начала бледнеть.

— Вы непохожи на себя сегодня, — сказала она.

Не говоря ни слова больше, она надела шляпку и плащ, и вышла дальше меня на сквер. Я пошел за ней, затворив за собой двери. Она сделала попытку убедить ребенка подойти к ней.

— Поди ко мне, душечка, — сказала она ласково, — подойди и возьми меня за руку.

Но Эльфи нельзя было поймать. Она бросилась бежать и ответила на безопасном расстоянии:

— Нет, ты уведешь меня назад и положишь в постель.

Она убежала еще раньше и подняла кверху ключ.

— Я пойду вперед, — вскричала она, — и отпру дверь!

Она побежала по направлению к пристани и подождала нас на углу улицы. Мать вдруг обернулась и пристально посмотрела на меня при бледном мерцанье звезд.

— Матросы сейчас на судне? — спросила она.

Этот вопрос изумил меня. Не подозревала ли она о моем намерении? Не предостерегало ли ее мое лицо об угрожающей опасности, если она пойдет на судно? Это было невозможно. Всего вероятнее, что она спросила для того, чтобы найти новый предлог не идти со мной к пристани. Скажи я ей, что матросы на судне, она могла бы сказать: «Почему не прислать мне деньги с одним из ваших матросов»? Я опередил это предложение в своем ответе.

— Может быть, это честные люди, — сказал я, смотря на нее внимательно, — но я не знаю их настолько, чтобы поручить им деньги.

К удивлению моему, она наблюдала за мной также внимательно со своей стороны и повторила вопрос:

— Матросы сейчас на судне?

Я счел благоразумным уступить, ответил да и замолчал, чтобы посмотреть, что будет. Мой ответ, по-видимому, пробудил ее решимость. После минутного молчания она повернула к тому месту, где девочка ждала нас.

— Пойдемте, если вы настаиваете на этом, — сказала она спокойно.

Я не сделал больше никаких замечаний. Рядом, молча, мы шли за Эльфи по дороге к судну.

Ни одно человеческое существо не прошло мимо нас на улицах. Огни не освещали нас из угрюмых, черных домов. Девочка два раза останавливалась (все лукаво держась поодаль от матери) и вернулась бегом ко мне, удивляясь моему молчанию.

— Почему вы не разговариваете? — спросила она. — Вы поссорились с мамашей?

Я был неспособен ответить ей. Я не мог думать ни о чем, кроме моего замышляемого преступления. Ни страх, ни угрызения не

волновали меня. Всякий добрый инстинкт, всякое благородное чувство, которыми я обладал когда-то, как будто замерли и исчезли. Даже мысль о будущем ребенка не волновала моей души. Я не имел возможности заглянуть дальше рокового прыжка с судна: за этим же было пусто. Пока, я могу только повторять это, мое нравственное чувство помрачилось, мои душевные способности потеряли свое равновесие. Телесная часть моя жила и двигалась как обыкновенно, гнусные животные инстинкты во мне составляли планы — и больше ничего. Никто, взглянув на меня, не увидел бы ничего, кроме тупого спокойствия на моем лице, неподвижного бесстрастия в обращении. А между тем ни один сумасшедший не заслуживал бы больше изоляции и не был менее ответствен нравственно за свои поступки, чем я в эту минуту.

Эльфи подняла ручки, чтобы я поставил ее на палубу, мистрис Ван-Брандт стала между нами, когда я наклонился поднять ребенка.

— Я подожду здесь, — сказала она, — пока вы сходите в каюту и принесете деньги.

Эти слова показывали несомненно, что она подозревала меня, и эти подозрения, вероятно, заставляли ее опасаться, не за свою жизнь, а за свою свободу. Она, может быть, опасалась остаться пленницей на судне и быть увезенной против воли. Более этого она вряд ли могла чего-нибудь опасаться. Девочка избавила меня от труда возражать. Она решила идти со мной.

— Я должна видеть каюту! — вскричала она, поднимая кверху ключ. — Я должна отпереть дверь сама!

Она вырвалась из рук матери и перебежала на другую сторону ко мне. Я тотчас поднял ее через борт судна. Прежде чем я успел повернуться, мать последовала за ней и остановилась на палубе.

Дверь каюты в том положении, которое она теперь занимала, находилась по левую ее руку. Девочка стояла позади нее. Я справа. Перед нами была открыта палуба, возвышавшаяся над глубокой водой. В одно мгновение мы могли перепрыгнуть через борт, в одно мгновение мы могли сделать гибельный прыжок. Одна мысль об этом довела мою безумную злость до крайней степени. Я вдруг стал неспособным сдерживать себя. Я обнял руками ее стан с громким хохотом.

— Пойдемте, — сказал я, стараясь увлечь ее за собой на палубу. — Пойдемте и посмотрим на воду!

Она высвободилась с внезапной силой, изумившей меня. С слабым криком ужаса она обернулась взять ребенка за руку и вернуться на набережную. Я стал между ней и бортом, чтобы загородить ей дорогу. Все еще смеясь, я спросил, чего она боится. Она отступила назад и вырвала ключ от каюты из рук девочки. Поняв ужас этой минуты, она не колебалась. Она отперла дверь и сбежала с трех ступеней, ведущих в каюту, и взяла девочку с собой. Я пошел за ними, сознавая, что я выдал себя, но все упорно, глупо, безумно старался выполнить свое намерение.

«Мне стоит только вести себя спокойно, — думал я про себя, — и я уговорю ее опять выйти на палубу».

Моя лампа горела, как я ее оставил. Мой дорожный мешок лежал на столе. Все еще держа за руку ребенка, она стояла бледная как смерть и ждала меня. Изумленные глаза Эльфи вопросительно остановились на моем лице, когда я подошел. Она готова была заплакать. Неожиданность поступка матери испугала ребенка. Я постарался успокоить ее, прежде чем заговорил с матерью. Я указал на разные вещи, которые могли заинтересовать ее в каюте.

— Ступай и взгляни на них, — сказал я. — Ступай и позабавься, Эльфи.

Девочка все колебалась.

— Вы не сердитесь на меня? — спросила она.

— Нет! Нет!

— Вы сердитесь на мамашу?

— Вовсе нет!

Я обернулся к мистрис Ван-Брандт.

— Скажите Эльфи, сержусь ли я на вас, — сказал я.

Она понимала очень хорошо, в ее критическом положении, необходимость потакать мне. Мы вдвоем успели успокоить ребенка. Она в восторге повернулась, чтобы рассмотреть новые и странные вещи, окружавшие ее. Между тем мы с ее матерью стояли рядом и смотрели друг на друга при свете лампы с притворным спокойствием, скрывавшим наши настоящие лица, как маска. В этом ужасном положении смешное и ужасное, всегда идущее рядом в странной нашей жизни, соединилось теперь. По обе наши стороны

единственным звуком, нарушавшим зловещее и грозное молчание, был сильный храп спящих капитана и экипажа.

Она заговорила первая.

— Если вы хотите дать мне деньги, — сказала она, стараясь добиться моего доверия таким образом, — я готова взять их теперь.

Я открыл свой мешок. Отыскивая в нем кожаную шкатулочку, в которой лежали мои деньги, я только хотел заманить Мери на палубу, и мое безумное нетерпение совершить гибельный поступок опять стало так сильно, что я не мог с ним справиться.

— Нам будет прохладнее на палубе, — сказал я. — Возьмем туда мешок.

Она проявила удивительное мужество. Я мог почти видеть, как крик о помощи срывался с ее губ. Она сдержала его, у нее еще осталось достаточно присутствия духа, чтобы предвидеть, что может случиться, прежде чем она успеет разбудить спящих.

— У нас здесь есть лампа, чтобы сосчитать деньги, ответила она. — Мне совсем не жарко в каюте. Останемся здесь подольше. Посмотрите, как забавляется Эльфи.

Глаза ее остановились на мне с этими словами. Что-то такое в выражении их успокоило меня на время. Я опять стал способен остановиться и подумать. Я мог вытащить ее на палубу силой прежде, чем матросы успеют прибежать, но ее крики разбудят их. Они услышат плеск воды и, может быть, успеют спасти нас. Было бы благоразумнее немного подождать и положиться на свою хитрость, чтобы выманить ее из каюты с ее согласия. Я положил мешок на стол и начал отыскивать кожаную шкатулку. Руки мои были необыкновенно неловки и беспомощны. Я мог только отыскать шкатулку и разбросать половину денег на столе. Девочка стояла возле меня в то время и смотрела, что я делаю.

— О, как вы неловки! — вскрикнула она со своим детским чистосердечием. — Дайте мне, я приведу в порядок ваш мешок. Пожалуйста!

Я с неохотой откликнулся на эту просьбу. Тревожное желание Эльфи всегда делать что-нибудь (вместо того чтобы забавлять меня, по обыкновению) раздражало меня теперь. Участие, которое я когда-то чувствовал к этому очаровательному созданию, исчезло совершенно.

Невинная любовь была в ту ночь чувством, подавленным ядовитой атмосферой моей души.

Деньги мои состояли по большей части из билетов английского банка. Я отложил в сторону сумму, необходимую для обратного путешествия в Лондон, а все остальное отдал мистрис Ван-Брандт. Неужели она могла подозревать меня в покушении на ее жизнь после этого?

— Я могу впоследствии снести с вами, — сказал я, — через господ Ван-Брандт в Амстердаме.

Она машинально взяла деньги. Рука ее дрожала, глаза встретились с моими с выражением жалобной мольбы. Она старалась оживить в себе свою прежнюю нежность, она обратилась в последний раз к моему снисхождению и вниманию.

— Мы можем расстаться друзьями, — сказала она тихим и дрожащим голосом. — И как друзья, мы можем встретиться опять, когда время научит вас думать о прощении того, что случилось между нами сегодня.

Она протянула мне руку. Я посмотрел на нее и взял ее руку. Причина, побудившая ее к этому, была ясна. Все подозревая меня, она попробовала последнюю возможность безопасно вернуться на берег.

— Чем меньше будем мы говорить о прошлом, тем лучше, — ответил я с иронической вежливостью, — становится поздно, и вы согласитесь со мной, что Эльфи следует лежать в постели.

Я оглянулся на девочку, которая обеими руками старалась привести в порядок мой мешок.

— Поскорее, Эльфи, — сказал я, — твоя мама уходит.

Я отворил дверь каюты и подал руку мистрис Ван-Брандт.

— Это судно пока мой дом, — продолжал я, — когда дамы прощаются со мной после визита, я провожаю их на палубу. Пожалуйста, возьмите меня под руку!

Она отскочила назад. Во второй раз она хотела позвать на помощь — и во второй раз отложила до последней минуты этот отчаянный поступок.

— Я еще не видела вашей каюты, — сказала она, и глаза ее наполнились страхом, с принужденной улыбкой на губах. — Тут есть много вещей, интересных для меня. Мне нужны еще минуты две, чтобы рассмотреть их.

Она подошла ближе к девочке, под тем предлогом, чтобы осмотреть стены каюты. Я стоял на карауле у отворенной двери и подстерегал мистрис Ван-Брандт. Она сделала еще попытку — шумно, как бы случайно, опрокинула стул, а потом подождала, не разбудит ли матросов ее фокус. Тяжелый храп продолжался, ни одного звука не было слышно по обе стороны от нас.

— Мои матросы спят крепко, — сказал я, улыбаясь значительно. — Не пугайтесь, вы не разбудите их. Ничто не может разбудить голландских матросов, когда они благополучно войдут в гавань.

Она не отвечала. Мое терпение истощилось. Я отошел от двери и приблизился к ней. Она отступила с безмолвным ужасом и прошла позади стола на другой конец каюты. Я следовал за ней, пока она не дошла до конца комнаты и не могла идти дальше. Она встретила взгляд, который я устремил на нее, бросилась в угол и стала звать на помощь. В смертельном ужасе, овладевшем ею, она лишилась голоса. С ее губ мог сорваться только хриплый стон, немногим громче шепота. Уже в воображении я чувствовал холодное прикосновение воды, когда меня испугал крик позади меня. Я обернулся. Это вскрикнула Эльфи. Она, по-видимому, видела в мешке какую-то новую вещь, она с восторгом подняла ее высоко над головой.

— Мама! Мама! — вскричала она с волнением. — Посмотри на эту хорошенькую вещицу. О! Пожалуйста, пожалуйста, спроси его, могу ли я взять ее.

Мать бросилась к ней, с жадностью ухватившись за первый попавшийся предлог, чтобы удалиться от меня.

Я шел за ней и протянул руки, чтобы схватить ее. Она вдруг обернулась ко мне, совершенно преобразившись. Яркий румянец пылал на ее лице, нетерпеливое изумление сверкало в глазах. Выхватив из рук Эльфи вещицу, заинтересовавшую девочку, она подняла ее кверху передо мной. Я видел ее при свете лампы. Это была забытая мной вещица, подаренная мне на память, — зеленый флаг.

— Как это попало к вам? — спросила она, ожидая моего ответа и едва переводя дух.

На лице ее не осталось ни малейшего следа ужаса, искажавшего его минуту тому назад.

— Как это попало к вам? — повторила она, тряся меня за руку, которую схватила с нетерпением.

Голова моя кружилась, сердце неистово билось при виде волнения, охватившего ее. Мои глаза были прикованы к зеленому флагу. Слова, которые мне хотелось произнести, замерли на губах. Я машинально отвечал:

— Это у меня с детства.

Она выпустила мою руку и подняла обе свои с выражением восторженной признательности. Милый, ангельский блеск сиял, как свет небесный, на ее лице. С минуту она стояла как зачарованная. Затем страстно прижала меня к сердцу и шепнула мне на ухо:

— Я Мери Дермоди — я вышила это для вас! Потрясение, пережитое мной при этом неожиданном открытии, последовавшее так скоро за тем, что я только что выстрадал, оказалось свыше моих сил. Я без чувств упал Мери на руки.

Когда я пришел в себя, то уже лежал на постели в каюте. Эльфи играла зеленым флагом, а Мери сидела рядом и держала мою руку в своих руках. Один продолжительный взгляд любви молча переходил из ее глаз в мои — из моих в ее. В этом взгляде опять соединились родные души. Две Судьбы исполнились.

ФИНАЛ

ПИШЕТ ЖЕНА И КОНЧАЕТ

ИСТОРИЮ

Прелюдия к Двум Судьбам началась маленьким рассказом, который вы, может быть, уже забыли.

Рассказ был написан мной, гражданином Соединенных Штатов, посетившим Англию со своей женой. В этом рассказе описывался обед, на котором мы присутствовали, данный мистером и мистрис Джермень в честь их брака, и упоминалось об обстоятельствах, при которых нам сообщили историю, только что изложенную на этих страницах. После прочтения рукописи нам предоставили самим решить (как вы, может быть, помните), продолжать ли дружеские сношения с мистером и мистрис Джермень, или нет.

В три часа пополудни закончили мы читать последнюю страницу рассказа. Пять минут спустя я вложил его в конверт, запечатал, а жена моя надела шляпку, и вот мы прямо отправились в дом мистера Джерменя, когда слуга принес письмо, адресованное моей жене.

Она распечатала, взглянула на подпись, и увидела, «Мери Джермень».

Мы сели рядом, чтобы прежде всего прочесть письмо.

Прочитав письмо, мне пришло в голову, что и вам не худо бы познакомиться с ним. Наверно, вы теперь также немножко интересуетесь мистрис Джермень. И поэтому ей самой лучше всего закончить эту историю. Вот ее письмо:

"Милостивая государыня — или, не могу ли я сказать, дорогой друг? — приготовьтесь, пожалуйста, к маленькому сюрпризу. Когда вы прочтете эти строки, мы уже уедем из Лондона за границу.

После вашего отъезда вчера муж мой решил на это путешествие. Видя, как он сильно переживает оскорбление, нанесенное мне дамами, которых мы пригласили к обеду, я охотно согласилась на наш внезапный отъезд. Когда мистер Джермень будет

далеко от своих ложных друзей, я настолько знаю его, что уверена в возвращении его спокойствия. Этого для меня достаточно.

Моя дочь, разумеется, едет с нами. Сегодня рано утром я отправилась в ту школу, где она училась, и увезла ее с собой.

Ваше знание света, без сомнения, уже приписало отсутствие дам за нашим обедом каким-нибудь слухам, вредным для моей репутации. Вы совершенно правы. В то время, как я увозила Эльфи из школы, муж мой заехал к одному из своих друзей, обедавших у нас (мистеру Верингу), и настойчиво потребовал объяснения. Мистер Веринг сослался на женщину, известную вам теперь как законная жена мистера Ван-Брандта. В минуты трезвости она обладает некоторым музыкальным дарованием. Мистрис Веринг встретила с ней на одном благотворительном концерте и заинтересовалась историей ее «обид», как она выражается. Разумеется, назвали меня и описали «брошенной любовницей Ван-Брандта», убедившей мистера Джермена обесславить себя, женившись на ней и став отчимом ее дочери. Мистрис Веринг сообщила о том, что слышала, другим дамам, своим приятельницам. Результат вы видели сами, когда обедали у нас.

Сообщаю вам о том, что случилось, без всяких комментариев. Рассказ мистера Джермена уже открыл вам, что я предвидела плачевные последствия нашего брака и постоянно (Богу известно, чего это мне стоило) отказывалась стать его женой. Только когда мой бедный зеленый флаг открыл нас друг другу, лишилась я всякой сдержанности над собой. Препрежнее время на берегах озера вспомнилось мне. Сердце мое жаждало встретить своего любимого далеких счастливых дней, и я сказала да, когда мне следовало бы, как вы, может быть, думаете, сказать опять нет. Не согласитесь ли вы с мнением бедной старушки Дермоди, что родные души, раз соединившись, не могут более разлучиться, или вы согласитесь с моим мнением, которое еще проще? Я так нежно люблю его, а он так привязан ко мне!

Вы говорили о путешествии на континент, когда обедали у нас. Если вам случится быть в нашей стороне, то английский консул в Неаполе — приятель моего мужа и у него будет наш адрес. Желала бы я знать, увидимся ли мы с вами. Немножко жестоко обвинять меня в моих несчастьях, точно я виновна в них.

Говоря о моих несчастьях, я могу сказать, прежде чем кончу это письмо, что человек, которому я обязана ими, вероятно, никогда не встретится со мной больше. Амстердамские Ван-Брандты получили известие, что он теперь на дороге в Новую Зеландию. Они приняли решение преследовать его судом, если он вернется. Вряд ли он даст им эту возможность.

Дорожный экипаж у дверей — я должна с вами проститься. Мой муж выражает вам свое сердечное уважение и наши лучшие пожелания. Его рукопись сохранится в целости (когда вы уедете из Лондона), если вы отошлете ее к его банкирам по прилагаемому при этом адресу. Думайте обо мне иногда — и думайте с добротой. Я с уверенностью обращаюсь к вашей доброте, потому что не забыла, что вы поцеловали меня при расставании. Ваш признательный друг (если вы позволите мне быть вашим другом) Мери Джермень".

Мы, жители Соединенных Штатов, любим действовать по внезапному побуждению и решаемся на продолжительные путешествия по морю и по суше без малейшей суеты. Мы с женой взглянули друг на друга, когда прочли письмо мистрис Джермень.

— В Лондоне скучно, — заметил я и ждал, что из этого выйдет.

Жена сейчас поняла же мое замечание.

— Не поехать ли нам в Неаполь? — сказала она.

Вот и все. Позвольте нам проститься с вами. Мы едем в Неаполь.

Содержание

Уилки КОЛЛИНЗ ДВЕ СУДЬБЫ

ВВЕДЕНИЕ ГОСТЬ ОПИСЫВАЕТ ИСТОРИЮ ОДНОГО ОБЕДА

ДЖОРДЖ ДЖЕРМЕНЬ ОПИСЫВАЕТ ИСТОРИЮ СВОЕЙ ЛЮБВИ

Глава I ОЗЕРО ЗЕЛЕННЫХ ВОД

Глава II ДВА МОЛОДЫХ СЕРДЦА

Глава III СВЕДЕНБОРГ И СИВИЛЛА

Глава IV ЗАНАВЕС ОПУСКАЕТСЯ

Глава V МОЯ ИСТОРИЯ

Глава VI ЕЕ ИСТОРИЯ

Глава VII ЖЕНЩИНА НА МОСТУ

Глава VIII РОДСТВЕННЫЕ ДУХИ

Глава IX ЕСТЕСТВЕННОЕ И СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ

Глава X ИСТОЧНИК СВЯТОГО АНТОНИЯ

Глава XI РЕКОМЕНДАТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО

Глава XII ИСПЫТАНИЯ МИСТРИС ВАН-БРАНДТ

Глава XIII ЕЩЕ НЕ ИЗЛЕЧЕН

Глава XIV МИСТРИС ВАН-БРАНДТ ДОМА

Глава XV ПРЕПЯТСТВИЕ ПРЕОДОЛЕВАЕТ МЕНЯ

Глава XVI ДНЕВНИК МОЕЙ МАТЕРИ

Глава XVII ШЕТЛЕНДСКОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО

Глава XVIII ТЕМНАЯ КОМНАТА

Глава IX КОШКИ

Глава XX ЗЕЛЕНЬЙ ФЛАГ

Глава XXI ОНА СТАНОВИТСЯ МЕЖДУ НАМИ

Глава XXII ОНА ОПЯТЬ ТРЕБУЕТ МЕНЯ

Глава XXIII ПОЦЕЛУЙ

Глава XXIV В ТЕНИ СВ. ПАВЛА

Глава XXV Я ДЕРЖУ СЛОВО

Глава XXVI РАЗГОВОР С МОЕЙ МАТЕРЬЮ

Глава XXVII РАЗГОВОР С МИСТРИС ВАН-БРАНДТ

Глава XXVIII ЛЮБОВЬ И ДЕНЬГИ

Глава XXIX СУДЬБА РАЗЛУЧАЕТ НАС

Глава XXX ВЗГЛЯД НАЗАД

Глава XXXI МИСС ДЕНРОС

Глава XXXII МНЕНИЕ ДОКТОРА

Глава XXXIII ПОСЛЕДНИЙ ВЗГЛЯД НА ОЗЕРО ЗЕЛЕННЫХ
ВОД

Глава XXXIV НОЧНОЕ ВИДЕНИЕ

Глава XXXV ПО СУШЕ И ПО МОРЮ

Глава XXXVI ПОД ОКНОМ

Глава XXXVII ЛЮБОВЬ И ГОРДОСТЬ

Глава XXXVIII ДВЕ СУДЬБЫ

ФИНАЛ ПИШЕТ ЖЕНА И КОНЧАЕТ ИСТОРИЮ